

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

Russian State University for the Humanities
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Journal of Language Relationship

International Scientific Periodical

Nº 20/3

Moscow 2022

Российский государственный гуманитарный университет
Институт языкознания Российской Академии наук

Вопросы языкового родства

Международный научный журнал

№ 20/3

ВЯР

Москва 2022

Advisory Board:

H. EICHNER (Vienna) / Chairman
W. BAXTER (Ann Arbor, Michigan)
V. BLAŽEK (Brno)
L. HYMAN (Berkeley)
F. KORTLANDT (Leiden)
A. LUBOTSKY (Leiden)
J. P. MALLORY (Belfast)
A. YU. MILITAREV (Moscow)
V. F. VYDRIN (Paris)

Editorial Staff:

V. A. DYBO (Editor-in-Chief)
G. S. STAROSTIN (Managing Editor)
T. A. MIKHAILOVA (Editorial Secretary)
A. V. DYBO
M. A. MOLINA
M. N. SAENKO
I. S. YAKUBOVICH

Founded by Kirill BABAEV

Редакционный совет:

Х. АЙХНЕР (Вена) / председатель

В. БЛАЖЕК (Брно)

У. БЭКСТЕР (Анн Арбор)

В. Ф. ВЫДРИН (Париж)

Ф. КОРГЛАНДТ (Лейден)

А. ЛУБОЦКИЙ (Лейден)

Дж. МЭЛЛОРИ (Белфаст)

А. Ю. МИЛИТАРЕВ (Москва)

Л. ХАЙМАН (Беркли)

Редакционная коллегия:

В. А. ДЫБО (главный редактор)

Г. С. СТАРОСТИН (заместитель главного редактора)

Т. А. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь)

А. В. ДЫБО

М. А. МОЛИНА

М. Н. САЕНКО

И. С. ЯКУБОВИЧ

Журнал основан К. В. БАБАЕВЫМ

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2022. — № 20/3. — x + 76 с.

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2022. — No. 20/3. — x + 76 p.

ISSN 2219-3820

<http://www.jolr.ru/>
gstarst1@gmail.com

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Подписано в печать 30.09.2022. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 7,5. Заказ № 1695.
Тираж 1050 экз.

Издательский центр
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	viii
Note for Contributors / Будущим авторам	ix

Articles / Статьи

<i>Ilya B. Itkin.</i> On Tocharian A cognates of the Tocharian B words meaning ‘spleen’ and ‘liver’	177
[И. Б. Иткин. О тохарских А соответствиях тохарским В словам со значением ‘селезенка’ и ‘печень’]	
<i>Anton Kogan.</i> On the etymological attribution of certain non-Tibetan lexical elements in medieval Tibetan texts	181
[А. И. Коган. Об этимологической атрибуции некоторых нетибетских лексических элементов в средневековых тибетских текстах]	
<i>Ilya Yakubovich.</i> The place of Lydian in the Anatolian family through the lens of recent research	191
[И. С. Якубович. Статус лидийского среди анатолийских языков под призмой недавних исследований]	
<i>A. A. Trofimov.</i> Ударение в языках парачи и ормури в связи с афганским и его значение для иранской реконструкции	222
[Artem Trofimov. The accent in Parachi and Ormuri compared to Pashto and its significance for the reconstruction of Proto-Iranian]	

Contributors

Ilya B. Itkin — candidate of sciences (Philology), senior researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; associate professor, School of Linguistics of the Higher School of Economics (Moscow), ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Anton Kogan — doctor of sciences (Philology), head of the Department of Asian and African languages, Institute of Ori-

ental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), kogan_anton@yahoo.com

Artem Trofimov — researcher, School for Advanced Studies in the Humanities, RANEPA (Moscow), artemii.trofimov@gmail.com

Ilya S. Yakubovich — doctor of sciences (Philology), Philipps-Universität Marburg, sogdiana783@gmail.com

Сведения об авторах

Иткин, Илья Борисович — кандидат филол. наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Школы лингвистики ВШЭ (Москва), ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Коган, Антон Ильич — доктор филол. наук, заведующий Отделом языков Азии и Африки Института востоковедения РАН (Москва), kogan_anton@yahoo.com

Трофимов, Артем Александрович — научный сотрудник Лаборатории востоковедения и сравнительно-исторического языкознания ШАГИ РАНХиГС (Москва), artemii.trofimov@gmail.com

Якубович, Илья Сергеевич — доктор филол. наук, Марбургский университет имени Филиппа, sogdiana783@gmail.com

Note for Contributors

Journal of Language Relationship welcomes submissions from everyone specializing in comparative-historical linguistics and related disciplines, in the form of original articles as well as reviews of recent publications. Articles are published preferably in English or Russian, although publication of texts in other major European languages (such as French or German) may be considered by the Editorial Board.

All submissions should be uploaded electronically in MS Word and PDF format, using the online *Manuscript Submission Form* at the official website of the Journal (<http://jolr.ru>). Each article should be accompanied with information about the author(s) (names, affiliations, contact information), an abstract (not exceeding 300 words) and relevant keywords.

For more detailed guidelines on article submission and editorial policies, please see our website (<http://jolr.ru>) or address the Editorial Board directly at gstarst1@gmail.com. Inquiries may also be sent by regular mail to the official address of the Journal:

Journal of Language Relationship
Institute for Oriental and Classical Studies
Russian State University for the Humanities
125047 Moscow, Russia
Miusskaya Square, 6

Будущим авторам

Журнал *Вопросы языкового родства* принимает заявки на публикацию оригинальных научных статей, а также рецензий от всех, кто специализируется в области сравнительно-исторического языкознания и смежных дисциплин. Предпочтительные языки публикации — английский или русский, хотя по согласованию с редакционной коллегией возможна также публикация статей на других крупных европейских языках (французский, немецкий и т. п.).

Подача материалов для публикации (в форматах MS Word и PDF) осуществляется через *Электронную форму подачи рукописей* на официальном сайте журнала (<http://jolr.ru>). К каждой статье обязательно прикладываются сведения об авторах (имена, аффилиации, контактная информация), краткое резюме (не более 300 слов) и список подходящих ключевых слов.

Подробнее о требованиях к оформлению рукописи, редакционной политике журнала и т. п. вы можете узнать на нашем сайте по адресу: <http://www.jolr.ru> или непосредственно от редакционной коллегии по электронной почте (gstarst1@gmail.com). По различным вопросам с редакцией журнала можно также связаться по обычной почте:

125047 Москва
Миусская площадь, д. 6
Российский государственный гуманитарный университет
Институт восточных культур и античности
В редакцию журнала «Вопросы языкового родства»

On Tocharian A cognates of the Tocharian B words meaning ‘spleen’ and ‘liver’*

In 2022 A. Huard and R. Chen independently established that words meaning ‘spleen’ and ‘liver’ can be reliably identified in Tocharian B. These words, *spalce* (Acc *spalc**) ‘spleen’ and *yakär** ‘liver’, go back to Indo-European. In this article, we show that the names of both of these organs can be identified with the same degree of reliability in Tocharian A, where they look as *spälčäk* and *ykär*.

Keywords: Tocharian A language; Tocharian B language; Indo-European proto-language; basic lexicon; body part terms; *Garbhāvakraṅtisūtra*.

Recently, two well-known specialists in Buddhism of Southern and Central Asia, Athanaric Huard and Ruixuan Chen, almost simultaneously and independently demonstrated in a convincing way that there were certain parallels between the Tocharian B fragments PK AS 7M and PK AS 7K and *Yogācārabhūmi* — a treatise on spiritual practices of yoga composed by the Buddhist philosopher Saṅgharakṣa (Huard 2022: 127–243; Chen 2022). This allowed them to make a number of clarifications in the reading and interpretation of the Tocharian text. Maybe the most important of them concerns the line PK AS 7M b5, which contains the sequence *ya* (–) *r spalyco* (the syllable after *ya* is missing). For the first of the two given words, the conjecture *ya(sa)r* ‘blood’ has been generally accepted (this lexeme is well attested in the Tocharian B texts), the second one remained without translation. A. Huard and R. Chen showed that this sequence should in fact be read as *ya(kä)r spalyco* ‘liver [and] spleen’, both words having a perfect Indo-European etymology: IE **iek^w-r* → Toch. B (N-Acc Sg) *yakär** /yákär/, IE **sb̥g^h-ē⁻¹* → Toch. B (N Sg) *spalce* /späl’ce/ (see immediately below), (Acc Sg) *spalc** /späl’cä/ (in the form *spalyco* one can find the so-called “bewegliche -o” — a vowel which was in certain cases added at the end of Tocharian B word forms to meet the required number of syllables in poetry; see especially Malzahn 2012).

The reading *ya(kä)r spalyco* can be supported by comparison with another Tocharian B text. The beginning of the line B 121 a2 looks like this (the right edge of the previous line is torn off): *kär spalce po yasar* ♦. Definitely, there is the same collocation ‘liver [and] spleen’ (this time in the N form), and the entire syntagm can be read as *(ya)kär spalce po yasar* ♦ ‘liver, spleen [and] all the blood’ (Huard 2022: 210, 213; note that in the Toch. B, unlike the Toch. A, the final *-Vkär* is rarely seen). The undoubted connection between the forms *spalce* and *spalyco* was already pointed out by D.Q. Adams (2013: 784). About the *lc* ~ *lyc* fluctuation see below.

* The author sincerely thanks S. I. Pereverzeva for the English translation, R. Chen, A. Huard, A. V. Kuritsyna, S. V. Malyshev, M. V. Vyshlakov, and I. S. Yakubovich for the various help in the preparation of this article, and an anonymous reviewer for valuable remarks.

¹ Our notation of the Indo-European protoform of the word ‘spleen’ slightly differs from the reconstruction of R. Chen (**splh₁g^h-ēn*). However, since reflexes of the name for the spleen are irregular in different IE languages, any reconstruction will actually consider only part of them. For a significant set of previously proposed reconstructions, see the article by M. N. Saenko (in print).

Discovering the Toch. B lexemes with the meaning ‘spleen’ and ‘liver’ is the key for interpreting some difficult passages in the Tocharian A texts. More specifically, we mean texts A 150 and A 375, as well as the unpublished fragment THT 2339.

The text A 150 (precisely, A 150ext, because there are two small fragments, THT 2444 and THT 3149, which pertain to the same leaf, see Itkin 2019: 21) belongs to *Garbhāvākrāntisūtra* — a teaching of the weekly development of the embryo in the womb (on the different versions of *Garbhāvākrāntisūtra* see the excellent monograph Kritzer 2014).

The text A 375 is a glaring example of the Buddhist *contemptus mundi*; it mentions the worms, the mud, the cemetery, etc. (Burlak, Itkin 2010: 354).

Below we list the relevant parts of three lines from these two texts according to the edition of Sieg, Siegling 1921: 80, 208:

A 150 b2: //// || śākñupiñcinās ṣpā koṃsaṃ cami ————— – [s]p[ä] lc·k tä ———

A 150 b4: //// lycäk mäskatär śālyās po <next follows the gap sized 8 syllabic signs>

A 375 a2: //// [späm] lycäk mukr[am] ◆

The lines A 150 b4 and A 375 a2 were already earlier compared in the article Carling 2021: 86–87. G. Carling relies upon the word division accepted in the edition, and, respectively, regards *lycäk* as a separate word form (adjective). For the line A 150 b4 she proposes the translation ‘(it) becomes *lycäk* on the left side’ (ibid.: 87). Since this is a prose fragment, the words *śālyās po(ṣṣāsā)* ‘on the left side’ most likely belong to the beginning of the next sentence, so in terms of its content this line is not very informative. Regarding ἄπαξ λεγόμενον *mukr[am]* (which is likely to be Loc Sg of an unattested *mukār**, though theoretically other options are possible), G. Carling rates as doubtful the guess of G.-J. Pinault that this word is a borrowing from Sanskrit *mukura-*, *mukara-* ‘mirror’ and proposes the meaning ‘crow, raven’ (also from Sanskrit *mukhara-* ‘crow’) for this word, and for *lycäk*, respectively, the meaning ‘dark, black, grey’ vel sim. (ibid.).

In our point of view, the line A 150 b2, which is not mentioned in the article by G. Carling, is crucial for understanding the structure and meaning of the syntagms in question. This line allows for a partial, but highly possible reconstruction:

|| śākñupiñcinās ṣpā<t> koṃsaṃ cami (ācoyis) — — — — — X tä(mnäštär) ‘In the nineteenth week this (embryo’s) ... X appears (lit. ‘is born’).

Each division of *Garbhāvākrāntisūtra* as a rule begins with the statement about which of the embryo’s organs appears in the respective week after conception — cf., for example, a whole series of such constructions in the text A 151:

|| wiki(wepiñci)nās ṣpāt koṃsaṃ āyāntwaṃ māsśunt tämnāṣtr=ām || (A 151 a2) ‘In the twenty-second week his marrow appears’, etc.

The expression *cami ācoyis* ‘this embryo’s’ is also found in *Garbhāvākrāntisūtra* many times, including the line A 150 b5.

Comparison with the data of Toch. B allows us to state with certainty that the lines A 150 b2, A 150 b4 и A 375 b2 contain the same word with the meaning ‘spleen’², which is preserved

² Mentions of the spleen (and the liver) are found in the Tibetan version of *Garbhāvākrāntisūtra* — particularly, in the rhymed monologue of Buddha (Kritzer 2014: 107). As A. Huard pointed out to us (p.c.), the treatise *Yogācārabhūmi* also includes one of the versions of *Garbhāvākrāntisūtra*, according to which “in the fourteenth seven days, the fetus grows the liver, lungs, heart, spleen, and kidneys” (Choo 2012: 220; Huard 2022: 206). Meanwhile,

there as, respectively, [s]p[ä]lc(ä)k, (spä)lycäk and [spä]lycäk³. The correlation between the word stems A *spälc-* ~ B *spalc-* is absolutely regular; yet the extension *-äk* remains unclear: such a suffix is unknown in the Toch. A (the assumption that all three times the word ‘spleen’ is accompanied by the intensifying particle =*äk* is obviously unlikely). As for the fluctuation *lc* ~ *lyc*, it is due to the absence of a phonological opposition between *l* and *ly* /l'/ before palatal consonants — cf., for example, the same variation in the Toch. B suffix of substantiva verbalia *-lñe* ~ *-lyñe*. Notably, despite the relative rarity of the word ‘spleen’ in Tocharian texts, it occurs with *l* as well as with *ly* in both Tocharian languages.

In the index Itkin 2019: 36 the one-side fragments THT 2339 and THT 2352 are regarded as separate and are not attributed to any manuscript. It was after the publication of the index that we established that these two fragments are, respectively, the recto and the verso of the same exfoliated flap⁴. The single fragment THT 2339/2352 resulting from their imposition adjoins the leaf A 375 on the left. The word at the end of the line THT 2339, 2 and, thus, immediately preceding the word [spä]lycäk in the line A 375 a2, with a fair degree of certainty can be read as *ykär*, which is exactly as the Toch. A cognate for the Toch. B *yakär** ‘liver’ should look like.

From all appearances, in the line THT 2339/2352 + A 375 a2 there is a *Gruppenflexion*, typical for the Tocharian languages — a construction in which the last of the homogeneous parts of sentence is in the indirect case, whereas all the previous ones are in Acc (for inanimate nouns, Acc in Toch. A always coincides with N). In this case, the syntagm *ykär* [spä]lycäk *mukr[am]* means ‘in the liver, spleen [and] *mukär*’, so the word *mukär** is also a name of some inner organ. However, the precise meaning and, respectively, the etymology of this word remain unclear.

Thus, from now on we have the following names for ‘spleen’ and ‘liver’ in both Tocharian languages:

‘spleen’: Toch. A *spälcäk* ~ Toch. B *spalce* (Acc *spalc**)

‘liver’: Toch. A *ykär* ~ Toch. B *yakär**

Remarkably, in 2020 the name for the liver was discovered by D. Sasseville (2020: 562–563) in Luvian: *ik-ku-wa-a[r]* (KUB 35.72:8'). This way, the list of languages for which the reflexes of IE **iek^w-r* are known has increased by a whole three points in just a few years.

Abbreviations and conventions

Acc = accusativus; Loc = locativus; N = nominativus; N-Acc = nominativus-accusativus; Sg = singularis; |, ◆, ◆ — punctuation marks of the Tocharian script.

no direct analogue of the text A 150, as far as we know, has been found yet either in Tibetan, Sanskrit or in any other language.

³ If the dot above the ligature *spä* in A 375 b2 is really an anusvāra (the sign of the nasalization of the vowel, which is transliterated as *ṃ*), the scribe must have made a mistake; but it is more likely to be just an accidental ink blot.

⁴ Perhaps the point here is some specific feature of the paper on which the manuscript A 375–378 is written: the leaves numbered A 377 and A 378 in the edition are, in fact, also the recto and the verso of the same leaf.

References

- Burlak, Svetlana A., Ilya B. Itkin. 2010. *Yreki et autres addenda et corrigenda-2*. In: T. M. Nikolaeva (ed.). *Issledovaniya po lingvistike i semiotike: Sbornik statej k jubileju Vyach. Vs. Ivanova*: 342–358. Moskva: Jazyki slav’anskix kul’tur.
- Itkin, Ilya B. 2019. *Ukazatel’ slovoform k neopublikovannym toxarskim A tekstam iz sobranija Berlinskoj biblioteki*. Moskva: Institut vostokovedenija RAN.
- Saenko, Mikhail N. 2023. *Praslav’anskoe nazvanie selezenki: problemy etimologii. Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii 1* (in print).
- Adams, Douglas Q. 2013. *A Dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged. I–II*. Amsterdam / New York: Rodopi.
- Carling, Gerd. 2021. Flat mirror or well-shaped disc? Tocharian A *tāpaki* (B *tapākye*) and A *mukār** // *lyuke wmer ra*. In: Hannes A. Fellner, Melanie Malzahn, Michaël Peyrot (eds.). *Indo-European Studies in Honor of Georges-Jean Pinault*: 84–89. Ann Arbor / New York: Beech Stave Press.
- Chen, Ruixuan. 2022. Gone with the Winds: A Tocharian B witness to Saṅgharakṣa’s Yogācārabhūmi. Report at 34. Deutscher Orientalistentag 12-17.09.2022. Freie Universität Berlin.
- Choo, Jesse J. C. 2012. That “Fatty Lump”: Discourses on the Fetus, Fetal Development, and Filial Piety in China Before the Eleventh Century CE. *Nan Nü* 14: 177–221.
- Huard, Athanaric. 2022. *Recherches sur les textes de méditation en tokharien*. Thèse de doctorat, Université Paris sciences et lettres.
- Kritzer, Robert. 2014. *Garbhāvakraṅtisūtra: The Sūtra on Entry into the Womb (Studia Philologica Buddhica, Monograph Series XXXI)*. Tokyo: The International Institute for Buddhist Studies of the International College for Postgraduate Buddhist Studies.
- Malzahn, Melanie. 2012. *Now you see it, now you don’t — Bewegliches -o in Tocharisch B*. In: Olav Hackstein, Ronald Kim (eds.). *Linguistic developments along the Silk Road: Archaism and Innovation in Tocharian*: 33–82. Wien: Verlag der ÖAW.
- Sasseville, David. 2020. *Anatolian verbal stem formation: Luwian, Lycian and Lydian (BSIEL 21)*. Leiden / Boston: Brill.
- Sieg, Emil, Wilhelm Siegling (Hrsg.). 1921. *Tocharische Sprachreste. Bd. 1. Die Texte*. Berlin / Leipzig: De Gruyter.

И. Б. Иткин. О тохарских А соответствиях тохарским В словам со значением ‘селезенка’ и ‘печень’

В 2022 году А. Юар и Р. Чень независимо друг от друга установили, что в тохарском В языке могут быть надежно идентифицированы слова со значением ‘селезенка’ и ‘печень’, восходящие к соответствующим индоевропейским лексемам: *spalce* (Acc *spalc**) ‘селезенка’ и *yakār** ‘печень’. В настоящей статье мы показываем, что названия обоих этих органов столь же надежно выявляются и в тохарском А, где они имеют вид *spālcāk* и *yākār*.

Ключевые слова: тохарский А язык; тохарский В язык; индоевропейский праязык; базисная лексика; названия частей тела; *Garbhāvakraṅtisūtra*.

On the etymological attribution of certain non-Tibetan lexical elements in medieval Tibetan texts

In the present article an attempt is made to etymologize certain lexemes, attributed by medieval Tibetan writers to the language of the Bruzha region. This language is widely believed to be related to Burushaski, though some scholars reject such a hypothesis as unfounded. The author demonstrates that the Bruzha vocabulary known to us from Tibetan texts is, apparently, etymologically heterogeneous, some words showing probable Burushaski cognates. The article also includes a special appendix dedicated to the etymological analysis of certain Zhangzhung lexical items for which Indo-Iranian origin seems to be the most likely.

Keywords: etymology; language contact; lexical borrowing; Bruzha language; Burushaski language; Indo-Iranian languages; Zhangzhung language; Tibetan language.

Medieval Tibetan texts of various genres contain a considerable number of non-Tibetan fragments. These fragments are of different length, ranging from a single word to a sentence. The longest of those are titles of texts and phrases of some dialogues occurring in travel accounts¹. Each fragment is always translated into Tibetan and supplied with an indication of the source language. Such languages include Sanskrit, Pali², Chinese, Mongolian as well as some lesser-known lects once predominant in areas contiguous to Tibet. The best studied of these lects is Zhangzhung, a Sino-Tibetan language³ spoken in the past in the northwest of the Tibetan Plateau and probably supplanted by Tibetan at the turn of the 1st millennium A.D. The only sources of reliable Zhangzhung data were and still are Zhangzhung-Tibetan bilinguals found in religious texts. The present article will primarily cover the lexical material of another language known exclusively from Tibetan written documents. This language, called Bruzha by the Tibetans, is alleged to have been vernacular in the area of same name usually identified with the Gilgit region of present-day North Pakistan.

The name Bruzha⁴ appears frequently in Tibetan literature, being used mostly as a toponym. Long ago Tibetologists noted the similarity of this name to the ethnonym Burusho, the self-name of Burushaski speakers. Whether or not this similarity has anything to do with linguistic relationship has for a long time remained an open question because no specimens of the Bruzha language were available to scholars. The situation changed in the mid-20th century, when the Czech orientalist Pavel Poucha discovered a Buddhist sutra with a trilingual title written in Tibetan, Sanskrit and Bruzha. The text of this title was published and studied in a special paper (Poucha 1960). Below we reproduce it in its complete form⁵:

¹ For more on such dialogues see, e.g. Roesler 2018.

² In Tibetan texts, Sanskrit is usually termed *rgya gar skad*, i.e. the language of India. This label could be applied also to Pali and even to New Indo-Aryan languages (Roesler 2018).

³ The Zhangzhung language is usually classified with the West Himalayish branch of the Tibeto-Burman group of the Sino-Tibetan language family. Its vocabulary seems to contain a number of borrowings from some Indo-Iranian, probably Dardic, source (Kogan 2021).

⁴ Alternative spellings are Bru zha, Bru sha, 'Bru shad, Bru shal, 'Bru shal and Sbru shal.

⁵ The three versions of the title are given in the same order as in the above-mentioned paper, i.e. first the Tibetan one, then the Sanskrit one, and finally the Bruzha one. Poucha's system of transcription is preserved unchanged, even though it differs in some points from the standard Tibetological and Indological transcription systems.

De-bžin-gśegs-pa thams-čad-kyi thugs gsañ-ba'i ye-śes don-gyi sñiñ-po rdo-rje bkod-pa'i rgyud rnal-'byor grub-pa'i luñ kun dus rig-pa'i mdo theg-pa čhen-po mñon-par rtogs-pa čhos-kyi rnam-grañs rnam-par bkod-pa žes-bya-ba'i mdo.

Sarva tathāgata čitta jñāna guhya artha garbha vyūha vajra tantra siddhi yoga āgama samāja sarva vidyā sutra mahāyāna abhisamaya dharmaparyāya vivyūha nāma sūtram.

Bru-ža'i skad-du. Ho na pan ril til pi bu pi til ti ta sid 'un 'ub hañ pañ ril 'ub bi su bad ri že hal pa'i ma kyañ ku'i dañ roñ ti.

Based on his analysis of the above Bruzha text, Poucha argues that Bruzha must have been a monosyllabic language. He also tries to establish lexical correspondences between Sanskrit and Bruzha, and offers the following hypothetical equations: Bruzha *pan* (*pañ*) *ril* = Skr. *sarva*, Bruzha *ti* = Skr. *sūtra*, Bruzha *'ub* = Skr. *āgama*, Bruzha *'ub bi* = Skr. *vidyā*, Bruzha *bu* = Skr. *tathāgata*, Bruzha *ta* = Skr. *tantra*, Bruzha *sid* = Skr. *siddhi*, Bruzha *su* = Skr. *sutra*⁶, Bruzha *'un* = Skr. *yoga*. Four of the listed Bruzha words, i.e. *bu*⁷, *ta*, *sid* and *su*, Poucha tentatively considers to be Sanskrit loans (Poucha 1960: 298). That is to say, he hypothesizes that Skr. *buddha*- 'Buddha', *tantra*- 'Tantra', *siddhi*- 'accomplishment, attainment' and *sūtra*- 'sutra' had been borrowed into Bruzha, the adoption in each instance being accompanied by the truncation of the second syllable, sometimes along with the coda of the first one. It cannot, however, be ruled out that we are actually dealing here not with a true phonological change but with some kind of abbreviation. If this be the case, it may mean that the monosyllabicity of the Bruzha language, supposed by Poucha, is in fact illusory. Rather, there may have existed a certain (traditional?) method of recording Bruzha material in an abbreviated form, applied perhaps not only to Sanskrit loanwords but to all lexical items irrespective of their etymology.

In his article, Poucha addresses the issue of possible relationship between Bruzha and Burushaski. He attempts to detect Burushaski lexemes phonologically similar to some Bruzha words, but finally finds his own lexical comparisons unconvincing⁸ and concludes that the theory that Bruzha is the early form of Burushaski should no longer be upheld (Poucha 1960: 299-300). Regardless of whether or not the latter statement is correct, Poucha's skepticism is quite understandable. The text fragment he has discovered, unfortunately, can by no means provide us with any material that might significantly help in the solution of the Bruzha-Burushaski problem. What is clear is that if the language of this fragment is really monosyllabic, it can hardly have anything to do with Burushaski. But if we are dealing with an abbreviated recording of a text in some non-monosyllabic lect, our ability to say anything definite about this lect is extremely limited because the only thing we know are initial syllables of certain words, whose exact meanings remain unknown. It goes without saying that in this kind of situation lexical comparison is a very risky affair. Perhaps this was the reason why studies related to the Bruzha language almost stopped for several decades after the publication of Poucha's paper. The only thing that could give new impetus to these studies is new material — and such material, albeit rather scarce, became available to scholars in the early 2000s.

In 2003 a work entitled "Zhang-zhung – Tibetan – English Contextual Dictionary", by Dagkar Namgyal Nyima, was published in Bonn (Nyima 2003). As is evident from its title, this

⁶ Poucha believes that if this equation be true, Bruzha *ti* must correspond not to Skr. *sutra* but to some other Sanskrit word (Poucha 1960: 298).

⁷ In Poucha's opinion, Bruzha *bu* is the first syllable of Skr. *buddha*- 'Buddha', and its correspondence in Sanskrit version of the title is *tathāgata* 'one of the Buddha's names (lit. 'one who has thus come')'.

⁸ Some of these comparisons really look strange. E.g. Poucha compares Bruzha *dañ* to Burushaski *dana* 'wise' (Poucha 1960: 300). The latter word is certainly a loan from Persian (cf. Classical Persian *dānā* 'knowing, wise') and must have been borrowed into Burushaski in Islamic times. The Bruzha text, however, must date back to the Buddhist period, which in the Burushaski-speaking area predated the Islamic one.

work is primarily a dictionary of the Zhangzhung language⁹. It, however, contains a number of lexical items belonging to other languages, including Bruzha. The importance of Dagkar Namgyal Nyima's dictionary is undoubtedly significant for researchers of both the Bruzha problem and Zhangzhung etymology; e.g., it provides some additional evidence on the Zhangzhung-Aryan language contact. Since this evidence has not been scrutinized thus far, I find it necessary to dedicate a special appendix to the present article to its analysis. The Bruzha material in the dictionary is represented by nine words, cited along with their Zhangzhung and Tibetan equivalents. The possible origin of each of these words will be discussed on the following pages, but before proceeding to particular etymologies, some general preliminary remarks should be made.

First of all, it should be borne in mind that the extant material is too scanty to say anything definitive regarding the origin of the Bruzha language. Indeed, one can hardly draw any final conclusion on this point, based on as little as nine etymologies¹⁰. It nevertheless seems possible to put forth a provisional hypothesis, answering the question if the source language of the words termed Bruzha in Nyima's dictionary can have anything to do with Burushaski. Another important fact is that the name Bruzha, as it is used by Tibetan authors, is apparently polysemous. Sometimes it functions as an equivalent of Skr. *dārada*- 'a Dard, Dardic'. E.g., in the Tibetan version of Lalitavistara (a Mahayana Buddhist sutra that tells the story of Gautama Buddha) Skr. *dāradalipi*- 'the Dardic script' translates into Tibetan as *bru zha'i yi ge* 'the script of Bruzha' (Laufer 1908). This means that the term in question may, at least in some cases, have been applied to certain geographical areas where Dardic languages were spoken and/or to the speakers of these languages. Therefore, the main issue addressed in the present work should be formulated as follows: do the extant lexical data give us reason to believe that the Bruzha language could have been an early form of Burushaski or some Dardic lect?

Several factors that may complicate the analysis of evidence from Nyima's dictionary are also worth mentioning. One of them is the potential loss of cognates to particular Bruzha lexemes or grammatical forms in modern Burushaski or Dardic. Another source of difficulty may turn out to be the Tibetanization of Bruzha material. This phenomenon has been attested in Zhangzhung (Martin 2010: 11–12). Essentially it consists of affixing Tibetan derivational morphemes to Zhangzhung roots, passing off certain Tibetan words as Zhangzhung ones, and last but not least, in writing some Zhangzhung words in accordance with Tibetan orthographic rules. This Tibetanized spelling cannot but make identifying the phonology of the respective word a challenging task. The way of transcribing non-Tibetan elements in Tibetan texts must have greatly depended on historical-phonological peculiarities of the author's or scribe's native dialect. The Bruzha words listed below are known to be drawn from a Bon religious text discovered, and most probably written, in Central Tibet¹¹. Therefore, sound changes characteristic of Central Tibetan varieties should be taken into account in our etymological analysis.

Each of the following etymological entries includes, besides the discussion of the etymology, an extract from Nyima's dictionary where the entry word appears. Such extracts are first

⁹ The dictionary includes rich Zhangzhung lexical material drawn from 468 textual sources, mostly sacred texts of the Bon religion. The total number of dictionary entries equals to 3875.

¹⁰ The actual number of etymologies may be even smaller because certain Bruzha words may defy etymologizing.

¹¹ All the Bruzha lexical items mentioned in Dagkar Namgyal Nyima's dictionary have been extracted from a single source-text called "*Rgyud thugs rje nyima'i man ngag ye shes zang thal*" in Tibetan (Nyima 2003). This text, included in the Bon canon, is believed to have been hidden at the time of the decline of Bon in the late 8th century A.D. and rediscovered in the 12th century by one Gu ru rnon rtse (Blezer 2008). This Buddhist lama is said to have excavated a cache of Bon scriptures by the river Rta-nag, a north tributary of Gtsang-po (Brahmaputra), west of the Tashilhunpo monastery in Central Tibet (Martin 1994: 28).

quoted in Tibetan and then translated into English. In cases where the original phonology of the Bruzha lexeme is hard to identify, possible phonological reconstructions are discussed. Etymologies are numbered consecutively and arranged in alphabetical order.

1. *bcud* ‘sperm, spot, sphere, energy nucleus, drop’ (= Zhangzhung *thig le*¹²).

zhang zhung skad du thig le / me nyag skad du gdung khu / bru zha’i skad du bcud / bod skad du chu mo rgyu khrag ‘in the language of Zhangzhung *thig le*, in the language of Menyag¹³ *gdung khu*, in the language of Bruzha *bcud*, in Tibetan *chu mo rgyu khrag*’ (Nyima 2003: 200).

The syllabic structure of the Bruzha word is typically Tibetan, and we can suppose with high probability that its spelling has been Tibetanized. In Central Tibetan dialects the initial cluster *bc* has lost its first component, and the final *d* is either devoiced to *t* or changed to the glottal stop with concomitant fronting of the preceding vowel¹⁴. Thus the original Bruzha form may be reconstructed as **čut* or **čür*. The former reconstruction finds evident etymological parallels in Burushaski and Dardic: Burushaski (Hunza dialect) *čhuṭ*, (Yasin dialect) *čut* ‘Tropfen’, Khowar *čoṭ*- ‘tropfen’ (Berger 1998: 102). Since the Khowar word has no apparent Indo-Iranian etymology it seems likely to be a Burushaski loanword.

2. *ha he a* ‘enlightened one, Buddha’ (= Zhangzhung *bhu dha*, Tib. *sangs rgyas*).

zhang zhung skad du bu dha / me nyag skad du lga bu she / bru zha’i skad du ha he a / bod skad du sangs rgyas ‘in the language of Zhangzhung *bhu dha*, in the language of Menyag *lga bu she*, in the language of Bruzha *ha he a*, in Tibetan *sangs rgyas*’ (Nyima 2003: 272).

Cf. Burushaski *hei-* ‘to know, understand (present stem)’ (Lorimer 1938: 198),¹⁵ whence *henas* ‘one who knows; wise; intelligent’, *henaskoš* ‘wisdom’ (Lorimer 1938: 199). The Burushaski verb shares several meanings with the Old Indian verb *budh-* ‘to perceive, recognize; wake up; know, understand, comprehend’, whose lexicalized perfect participle *buddha-* is the source of the name Buddha. It cannot thus be ruled out that the Bruzha form in question may translate, or rather render, the Sanskrit one.¹⁶ Its exact structure and semantics, however, are not quite clear.

3. *ha ye mu* ‘goddess’ (= Zhangzhung *de ban rgyung hrangs*, Tib. *lha mo*).

zhang zhung skad du de ban rgyung hrangs / me nyag skad du sangs sal tig / bru zha’i skad du ha ye mu / bod skad du lha mo ‘in the language of Zhangzhung *de ban rgyung hrangs*, in the language of Menyag *sangs sal tig*, in the language of Bruzha *ha ye mu*, in Tibetan *lha mo*’ (Nyima 2003: 227).

Etymology unclear. The connection with Burushaski *a(i)yaš* ‘sky, heaven’ (Lorimer 1938: 37) is semantically probable but phonologically problematic.¹⁷ The final syllable of the Bruzha word may be an adaptation of the Tibetan female marker *mo*. Interestingly, this marker seems

¹² The Zhangzhung word is, perhaps, etymologically identical to Tib. *thig*, *thig pa* ‘drop, spot’, *thig le* ‘spot, semen virile’.

¹³ Menyag is traditionally believed to be the Tibetan name of the Tanguts and their kingdom (Xi Xia).

¹⁴ In most spoken varieties of Central Tibetan, including the Lhasa dialect, the glottal stop is the regular reflex of word-final voiced dental and dorsal occlusives. However, in some dialects, traditionally classified with the Central group, e.g. in the Jirel dialect of Northeastern Nepal, Old Tibetan *d* and *g* are devoiced and reflected as *t* and *k* respectively. Cf. Jirel *sət* ‘to kill’ < Old Tibetan *bsad* (Bielmeier et al. 2018: 530), Jirel *qt* ‘is, are, has, have’ < Old Tibetan *yod* ‘to be, to exist’ (Bielmeier et al. 2018: 478), Jirel *p(h)ūk* ‘to pierce, to bore (a hole with a pointed instrument)’ < Old Tibetan *’bug, dbug, phug* (Bielmeier et al. 2018: 391). Dialects like Jirel in this particular case seem to have preserved the more archaic stage of phonological development.

¹⁵ Berger in his dictionary cites also the meanings ‘*erlernen*’, ‘*erkennen*’, ‘*wiedererkennen*’ (Berger 1998: 196).

¹⁶ The existence of derivatives meaning ‘wise’ and ‘wisdom’ may have been conducive to the choice of the root *hei-* for rendering the Sanskrit word meaning ‘enlightened’.

¹⁷ However, we cannot rule out that in some (now extinct) dialect of Burushaski earlier **ayaš* was regularly reflected as *(*h*)*aye*.

to have been borrowed into Burushaski¹⁸ where it is noted to be affixed to the Persian loan-word *khuda* ‘God’: *khuda-mo* ‘a female deity’ (Jettmar 2002).

4. lam ‘vein’ (= Zhangzhung *’dus pa*, Tib. *rtsa*).

zhang zhung skad du ’dus pa / me nyag skad du mu spungs shag / bru zha’i skad du lam / bod skad rtsa ‘in the language of Zhangzhung *’dus pa*, in the language of Menyag *mu spungs shag*, in the language of Bruzha *lam*, in Tibetan *rtsa*’ (Nyima 2003: 238).

The word is probably etymologically identical to Tib. *lam* ‘way, road’. Cf. Tib. *khrag lam* ‘vein, artery, blood vessel (lit. ‘blood way’)’.

5. rnam shes ‘mind’ (= Zhangzhung *rig pa*, Tib. *sems*).

zhang zhung skad du rig pa / me nyag skad du gsal dangs / bru zha’i skad du rnam shes / bod skad du sems (Nyima 2003: 354) ‘in the language of Zhangzhung *rig pa*, in the language of Menyag *gsal dangs*, in the language of Bruzha *rnam shes*, in Tibetan *sems*’.

Evidently, we are dealing here with yet another example of a Tibetan word passed off as a Bruzha one. Cf. Tib. *rnam shes* ‘perfect knowledge, consciousness, perceptions, cognitions’ (Jäschke 1881: 315). Zhangzhung *rig pa*, cited in the dictionary as a semantic equivalent of the Bruzha form, also seems to be of Tibetan origin (cf. Tib. *rig pa* ‘knowledge, prudence’).

6. rtsa drung ‘teacher of Bon’ (= Zhangzhung *this so rung*, Tib. *dpon gsas*).

zhang zhung skad du this so rung / me nyag skad du sheg / bru zha’i skad du rtsa drung / bod skad du dpon gsas (Nyima 2003: 201) ‘in the language of Zhangzhung *this so rung*, in the language of Menyag *sheg*, in the language of Bruzha *rtsa drung*, in Tibetan *dpon gsas*’.

Perhaps a clipped form of Tib. *rtsa ba drung po* ‘essentially wise, essentially judicious’¹⁹. For more on contraction of Tibetan polysyllabic word collocations to disyllabic words (“clips”) see, e.g. Beyer 1992: 92–95.

7. rung smar ‘Bon’ (= Zhangzhung *hos*, Tib. *bon*).

zhang zhung skad du hos / me nyag skad du rog rog / bru zha’i skad du rung smar / bod skad du bon (Nyima 2003: 415) ‘in the language of Zhangzhung *hos*, in the language of Menyag *rog rog*, in the language of Bruzha *rung smar*, in Tibetan *bon*’.

Etymology unclear.

8. se na phyod ‘breath’ (= Zhangzhung *ma ya mor ma*, Tib. *dbugs*).

zhang zhung skad du ma ya mor ma / me nyag skad du nye lo ha / bru zha’i skad du se na phyod / bod skad du dbugs ‘in the language of Zhangzhung *ma ya mor ma*, in the language of Menyag *nye lo ha*, in the language of Bruzha *se na phyod*, in Tibetan *dbugs* (Nyima 2003: 278).

In most Central Tibetan varieties, the cluster *phy* is palatalized to *čh*. In some dialects, however, this change did not take place²⁰. Since we do not know whether the extant copy of the text, in which the Bruzha word appears, was made before or after the palatalization, four alternative phonological reconstructions seem to be possible, i.e. *se na phöt*, *se na phör*, *se na čhot*, and *se na čhör*.

The first two syllables of the Bruzha lexeme may be compared with Burushaski (Yasin dialect) *šin*²¹, (Hunza dialect) *šī* ‘Atem, Schneuzen’ (Berger 1998: 407); for the last syllable cf. Burushaski *phu ét-* ‘blasen’ (Berger 1998: 334), Shina *phū thoikī* ‘to blow with mouth or bellows’

¹⁸ Cf., however, Burushaski *mu-*, *mo-* the human feminine 3 Sg pronominal prefix, and *-mo* the oblique case ending of nouns belonging to the human feminine noun class.

¹⁹ Cf. similarly formed Tib. *rtsa ba chen po* ‘essentially great; really holy’ (Roerich 1986: 190).

²⁰ Cf., e.g. Southern Mustang *čhā*, *čhē* ‘to ridicule, to deride, to jeer at’, but Kyirong *phyā*, *phyè*; *phyò*: ‘to blame’ < Old Tibetan *’phyā*, *’phyas*, *’phyos* ‘to blame, to criticize, to attach a fault to others’ (Bielmeier et al. 2018: 374), Shigatse *čhār* ‘to lift’, but Kyirong *phyār* ‘to winnow, to hoist, to lift up something to show it’ < Old Tibetan *’phyar*, *’phyar*, *’phyor* ‘to raise, to lift up, to hold aloft’ (Bielmeier et al. 2018: 375).

²¹ Final *ñ* in Burushaski is sometimes interchanged with *n* (Lorimer 1935: 9).

(Bailey 1924: 157), Khowar *pho* ‘the breath’, *phuyik* ‘to blow’ (Sloan 1981: 122), Kalasha *phuṣ* ‘breath’ (Trail, Cooper 1999: 243). Since phonological correspondences are unclear, the etymology should be considered highly hypothetical.

9. *zang zang lha* ‘gShen (Bon teacher)’ (= Zhangzhung *u pa ya*, Tib. *gshen*).

zhang zhung skad du u pa ya / me nyag skad du ni lde hrangs / bru zha’i skad du zang zang lha / bod skad du gshen (Nyima 2003: 435) ‘in the language of Zhangzhung *u pa ya*, in the language of Menyag *ni lde hrangs*, in the language of Bruzha *zang zang lha*, in Tibetan *gshen*’.

The etymology is not quite clear. May be of Tibetan origin. Cf. Tib. *lha* ‘god, deity’ and *zang zang lha brag* ‘a Bon sacred site in Northern Tibet (lit. ‘the divine rock of Zangzang’)’.

As is evident from the above list, Bruzha vocabulary is by no means etymologically homogeneous. All of its sources can hardly be named because some lexemes cannot be reliably etymologized at the current state of our knowledge. It should, however, be noted that one of these sources could well have been some early form of Burushaski. Such a possibility follows from the fact that some of the Bruzha words on the above list seem more or less likely to have Burushaski cognates (see etymologies 1, 2 and 8). Certainly, the tentative and purely hypothetical nature of our etymologies, as well as their very small number, prevents us from drawing final conclusions. Nevertheless, now we have some hints as to where the probable origin of a particular newly discovered Bruzha word should be looked for. If this word is not a Tibetanism (i.e. a Tibetan loan in Bruzha or a Tibetan lexical item passed off as a Bruzha one) Burushaski material must no doubt be consulted during its etymological analysis. Therefore, Poucha’s skepticism about a possible genetic relationship between Bruzha and Burushaski does not seem justified.

Appendix: a list of probable Indo-Iranian loanwords found in Dagkar Namgyal Nyima’s “Zhang-zhung – Tibetan – English Contextual Dictionary”.

The following list of Zhangzhung words likely to be borrowed from some Indo-Iranian source(s) other than Sanskrit is an addendum to the similar list published in Kogan 2021. Apparently, it can contribute to our knowledge of language contact in the historical region of Zhangzhung. As may be concluded from the lexical comparisons below, for some words on the list Dardic origin seems to be the most probable²². Etymologies are arranged in alphabetical order. For each Zhangzhung entry word its Tibetan equivalent is given in brackets after the English translation. Most of the Dardic, Nuristani and Indo-Aryan comparanda are drawn from R. L. Turner’s comparative dictionary (Turner 1966). For material taken from elsewhere data sources are usually specified after cited lexical items.

1. *a lo ke* ‘butter lamp (*mar me*)’ (Nyima 2003: 428). Cf. OIA *ālōka-* ‘brightness, splendour’, Pali *ālōka-* ‘light’, Bengali *ālo* ‘light, lamp, candle’, Oriya *āl(u)a* ‘light, brightness’. From the same root cf. also Av. *raoča-*, Ossetic *rūχs* ‘light’, Middle Persian *’brwc-* ‘to illuminate, kindle’, Shina *čalō* ‘lighted torch’ (< **pralōka-* (Turner 1966: 493)), Kalasha *luč, loč* ‘torch’ (< **lōčya-* (Trail, Cooper 1999: 189)), Pashai *lōkan* ‘light; lamp; torch; burning’ (Morgenstierne 1956: 108).

2. *ba da [spa ta?] ya* ‘to prostrate (*phyag ’tshal ba*)’ (Nyima 2003: 265), *pa ta ya* ‘revere, salute {prostrate}’ (Martin 2010: 138). Cf. OIA *patati* ‘flies, falls’, *pranipatati* ‘prostrates’, *padyatē* ‘falls’, Av. *patantī* ‘(they) fly’, *paidya-* ‘to fall’ (*paidyāte* 3 Sg Prs Conj), Khotanese *pat-* ‘to fall’, Persian *past* ‘low’, Kati *ptā* ‘he fell’ (< **patta-*), Khowar *porik* ‘to fall asleep, to fall, to lie down, to lie’, Kalasha *pālik* ‘to fall’ (Trail, Cooper 1999: 228). The source of the Zhangzhung word may

²² For more on the presence of the Dardic etymological stratum in Zhangzhung vocabulary see Kogan 2021.

be the reflex of some derivative (e.g. the perfect participle in *-ta-* or the verbal noun in *-ti-*) of PII **pad-* ‘to fall; go, tread’ or of PII **pat-* ‘to fly, fall’²³. As is widely known, the continuants of these two roots actively contaminated with each other in different Indo-Iranian languages. Dan Martin in his dictionary declares the Zhangzhung word an Indo-Aryan (“Indic”) loan (Martin 2010: 138–139) but theoretically a Dardic source also cannot be ruled out.

3. *dKar* ‘sheep (*lug*)’ (Nyima 2003: 273). The spelling of this word is most probably Tibetanized, which is often the case in Zhangzhung, and its actual pronunciation must have been *kar*. Cf. Shina *karēlū* ‘ram’ (Bailey 1924: 146), Indus Kohistani *karā* ‘a ram whose horns are turned inwards’ (Zoller 2005: 102),²⁴ Burushaski (Nager) *karéelo* ‘Widder’ (Berger 1998: 242). If the Shina and Indus Kohistani forms are etymologically related, the element *-ēl-* in Shina must be a suffix. The Burushaski word seems to be borrowed from Shina.

4. *dza la* ‘burning (*’bar ba*)’ in *ne ram dza la tan tra da do ci* ‘the Tantra of the burning fire-mountain (Tib. *me ri ’bar ba’i rgyud*)’ (Nyima 2003: 246). Cf. OIA *jvalati* ‘burns’, *jvarati* ‘is feverish’, *javāla-* ‘flame’, Pali *jalati* ‘burns, shines’, *jāla-* ‘glow, blaze’, Hindi, Punjabi, Nepali *jal-*, Gujarati *jal-* ‘to burn’, Marathi *jal-* ‘to burn’, *jāl* ‘flame, fire, fever, passion’, Bengali *jāl-* ‘to burn’, *jal* ‘flame of a fire’, Nepali, Kumaoni *jwālo* ‘flame’, Prasun *jur-* ‘to burn’, Pashai (Areti dialect) *ǰāel* ‘flame’ (Morgenstierne 1956: 82), Bashkarik *jūl* ‘iron lamp’, Kashmiri *zāl* ‘fever’, Persian *zuvāl* ‘live coal’, Ossetic *ʷvzaly*, *ævzalu* ‘coal’ (Abaev 1989: 25). It cannot, however, be excluded that the Zhangzhung word is an orthographic variant of *dzva la*²⁵. In this case it should apparently be considered a Sanskritism.

5. *ka ma li* ‘sword, or in some regional dialects, hoe (*ral gri’am yul skad ’gar ’jor*)’ (Nyima 2003: 96). In Dagkar Namgyal Nyima’s dictionary the transcription of this word is marked with a question, which must mean that its real phonology is not very clear. The Zhangzhung lexeme may be somehow related to words for ‘sword’ and ‘dagger’ in some Iranian and Dardic languages (cf. Sogdian *xyr* (Christian), *xnyr* (Manichaean), *γnyr* (Buddhist), Persian *xanjar* ‘dagger’, Wakhi *xingar* ‘dagger, sword’, Shina *khāñār* (Bailey 1924: 147), Indus Kohistani *kha(ni)gār* (Zoller 2005: 120),²⁶ Palula *khangaár* (Lilljegen, Haider 2011: 83), Khowar *khongor* (Morgenstierne 1973) ‘sword’, Kalasha *khangár* (Trail, Cooper 1999: 159) ‘scimitar, sword’). The irregular *m* of the second syllable may have resulted from a scribal error: in the cursive *ume* (*dbu med*, lit. ‘headless’) form of the Tibetan script, in which Bon texts were commonly written, the characters conveying *ma* and *nga* are very similar and could therefore be easily confused.

6. *pi pi ling* ‘medicinal herb (*sman zhig*)’ (Nyima 2003: 252). The transcription is marked as questionable in the dictionary. Cf. Ladakhi *phololing* ‘a local variety of wild mint’ (Norman 2010: 579), Purik *phopholiñ* ‘wild type of mint’ (Zemp 2018: 47), Burushaski *filal* ‘mint’ (Lorimer 1938: 155), *phalál* (Yasin) ‘Pfefferminz’ (Berger 1998: 329), Shina *philiil* id., Indus Kohistani *phimili* ‘a kind of mint’ (Zoller 2005: 291–292). The source of the Zhangzhung as well as Northwestern Tibetan words may have been either Burushaski or some Dardic dialect.

7. *po yo* ‘ox (*glang*)’ (Nyima 2003: 280), ‘the ox, the bull’ (Tenzin et al. 2008: 141). Martin in his dictionary denies the meaning ‘ox’ and argues that the Tibetan gloss should be read as *klad* instead of *glang*, the real meaning of the word thus being ‘brain’ (Martin 2010: 141). If, how-

²³ In Old Indo-Aryan the perfect participle of *pad-* was formed with the suffix *-na-* (*panna-*) but in Old Iranian it seems to have been formed with the suffix *-ta-*. Cf. Persian *past* ‘low’ < Proto-Iranian **pasta-* ‘fallen’.

²⁴ The Indus Kohistani form is, perhaps, semantically influenced by some cognate of Burushaski *karóoyo* ‘mit nach innen gebogenen Hörnern’ (Berger 1998: 242).

²⁵ Cf. *tsi ti dza la / tsi tsi dzva la* ‘leprosy (*mdze nad*)’ (Nyima 2003: 318).

²⁶ The Shina and Indus Kohistani words are feminine. This fact suggests that they may have developed from an earlier form with final long *ī* (**khangarī*). This final vowel may have been reflected in the above-cited Zhangzhung form *ka ma li*.

ever, Dagkar Namgyal Nyima's interpretation is correct, the Zhangzhung lexeme may be related to Ladakhi *po-ze* 'ram, full-grown male sheep' (Norman 2010: 540) with *po-* < PII **paśu-* 'cattle' (> OIA *paśu-*, Av. *pasu-* id., Pashto *psə*, Ossetic *fis* 'sheep')²⁷. The above-cited form *po yo* has probably developed from earlier **pa yu* with *y* < *ś* in intervocalic position. The latter phonological change seems to be regular for Aryan loanwords in Zhangzhung (Kogan 2021).

8. *pri* in *pri di* 'hungry ghosts (*yi dvags*)' (Nyima 2003: 128) and *pri par* 'hungry ghost (*yi dvags*)' (Nyima 2003: 257). Cf. OIA *prēta-* 'dead, deceased; ghost, evil spirit'. The phonology of the Zhangzhung word suggests that it can hardly be a direct loan from Sanskrit. Rather it has been borrowed from some spoken Aryan language. A true Sanskritism would have sounded more like **pre ta*.

9. *she ru* 'antelope (*rna ba*)'²⁸ (Nyima 2003: 377). The Tibetan gloss of this word is homonymous with the word for 'ear'. Perhaps for this very reason the Zhangzhung lexeme was wrongly translated by some authors as 'ear' (Martin 2010: 223; Tenzin et al. 2008: 264).²⁹ In Dagkar Namgyal Nyima's dictionary, however, it is explicitly stated that "in Zhang-zhung the antelope is called either *tse-ze* or *she-ru*" (Nyima 2003: 347). Cf. OIA *śarabha-*, Pali *sarabha-* 'a kind of deer', Sindhi *sarahu* 'a kind of mountain goat', Assamese *xara* 'the swamp deer', Pashai (Laurowani dialect) *šaró*, (Areti dialect) *šarū*, Shum. *šāru* 'ibex', Gawar-Bati *sārōu*, Kalasha *šāra*, Khowar, Bashkarik *šara*, Palula *šarūi*, Shina *šārǎ* 'markhor', Kati *šurú* 'the wild goat or markhor'³⁰.

10. *sñi rtse* 'spear (*mdung*)' (Nyima 2003: 249). Phonologically, perhaps, rather = *ñi tse* with Tibetanized spelling. Cf. OIA *nikṣ-* 'to pierce' (*vi-nikṣe* 'in order to pierce'), *nekṣaṇa-* 'sharp stick, spear', Khwarezmian *nš* 'spear', Middle Persian *nyyš* 'spike', Persian *nēš* 'sting'. Indo-Aryan *kṣ* and Iranian *š* reflect here Proto-Aryan **ćš*.³¹ The latter cluster appears to have developed to a voiceless dental affricate in the Aryan lect from which the Zhangzhung word has been borrowed.

Abbreviations for language names

Av. — Avestan; OIA — Old Indo-Aryan; PIE — Proto-Indo-European; PII — Proto-Indo-Iranian; Skr. — Sanskrit; Tib. — Tibetan.

References

- Abaev, Vasily I. 1989. *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. Tom IV*. Leningrad: Nauka.
 Bailey, T. Grahame. 1924. *Grammar of the Shina language ("Royal Asiatic Society, Prize Publication Fund", vol. VIII)*. London: Royal Asiatic Society.
 Berger, Hermann. 1998. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil III. Wörterbuch Burushaski-Deutsch, Deutsch-Burushaski. Unter Mitarbeit von Nasiruddin Hunzai*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
 Beyer, Stephan V. 1992. *The classical Tibetan language*. Albany: State University of New York Press.

²⁷ For details see Kogan 2019; Kogan 2020.

²⁸ Tib. *rna ba* can also mean 'Tibetan wild sheep' (Roerich 1985: 109).

²⁹ The Zhangzhung word for 'ear' is *ra tse* (Martin 2010: 204). For its etymological connections within Tibeto-Burman see, e.g. Matisoff 2001.

³⁰ The Kati word is probably borrowed from some Dardic source. Otherwise, one should expect initial *c* instead of *š*.

³¹ According to Edelman (2015: 443), OIA *nikṣ-* 'to pierce, perforate', Proto-Iranian **naiš-* : *niš-* 'to pierce, stab, cut, sting' < Proto-Aryan **nai(ć)š-* : *ni(ć)š-* < PIE **neig'h-s-* : **nig'h-s-*.

- Bielmeier, Roland, Chungda Haller, Felix Haller, Katrin Häslér, Veronika Hein, Brigitte Huber, Thomas Preiswerk, Nawang Tshering, Manuel Widmer, Marius Zemp. 2018. *Comparative dictionary of Tibetan dialects. Vol 2: Verbs*. Berlin: de Gruyter.
- Blezer, Henk. 2008. sTon pa gShen rab: six marriages and many more funerals. *Revue d'Etudes Tibétaines* 15: 421–479.
- Edelman, Dzhoi I. 2015. *Etimologičeskij slovar' iranskix jazykov. T. 5 (l—n)*. Moskva: «Nauka – Vostochnaja literatura».
- Jäschke, Heinrich A. 1881. *A Tibetan-English dictionary with special reference to the prevailing dialects*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Jettmar, Karl 2002. The Northern Areas of Pakistan: an ethnographic sketch. In: Karl Jettmar. *Beyond the Gorges of the Indus. Archaeology before Excavation*. Oxford University Press.
- Kogan, Anton I. 2019. On possible Dardic and Burushaski influence on some Northwestern Tibetan dialects. *Journal of Language Relationship* 17/4: 263–284.
- Kogan, Anton I. 2020. Notes on the historical phonology of Indo-Iranian loanwords in Northwestern Tibetan dialects. *Journal of Language Relationship* 18/3-4: 261–275.
- Kogan, Anton I. 2021. Towards the reconstruction of language contact in the pre-Tibetan Upper Indus region. *Journal of Language Relationship* 19/3: 153–165.
- Laufer, Berthold. 1908. Die Bru-ža Sprache und die historische Stellung des Padmasambhava. T'oung Pao, Second Series 9/1: 1–46.
- Liljegren, Henrik, Naseem Haider. 2011. *Palula vocabulary*. Islamabad: Forum for Language Initiatives.
- Lorimer, David L. R. 1935. *The Burushaski language. Vol. I. Introduction and grammar*. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard).
- Lorimer, David L. R. 1938. *The Burushaski language. Vol. III. Vocabularies and index*. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard).
- Martin, Dan. 1994. *Mandala cosmogony: human body, good thought and the revelation of the secret Mother Tantras of Bon*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Martin, Dan. 2010. Zhangzhung dictionary. *Revue d'Etudes Tibétaines* 18: 5–253.
- Matisoff, James A. 2001. The interest of Zhangzhung for comparative Tibeto-Burman. In: Y. Nagano, R. LaPolla (eds.). *Bon Studies 3, New Research on Zhangzhung and Related Himalayan Languages*. Osaka: National Museum of Ethnology.
- Morgenstierne, Georg. 1956. *Indo-Iranian frontier languages. Vol. III. The Pashai language. 3. Vocabulary*. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard).
- Morgenstierne, Georg. 1973. Sanskritic words in Khowar. In: Georg Morgenstierne. *Irano-Dardica*: 256–272. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Norman, Rebecca. 2010. *A dictionary of the language spoken by Ladakhis*. Ms. (unpublished draft).
- Nyima, Dagkar Namgyal. 2003. *Zhang-zhung – Tibetan – English contextual dictionary*. Bonn.
- Poucha, Pavel. 1960. Bruža – Burušaski? *Central Asiatic Journal* 5/4: 295–300.
- Roerich, Y. N. 1985. *Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels. Issue 5. Edited by Y. Parfionovich, V. Dylykova*. Moscow: Nauka Publishers, Central Department of Oriental Literature.
- Roerich, Y. N. 1986. *Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels. Issue 7. Edited by Y. Parfionovich, V. Dylykova*. Moscow: Nauka Publishers, Central Department of Oriental Literature.
- Roesler, Ulrike. 2018. Rgya gar skad du – “in Sanskrit”? Indian languages as reflected in Tibetan travel accounts. In: *Festschrift für Jens-Uwe Hartmann zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von Oliver von Criegern, Gudrun Melzer und Johannes Schneider*. Wien.
- Sloan, Mohammad Ismail. 1981. *Khowar-English dictionary*. Peshawar: Printing Corporation of Frontier Ltd.
- Tenzin, Pasar Tsultrim, Changru Tritsuk Namdak Nyima, Gatsa Lodroe Rabsal. 2008. A Lexicon of Zhangzhung and Bonpo terms. In: Y. Nagano, S. G. Karmey (eds.). *Bon Studies 11, Senri Ethnological Reports 76*. Osaka: National Museum of Ethnology.
- Trail, Ronald L., Gregory R. Cooper. 1999. *Kalasha dictionary with English and Urdu compiled by Ronald L. Trail, Gregory R. Cooper*. Islamabad: National Institute of Pakistan Studies, Quaidi-Azam University, Summer Institute of Linguistics.
- Turner, Ralph L. 1966. *A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages*. Oxford University Press.
- Zemp, Marius. 2018. *A grammar of Purik Tibetan*. Leiden / Boston: Brill.
- Zoller, Claus P. 2005. *A grammar and dictionary of Indus Kohistani. Volume 1: Dictionary*. Berlin / New York: Mouton de Gruyter.

А. И. Коган. Об этимологической атрибуции некоторых нетибетских лексических элементов в средневековых тибетских текстах

В статье делается попытка этимологизации некоторых лексем, относимых средневековыми тибетскими авторами к языку области Бружа. По мнению многих исследователей, этот язык является родственным бурушаски, однако некоторые ученые отвергают данную гипотезу как необоснованную. Автор демонстрирует, что известная из тибетских текстов лексика языка бружа, по всей видимости, этимологически неоднородна, причем некоторые слова обнаруживают возможные соответствия в бурушаски. Статья снабжена специальным приложением, посвященным этимологическому анализу ряда слов шангшунгского языка, для которых представляется вероятным индоиранское происхождение.

Ключевые слова: этимология; языковые контакты; лексические заимствования; язык бружа; язык бурушаски; индоиранские языки; шангшунгский язык; тибетский язык.

The Place of Lydian in the Anatolian Family through the Lens of Recent Research

The Lydian language is traditionally classified as belonging to the Anatolian group of the Indo-European languages, but its further genetic and areal connections represent a subject of much debate. Recent advances in the synchronic interpretation of Lydian triggered the expression of radically opposing views on the filiation of this small-corpus language. While some scholars stress its isolated character within the Anatolian group, or even doubt its Anatolian character, others voice support for its membership in the Luwic subgroup (whose prominent members are Luwian, Lycian A, Lycian B, and Carian). As a rule, however, such claims are based on privileging particular aspects of the Lydian grammar. The goal of this paper is to provide a preliminary assessment of this controversy by way of summarizing the recent progress in Lydian linguistics and its phylogenetic implications. It is concluded that the hypothesis about the non-Anatolian origin of Lydian is rooted not in new empirical evidence but in attempts to dismiss some of the old etymologies without offering better alternatives. As for the new isoglosses linking Lydian and the Luwic languages, some of them are cogent, but their interpretation in terms of areal diffusion appears preferable to treating Lydian as a Luwic language.

Keywords: Lydian language; Anatolian languages; Luwic languages; linguistic phylogeny; homoplasy; areal diffusion.

1. Introduction

The Lydian language is attested through the inscriptions excavated in Sardes and other locations in the western part of Asia Minor, which date back in their majority to the 7th–3rd centuries BCE (Gérard 2005: 20)¹. As is clear from the numismatic evidence, this was the official language of the Lydian kingdom at the time when it was ruled by the Mermnad dynasty (c. 680–547 BCE), even though the bulk of the written sources postdate its collapse and the incorporation of western Anatolia into the Achaemenid Empire. The interpretation of the Lydian language has been steadily progressing over the last hundred or so years, being in part facilitated by the availability of the short Lydian-Greek and Lydian-Aramaic bilinguals. The majority of the understood texts represent epitaphs, even though the Lydian corpus also includes votive texts, religious decrees, and ownership inscriptions.

There is a broad consensus among modern scholars, according to which Lydian belongs to the Anatolian group of the Indo-European (Indo-Anatolian) languages (Kassian & Yakubovich 2013, Melchert 2017, Rieken 2017, Kloekhorst 2022)². As for the precise place of Lydian on

¹ The work on the present paper was conducted in connection with teaching a course on the Lydian language at the University of Marburg in the summer semester of 2022. I am grateful to Christian Bruns, Jonas Döll, and Jens Goeckler for many insightful questions that helped me to sharpen my argumentation. H. Craig Melchert (Carrboro, NC) and Norbert Oettinger (Erlangen) were kind enough to read this manuscript and made useful comments, while Stephen Durnford (Brighton) and Diether Schürer (Hanau) did their best to improve its style on a very short notice. This said, I am alone responsible for any errors found below.

² The difference between the terms “Indo-European” and “Indo-Anatolian” concerns the status of the Anatolian languages vis-à-vis the rest of the family. The reason for this debate is the incongruence between the gram-

the phylogenetic tree of the Anatolian languages, the mostly clearly articulated hypothesis goes back to Oettinger 1978. According to this article, the Lydian language was the second one after Hittite to split from Proto-Anatolian, thus predating the split between Palaic and what we nowadays call the languages of the Luwic group. Oettinger's view remains influential in present scholarship and was followed in a number of recent publications, e.g., Yakubovich 2010: 6, Kassian & Yakubovich 2013: 17, Kloekhorst 2022 *passim*). This is, however, merely one opinion, which now competes with two diametrically opposing points of view.

On the one hand, Lydian philology is objectively less integrated into the field of Anatolian studies when compared with the study of Hittite or the languages of the Luwic group. No ancestor of the Lydian language is attested in cuneiform transmission, and it is rarely studied as a part of the Hittitological curriculum. This relative isolation is naturally conducive to enquiries questioning the relationship between Lydian and the rest of the Anatolian family. Thus, Melchert (2003a: 267) considers three hypotheses regarding the genetic position of Lydian and formulates the third one as follows: "Lydian is not derived from the common prestage we define as Proto-Anatolian but is an independent IE branch in Anatolia (like the later Phrygian). What features it shares with Anatolian (most notably Luvian and Lycian) would be entirely due to convergence through contact once these languages spread into western Asia Minor". Oreshko (2019: 228) is bolder in his assertion, which is presented as his preferred viewpoint: "It is quite possible – or even probable – that Lydian is in its origin not an Anatolian language, but an Indo-European language belonging to a different branch which appeared in Anatolia somewhat later than Hittite and Luwian and subsequently absorbed some Anatolian features". While the points of view illustrated above never gained mainstream status in Lydian studies, they bear witness to the lingering anxiety regarding the genetic attribution of the Lydian language.

On the other hand, the 21st century saw an increasing attention toward the ethnic prehistory of the Lydians, in particular as regards the relationship between the ethnonyms Luwian and Lydian. Three papers published roughly about the same time, namely Beekes 2003, Gérard 2004 and Widmer 2004, concur in treating the ethnonym Λύδιος attested in Greek transmission as an adaptation of Luwiya, the homeland of the Luwians attested in Hittite sources, even though the phonetic details of the proposed derivations exhibit minor differences. The former of these papers explicates its rationale as follows: "It is generally assumed that western Asia Minor was originally to a large extent – if not completely – Luwian. It is remarkable, however, that the name *Luwian* does not live on: Greek sources have not yielded a name that resembles the word *Luwian*" (Beekes 2003: 47). In the meanwhile, the dominance of Luwians in western Anatolia is no longer taken as an axiom, while an additional distinction is made between Luwian in the narrow sense, and the languages of the Luwic subgroup, such as Lycian A, Lycian B, and Carian, which were indeed predominantly spoken in the western part

matical profiles of the Anatolian languages, primarily Hittite, deciphered over the 20th century, and the Neo-Grammarians' Indo-European reconstruction, which had emerged in the late 19th century. While the dominant trend in the 20th century consisted in accommodating Anatolian as one of the daughter languages of Proto-Indo-European (modifying the reconstruction of the proto-language if needed), an increasing majority of scholars in the 21st century view the Anatolian and Indo-European languages as two branches derived from the common ancestor but characterized by the innovations of their own. Although not everyone within the latter group insists on the necessity of assigning a separate name to this ancestor language, if one opts for such a name, then "Indo-Anatolian" emerges as a logical candidate. At least, this designation, advanced first in Yakubovich 2010: 3, has the advantage over "Indo-Hittite", which has a more impressive pedigree but unduly privileges one of the members of the Anatolian group. It must, however, be stressed that this debate, for all its importance for Indo-European taxonomy, has no direct bearing on the main topic of the present paper.

of Asia Minor (Melchert 2003b: 177, n. 7). While a degree of Luwian presence in western Anatolia in the late second millennium BCE is hardly to be doubted, and Luwian superstrate may indeed account for the ethnonym Lydian, this is obviously not the same as asserting that Lydian belongs to the Luwic group.

Nevertheless, claims have also been made that the Lydian language displays a particularly close relationship to the Luwic group on the genetic level. A recent example of such a proposal is found in Rieken 2017: 303, where a number of common innovations shared by Luwian, Lycian, and Lydian were postulated.³ Rieken (ibid.) concludes that “Lydian, in spite of its otherwise “strange looks”, belongs to the Southern Anatolian group”, where “South Anatolian” appears to represent something similar to what is called “Luwic” in other sources. The same hypothesis is formulated as a question in Sasseville 2020: 2: “While the issue of how Luwic the Lydian language is remains unsolved among Anatolianists, we aim at testing this hypothesis through the lens of their verbal stem formations”. The data analysis in the same volume prompts its author to accept a number of common innovations in the Luwic and Lydian verbal derivation. On the strength of this evidence, he comes to the conclusion that “Lydian is, regarding the development of its verbal stem classes, a Luwic “dialect”” (Sasseville 2020: 551).

At the same time, there were recent attempts to demonstrate a horizontal transfer of both lexical and structural features from individual Luwic dialects to Lydian. Thus, Yakubovich (2010: 97) summarized the evidence for the Lydian proper names of Luwic origin gleaned from the earlier works of Onofrio Carruba, Roberto Gusmani and H. Craig Melchert. It includes the divine names *Sānta*, *Kufaw* and *Mariwda* as well as personal names *Walwet* and *Katowa*⁴. As long as the proposed contact effects do not include the transfer of appellatives or grammatical interference, one could easily dismiss them as marginal phenomena, which bear witness to no more than superficial contacts (cf. Melchert 2020: 246–247). Nevertheless, the twenty-first century brought additional evidence for Luwic lexical borrowings in Lydian, e.g., *masta*- ‘decoration’ (Rieken & Yakubovich 2020) or *qalmu*- ‘king’ (Valério & Yakubovich 2022). Furthermore, Sasseville (2021: 647) pleads for a connection between the lenition of **-d-* in Late Luwian and Lydian, arguing that it reflects “a diffusion area (or *Sprachbund*) between South-Central and West Anatolia, i.e., between the speech communities of the Neo-Hittite states and the predecessors of the Lydian Empire”. A vaguer approach was advocated fifteen years earlier in connection with the non-trivial similarities between the Luwian and Lydian prefixes: “Future research will show whether these similarities reflect secondary contacts between Lydian and Lydian, betray their original dialectal isoglosses, or are pure coincidences” (Yakubovich 2005: 79).

It is obvious that both the treatment of Lydian as a non-Anatolian language and its attribution to the Luwic group are incompatible with the phylogenetic conclusions going back to Oettinger 1978. Although the presence of binary contacts encompassing Lydian and other lan-

³ The two alleged common innovations of Lydian and the Luwic languages regarded as significant in Rieken 2017: 303 are the 1sg. pres. **-wi* and nom. pl. **-insi*. Regarding the first innovation one can only say that it is non-Hittite, as the relevant verbal ending in Palaic remains unknown (cf. Kloekhorst 2022: 73). The assumption of the second innovation is based on the discussion in Gérard 2005: 80–82, where only select nominative plural endings of the common gender have been treated. Nom. pl. *mlimms* ‘members of the *mlimma*-clan’ and *wāntas* ‘burial installations’, with no palatalization of the final consonant, must be added to Gérard’s dossier of the relevant Lydian forms. These examples suggest that the final consonant of nom. pl. *-iš* is affected by the preceding vowel, and this Lydian nominal ending must be reconstructed as **-Vs* rather than **-insi*, the etymology that is also mentioned as a possibility in Gérard 2005: 81.

⁴ The third personal name, *Tiwda*, mentioned in Yakubovich 2010: 97, was reinterpreted as a title in Rieken & Yakubovich 2020: 216. On the name *Walwet*, previously read as *Walwel*, see now Dale 2015.

guages of western Anatolia, or even a western Anatolian linguistic area with the participation of Lydian, would not a priori contradict the same conclusions, the reinterpretation of commonly acknowledged genetic isoglosses in areal terms might lead to reconsidering the status of Lydian as an Anatolian language. Be it as it may, the availability of mutually contradictable claims advanced with regard to Lydian phylogeny in recent scholarship provides a justification for revisiting this issue. To this, one might add that at least some of these disagreements are likely to be rooted in the lack of consensus on several key diachronic issues of Lydian grammar.

Such a state of affairs determines the structure of the present essay: I will focus there on specific isoglosses that were used as arguments in recent debates on the position of Lydian, but also adduce a number of new parameters that have the potential to affect this discussion. As an approximate starting point for the survey, I have selected the presentation of Lydian phonology and morphology in Gérard 2005, which implies that the publications that precede this monograph are allotted only a sporadic mention. Although I am aware of the fact that the unconstrained selection of isoglosses makes my project open-ended, I flatter myself with the hope that even such a procedure might be conducive to drawing up an interim balance. In addition to its main purpose stated in the title, this essay also serves the goal of advancing our knowledge of Lydian historical grammar, since most sections combine the discussion of previous scholarship with the presentation of new hypotheses on the relevant topics.

2. Assibilation of **ǰ*

One of the phonetic isoglosses separating Hittite and the languages of the Luwic family concerns the development of palatalized velars. While in Hittite they routinely merge with the ordinary velar stops, showing thus the same development as the non-Anatolian Indo-European *centum* languages, in Luwian and its closest relatives, they undergo further palatalization (at least in the majority of environments). For example, the stem of the proximal deictic pronoun is *ka-* in Hittite, but *za-* (/tsa-/) in Luwian and *sa(n)-* in Carian (Adiego 2007: 410). In a similar fashion, the Hittite imperfectives in *-ške/a-*^(mi) correspond to Luwian verbs with the suffix *-zza-*⁽ⁱ⁾ the Lycian A verbs with the suffix *-s-*^(ti), even though the mismatch between the Hittite and Luwian conjugation types complicates the comparison to an extent (Sasseville 2020: 439–461). In contrast, the destiny of palato-velars in Lydian remains a matter of debate due to the lack of assured etymologies illustrating the development of these sounds (Gérard 2005: 67–68). The earlier attempts to interpret some Lydian velars as reflexes of palato-velar stops did not stand close scrutiny. Pace Poetto 1979, *Lyd. kof(u)-* ‘water’ can be kept away from Classical Armenian *cov* ‘sea’, because Luwian (C) *hap(i)-* ‘river’ represents its closer match (Mouton & Yakubovich 2019: 222, n. 21).⁵ Contra Gusmani 1976–1977, there is no need to derive the Lydian economic term *qasaa-* from PIE *kwās-* in view of the attractive comparison between the derived verbs, Lydian *qašāni-* and Lycian A *qehñni-* ‘to rent’, which pleads for the initial labiovelar stop (Sasseville 2020: 160).⁶

If searching for velar reflexes of the Indo-European palatalized velars in Lydian has not thus far yielded any tangible results, this is perhaps an indication that one has to search in a

⁵ Here and below, Luwian (C) and Luwian (H) refers to the Luwian forms attested in cuneiform and hieroglyphic transmission respectively. I prefer such an abbreviation to its more traditional alternative CLuwian and HLuwian, as a way of stressing that we are dealing with one Luwian language recorded in two different writing systems.

⁶ The Lydian transliteration conventions adopted in this paper incorporate the new values proposed in Schürr 1997: 201, n.1 (<p>, <s>, <š>, and <w> for the earlier , <ś>, <s>, and <v> respectively).

different direction.⁷ Sasseville (2020: 62–63) offered a connection between Lyd. *ca*-(^{ti}), which he interprets as ‘to give a share, to make a dedication’, and Hitt. *zaške/a*-(^{mi}), the imperfective of Hitt. *dāi-/tiya*-(^{mi}) ‘to put’. The implication of his analysis is the reconstruction of the Lydian verb as a derivative of **d^hh₁ske/o-*, where the “first laryngeal” presumably drops early on. While there are different interpretations of the Lydian consonant <c> (see section 5), most scholars assume its affricate character. If <c> represents a reflex of the earlier **d^hsk-*, this implies that the final consonant of the cluster underwent further palatalization, perhaps to the point of merging with the preceding sibilant. Sasseville (2020: 381) explicates his analysis by offering a typological parallel: he analyses the Lycian A verb *ze*-(^{ti}), interpreted as ‘to take in marriage’ as a reflex of the imperfective **dh₃ske/o-* ‘to take’, which went through the Proto-Lycian stage **dsse-*. Furthermore, he hypothesizes that the Lydian stem *ce-ši-* ‘to take’ represents a cognate of Lycian A *ze*-(^{ti}) extended by an additional suffix (Sasseville 2020: 506–507).

The proposed etymologies represent progress over the preceding treatments of the Lydian verbs under discussion: for the first time they are accounted for with reference to the regular sound changes. Although the Lydian outcome of the **-ske/o-* suffix is never directly spelled out in Sasseville 2020, the above discussion implies that it undergoes the same type of development as in Luwian or Lycian A. Yet, as long as the proposed development of PIE **k* remains isolated in Lydian, the etymologies under discussion can only be regarded as provisional, in particular given the limited number of attestations of the relevant verbs and the absence of a strict combinatorial proof for most of the relevant contexts. An etymology that can arguably yield more support for the assibilation of **k* is the likely connection between Lyd. *tesast(i)*- ‘right’ (1x) and the Indo-European root *deks-* ‘id.’ (cf. already Gusmani 1964: 212). Since the consonant cluster *-ks-* is otherwise attested in Lydian, its absence in *tesast(i)*- can be most easily explained by a specific reflex of the palatalized **k*. Unfortunately, this case cannot be regarded as full proof either: the matching adjective *srfast(i)*- (1x), which could contextually mean ‘left’, does not have an etymology that could support such a meaning.

In what follows, I would like to offer an additional Lydian lexeme in line with the proposed derivation of **k* into a fricative. This is the demonstrative pronoun *eš-* ‘this’, one of the most frequent lexemes found in the Lydian corpus, whose meaning is established with an absolute certainty. Its attested forms are nom.sg.c. *es(s)*, acc.sg.c. *ešv*, *ešn*, nom./acc.sg.n. *ešt*, dat.sg. *ešλ*, nom.pl.c.(?) *eš*, nom./acc.sg.n. *eš* dat./gen.pl. *ešvav*. It is traditionally compared with the Hittite demonstrative pronoun *aši* ‘yon’ (see, e.g., Gérard 2005: 94). There are, however, three difficulties that undermine this comparison. First, Lydian *eš-* functions as the proximal deictic pronoun in most of the available contexts, whereas Hittite *aši* is a distal deictic pronoun and a marked element of the system, being considerably less frequent in texts that either proximal or medial pronominal stems. Second, contra Gérard, Hitt. *aši* is strictly a nominative form of the common gender, whereas other members of the paradigm, for example acc.sg.c. *uni* or dat.sg. *edi* do not contain the sibilant. While the paradigm of *aši* does show some instances of analogical restructuring in the history of Hittite, this never leads to the extension of

⁷ An attempt to assign a centum substrate in Greek to the Lydian language was recently undertaken in Garnier and Sagot 2020, as implied by the title of their paper. Yet, if one considers its substance, one can see how little is done there to promote such a goal. Section 1 of this paper is devoted to the analysis Lydian toponyms and personal names in Greek transmission, but none of the proposed etymologies is based on the *centum* reflexes of the known Proto-Indo-European roots. In contrast, such reflexes appear in section 2, devoted to “possible Greek loanwords from Lydian”, but the Lydian origin of the Greek lexemes treated in this section is not philologically substantiated. If anything, this discrepancy should yield support to the hypothesis that the *centum* substrate under discussion is not Lydian in origin.

aši to other slots (Kloekhorst 2008a: 220, Goedegebuure 2014: 115–117). Third, the assimilated nom.sg.c. *es(s)* can only be explained as a result of syncope of **ešas*, as opposed to **ešiš*.⁸

In fact, there is a better Lydian match to the Hittite paradigm of *aši*: this is the demonstrative stem *ed-* (of unknown deictic properties), represented by nom.sg.c. *edš* nom./acc.sg.n. *edt*, dat.sg. *edλ*. Given that *ed-* represents the generalized oblique stem of *aši* in Hittite, it is easy to see how the matching stem could spread across the paradigm in Lydian (cf. Gérard 2005: 95). At the same time, there are grounds to argue that its initial *e*-vocalism became abstracted as a deictic prefix, which spread to other Lydian demonstrative stems. One case in point is the adverb *epad* < **apad* ‘here (?)’, which can hardly be separated from Hitt. *apadda* ‘there’ (Gérard 2005: 99), while a closer formal match of the Lydian form can be found in Luw. (H) *abadi* ‘there’ (for which see Goedegebuure 2010: 80–83). This adverbial form can be contrasted with the Lydian anaphoric pronoun *p(i)-* ‘(s)he, it’; in this case the lack of the *e-* prefix correlates with the absence of the deictic function. If *e-* ended up functioning as a deictic marker in Lydian, I submit that the same element could also have been added to the proximal demonstrative pronoun, triggering a syncope in its root.⁹ In this connection, it is appropriate to mention a direct contrast between *e-š-* and the rare demonstrative stem *o-š-* in LW 70 *es šadmēs ošk anlola* ‘this inscription and that burial complex’. If both *e-* and *o-* are taken as deictic particles, it becomes possible to reconstruct the earlier paradigm of the main Lydian demonstrative pronoun as nom.sg.c. **šas*, acc.sg.c. **šav*, nom./acc.sg.n. **šad*, dat.sg. **šaλ*, dat./gen.pl. **šav*. This lexeme would in turn be amenable to a straightforward analysis as a lexical cognate of Hittite *ka-* and Luwian *za-*, which function as proximal deictic pronouns. The implied sound change **k̄ > š* in the history of Lydian would then be compatible with **ks > s* and **sk̄ > s*, accommodating the proposed etymologies of *tesast(i)-* ‘right’, *ca-(t)* ‘to give a share, make a dedication’, and *ceši-* ‘to take’.

One must acknowledge that the assumption of reanalysis operating across the semantic field of the demonstrative pronouns complicates the proposed etymology. At the same time, the hypotheses offered in this section transform the interpretation of the Lydian pronominal system, making it distinctly more Anatolian in comparison with the picture presented in Melchert 2009. If one believes, on independent grounds, that Lydian represents a member of the Anatolian group, then the reconstruction offered here has the advantage of aligning the system of Lydian pronouns with the rest of the Lydian grammar.

3. Hardening of the “laryngeals”

The Anatolian languages are notoriously distinct from all the other members of the Indo-European family in that they preserve segmental reflexes of post-velar phonemes, which are traditionally called “laryngeals” in the field of Indo-European Studies. No less than four dif-

⁸ **s > <š>* is the regular palatalization after *i*, at least in the inflectional endings (Gérard 2005: 71, although the transliteration used in this account is now dated). Since the palatalization of **s* represents the most common source of Lydian *<š>*, its phonetic interpretation as alveopalatal /ç/ rather than palate-alveolar /ʃ/ appears likely (cf. the discussion in section 5).

⁹ The addition of deictic particles to demonstrative pronouns is a common phenomenon cross-linguistically. As more or less random examples from other Indo-European languages, one could mention Russian *ə-mom* ‘this’ vs. *mom* ‘that’, Vedic *ešá-* ‘this’ vs. *sá-* ‘this, that’, and classical Armenian *ays* ‘this (adj.)’ vs. *sa* ‘this (n.)’. The last example is of particular interest because the Armenian proximal deictic stem **s(a/o)-* represents an Indo-European cognate of Lyd. *eš-* if the hypothesis advanced in this section is to be believed.

ferent “laryngeal” reflexes, /x/, /ɣ/, /xʷ/ and /ɣʷ/, have been identified in Hittite and Luwian (Yakubovich 2020: 227, Melchert 2020: 247), even though it is normally assumed that all of them, except for /x/, evolved first within Anatolian. Despite the conventionally used signs for velar fricatives, the mainstream hypothesis is their place of articulation was uvular in the second millennium BCE. The situation must have, however, changed in the first millennium, since the foreign transmission of the “laryngeal” reflexes in the Lycian and Carian languages rather speaks for their velar place of articulation, as argued in detail in Kloekhorst 2008b.

For a long time, Lydian was separated from the other Anatolian languages, in scholarly opinion, with regard to the assumed development of the “laryngeals”. Throughout the twentieth century it was believed that they had disappeared in Lydian without a trace, and such a view still claimed the adherence of Gérard (2005: 71). This consensus was shaken with the publication of Melchert 2004, where a number of examples were offered as an illustration of the Indo-European “second laryngeal” (h_2) developing into k in Lydian in intervocalic position. All of them concern abstract nouns with the reconstructed suffix $-eh_2 > *a\chi- > -ok-$, e.g. *šaroka-* ‘protection’. Judging by the other Anatolian languages, such a combinatorial restriction imposed on the segmental “laryngeal” reflexes would be highly unusual, as the word-initial position before a vowel tends to be particularly favourable for their preservation. Furthermore, the disappearance of the initial h_2 in this position in Lydian was essentially backed by a single example, namely *esa-* ‘child’ < $h_2\acute{o}nso-$ ‘grandson’ (Melchert 2004: 142).

In recent years, however, examples supporting the development $*\chi- > k-$ in Lydian began to pile up. Thus Lyd. *kof(u)-* ‘water’ was compared with Luw. (C) *ḫap(i)-* ‘river’ (see section 2 above), while Lyd. *kast(V)-* ‘bone’ and *kastalɿc(i)-* ‘remains (vel sim.)’, both occurring in the same burial inscription, were matched with Hitt. *ḫastai-* ‘bone’ and Luw. (C) *ḫas(t)-* ‘id.’ (Yakubovich 2019a: 402). Furthermore, doubts were raised whether the name of Gyges, the first Lydian king of the Mermnad dynasty, must necessarily represent a loanword (Oettinger 2020a: 119–120). According to the scholarly consensus, the name of this king, which is attested on Lydian coins through the possessive adjective *kukal(i)-* ‘of Gyges’ is related to Hitt. *ḫuḫḫa-*, Luw. (C) *ḫūḫa-*, and Lyc. (A and B) *xuga-* ‘grandfather’. As long as Lydian was treated as a “laryngeal-free zone”, the name under discussion was taken as a Luwian or Carian loanword, in conformity with the respective origins of several other Lydian personal names (cf. Yakubovich 2010: 94–95; Dale 2015: 157). If one accepts the development $*\chi- > k-$ in the history of Lydian, this linguistic hypothesis prompts revisiting the origin of the name under discussion. This said, the etymology of the name of Gyges remains a complex problem, which cannot be resolved by linguistic means alone.¹⁰

The assessment of the new correspondence must naturally depend not only on amassing the examples in its support but also on evaluating potential counterexamples. In this connection, it seems appropriate to consider the passage that provided the basis for the interpretation of *esa-* ‘child’. The protasis of a curse formula in the burial inscription LW 5 *ak nā-qiš ēmλ kānaλ*

¹⁰ The origin of the royal name Gyges must be discussed apart from the origin of its transmission with the voiced stops in both Greek (Γύγης) and Neo-Assyrian (*Gu(g)gu*). There is no doubt about the existence of a Carian name *quq-*, which appears in Greek sources as Γυγος (see Adiego 2007: 408 with cross-references). The rendering of the Anatolian velar stops as <ɣ> probably implies specific acts of transfer, which were unlikely to be replicated. Given the known international mobility of the Carians, it seems possible that the name of King Gyges was transmitted abroad via Carian envoys at his service, and then the Greeks adopted the same pattern for rendering the genuine Carian names. Although no legend about Gyges would directly link him with Caria, one can propose Carian etymologies for the Mermnad clan that he brought to power (Hajnal apud Yakubovich 2017a: 288–289) and the Lydian word for ‘king’ (Valério & Yakubovich 2022).

*kile*λ *buk ēminav esav citalad fadint* can be interpreted as ‘whoever causes harm to my wife Kile or to my *esa*-s’, while the apodosis of the same curse formula invokes the retribution of Artemis on the perpetrator and his property (*qira*-)¹¹. While the combination ‘wife and children’ is certainly possible on contextual grounds, this is not the only possibility. A curse against an evil-doer who attempts to damage or steal the property of the deceased appears quite logical in the context of a burial inscription, in particular given the following mention of the evil-doer’s own possessions. On the etymological side, since the notions of ‘being’ and ‘belonging’ were expressed by the same verb *ēš*-(mi) in Hittite, and presumably by its archetype in Proto-Anatolian, there is nothing strange about the assumption that the Lydian word for ‘belongings’ is derived from the same root¹². Against such a background, one can simply discard the interpretation of *esa*- ‘child’ if it contradicts the mounting evidence for **h₂- > k-* in Lydian.

The clause under discussion contains one more item that is potentially relevant to the present section, namely the personal name *kile*-. The latter can hardly be separated from the indigenous Anatolian name attested as Κιλης in Greek transmission (Zgusta 1964: 230), which in turn probably represents a retrenchment of Anatolian compound names, such as Κιλιαβας or Κιλωρασις. In Pre-Achaemenid Anatolian sources, however, we find a number of names with the initial element /xilV-/, such as Hilamaddu, Hiliya, and Hilaruada, all attested in cuneiform transmission (Laroche 1966: 67). Scholars tend to agree that the names in /xilV-/ contain the reference to Hitt. *ḫila*- ‘courtyard’ or its Luwian cognate (Zehnder 2010: 153–154), and it seems reasonable to extend the same conclusion to the Hellenistic Anatolian names in Κιλ(V)-. Lydian *kile*- bridges the chronological gap between the two groups and is likely to represent the earliest attestation of the change **h₂- > k-* in the Anatolian root under discussion. Unfortunately, as in the instance of *kukal(i)*-, there is no proof that the name is genuinely Lydian, as opposed to a loanword from another Anatolian language.

One more potential case illustrating the same sound change **h₂- > k-* in the history of Lydian is *klida*- ‘earth, soil’, whose meaning is assured by the Lydian and Aramaic bilingual LW 1. The traditional comparison of this noun was with Greek γλία ‘glue’, and English *clay*, made formally possible by Melchert’s discovery of the change **y > /ð/* in the history of Lydian (Melchert 1994: 136, cf. the next section), suffers from the lack of cognates within the Anatolian subgroup. The alternative cognate is Hitt. *ḫalīna*- ‘clay’: while it is genetically closer, the comparison is more complicated from the formal perspective, since one has to account for the *n*-suffix.¹³ The *tertium comparationis* that facilitates the formal account is provided by the Latin verb *linō* ‘to smear, rub’ and the rare Greek verb ἀλίνω ‘id.’, which are reconstructed as **h₂linH-* in Beekes 2010: 68–69. One can argue that the Hittite noun is deverbative in origin and re-

¹¹ Here and below, the abbreviation LW refers to the inscriptions published in the *Lydisches Wörterbuch* (Gusmani 1964). This does not, however, mean that their reproduction in this essay corresponds exactly to the one given in that source; whenever appropriate, changes in the transliteration have been implemented (cf., e.g., n. 6 above).

¹² H. Craig Melchert informs me that he has independently arrived at the same conclusion. A typological support to the proposed reconstruction comes from the Persian noun *hasti*, a derivative of Proto-Iranian **as-/ah-* ‘to be’, which has the semantic range ‘being, existence; property’. See further Nussbaum 2014 for the likely etymological connection between Hitt. *āššu*- ‘goods, property’ from *ēš*-(mi) ‘to be’. I believe, however, that the derivation of ‘goods < belongings’ via the concept of belonging (cf. Latin *tres servi tibi sunt* ‘you have three slaves’ and the matching constructions in the other ancient Indo-European languages) is a simpler semantic path than the one outlined in Nussbaum 2014: 248–251.

¹³ According to Gérard (2005: 73), Lyd. *klida*- is to be connected with Hittite *kulei*- /k^wlēi-/ ‘fallow land’, but this etymology appears to be formally impossible, since **k^w-* yields its regular reflex *q-* in Lydian consonant clusters, cf. 1sg.pres. *q^lastānu*, 3sg.pres. *ētqrata*d, or 3sg.pres. *qrifrit*.

flects the fusion of the root and the etymological verbal suffix.¹⁴ Nevertheless, the complexity of such an explanation relegates the comparison between Lyd. *klida-* and Hitt. *ḫalīna-* to the category of possibilities, while the match between Lyd. *klida-* and Greek γλία remains a valid alternative, and the two etymologies are mutually incompatible.

While the potential Lydian counterparts of Hittite and Luwian /x/ were frequently addressed in the recent years, the Lydian reflexes of other “laryngeal” segments have received less attention. The reason for such a state of affairs is the paucity of Lydian lexical items where the relevant phonemes have been reconstructed. Thus, the only potential context for tracing the reflex of the Anatolian voiced/lenis “laryngeal” is the above-mentioned possessive adjective *kukal(i)-* ‘of Gyges’. The Lycian (A and B) stems *xuga-* ‘grandfather’ speak directly for the voiced/lenis character of the second consonant in the root under discussion, while Luw. (C) *ḫu-u-ḫa-ti* (instr, 1x) supports the same conclusion. Yet, the lenition of the second consonant in this root was apparently not a pan-Anatolian phenomenon: Hitt. *ḫuḫḫa-* ‘grandfather’ contains two fortis consonants. If Lyd. **kuka-* ‘grandfather’ was an inherited lexeme, the historical interpretation of its second consonant depends on whether it shared the morphological pattern with Hittite or with the Luwic group; in the latter case one can safely posit the merger of voiceless/fortis and voiced/lenis “laryngeals” in Lydian.

But even aside from the case discussed above, one could argue that the Lydian language did not know the distinction comparable to that between /x/ and /γ/ in Hittite or Luwian. Indeed, if such a contrast existed, and the fortis “laryngeal” turned into <k>, one might expect the development of its lenis counterpart into <g>. Yet, the counterpart of the Greek *gamma* is attested only four times in the Lydian inscriptions, and the two better-understood attestations plead for a free variation between <k> and <g> (Gérard 2005: 58). Furthermore, the Lydian alphabet features no signs for velar or post-velar fricatives. Under such conditions, one may entertain two hypotheses: either the merger of the two “laryngeals” or the development of the lenis one into zero. What makes the second alternative less likely is the lack of evidence for the disappearance of any other lenis consonants in the history of Lydian, while the merger between the fortis and lenis stops can be illustrated by the development of the additive particle, PIE **k^we* ‘and’. The reflex of this morpheme predictably undergoes lenition in postvocalic position in Luwian (Mouton & Yakubovich 2021: 42–43), but the Lydian clause-initial particles *ak* and *fak*, which are commonly analysed as reflecting merger with *sk* < **k^we* ‘and’, show no traces of lenition (cf. section 10). Summing up, although direct evidence is lacking, one may cautiously hypothesize that the Lydian language either failed to implement the lenition of the “laryngeals” or reversed its results.

The final question to be addressed in this section is the reconstruction of the labialized “laryngeal” in the prehistory of Lydian. If such a phoneme existed, given **h₂- > *χ- > k-*, one might expect the parallel process **χ^w- > *k^w-*. PIE **k^w* merges with *k* in Lydian before the labialized vowels and in word-final position, but otherwise its regular reflex is *q* (cf. Gérard 2005: 67). Accordingly, one may wonder if there are lexemes featuring Lydian *q* of likely “laryngeal” origin. The most plausible candidate is the verb *qišre*-(d) ‘to take care (vel sim.)’ (Gusmani 1964: 187), an ostensive denominative derived from the reconstructed verbal noun **qišr-*. I am not aware of an Anatolian primary verb in **k^w-* that could provide a base for such a verbal noun, but Hitt. *ḫuwāi-/ḫuiya*-(i) ‘to move’ and Luw. (H) *ḫwiya-* ‘id.’ are formally suitable as cognates of Lyd. **qi-šr-*. The comparison may appear surprising on the semantic side, but one should

¹⁴ As a typological parallel, one may consider the case of Russian *глина* ‘clay, loam’, a cognate of English *clay* whose nasal suffix also must have had a verbal origin, cf. Old Irish *glenim* and Old High German *klenan* ‘to stick, smear’ (Beekes 2010: 276–277).

keep in mind that the Hittite phrase *pēran hūwāi-/hūya-*⁽¹⁾, literally, ‘to move in front (of someone)’ was lexicalized with the idiomatic meaning ‘to help’ (García-Ramón 2016: 72–73, Oettinger 2022: 62–63). The extension of this secondary meaning to the nominal derivatives without a prefix also appears possible: thus, the phrase *hūwayalli* ^dUTU-*i* ‘to the Sun-god the *assistant*’ can be compared with *kutru* ^dUTU-*i* ‘to the Sun-god the witness’ in the parallel version of the same Hittite text (Yakubovich 2010: 378).¹⁵ Consequently, one can reconstruct Lyd. **χ^wi-sr-* > **qi-šr-* ‘assistance, help’ as yet another derivative of the Anatolian verb for ‘moving’. The etymology under discussion provides minimal evidence for the presence of **χ^w-* in Pre-Lyidian but obviously remains in need of further confirmation.

4. Pronunciation of <d>

The Lydian grapheme that is traditionally transcribed as <d> poses problems of phonetic interpretation. On the one hand, the underlying sound must be phonetically close to [d], because the Lydian capital, known as Σάοδεις in Greek transmission and the name of the Achaemenid satrapy of Lydia (Old Persian *s-p-r-d*) cannot be separated from the Lydian noun *sfarda/e-* ‘Sardian’ and the derived adjective *sfardēt(i)-* ‘Sardian’. On the other hand, it cannot be actually [d], because the name of the Greek theonym Demeter (Ionic Δημήτηρ, Doric Δαμάτηρ) and the royal name Alexander (Ἀλέξανδρος) are rendered as *lamētru-* and *alikšāntru-* respectively in Lydian transliteration (Gérard 2005: 57–58). Diachronically, the phoneme recorded as <d> has a dual origin: it can continue either the Anatolian lenis stop /d/, as in *ad* < **od* ‘it’ or the Anatolian glide /j/, as in *pidv* < **pij-om* ‘I gave’ (Gérard 2005: 66–67, 69). The interdental fricative [ð] was tentatively proposed as the phonetic interpretation of Lydian <d> in Gusmani 1965: 209, and this suggestion is cited as a viable option in Gérard 2005: 25, 58.

A rather different interpretation is defended at some length in Oreshko 2019. Observing that the frontal fortition of **j* to [ð] is cross-linguistically rare, if at all existent, he suggests as an alternative that **j* and **d* merged into /j/ in the history of Lydian, and the grapheme <d> might accordingly be re-written as <j>. The author acknowledges that the reading “*sfarja-*” ‘Sardian’ is not helpful for explaining Gk. Σάοδεις or Persian *s-p-r-d*, but addresses this lexeme as “a special case reflecting fortition of *j* in the cluster *-rj-* > *-rð-* (> *-rd-*)” (p. 225).¹⁶ This argument is in itself rather problematic: if the phoneme /j/ had allophones [j] and [ð] in Lydian, one would expect to find some counterpart of this distinction in the writing system. The Lydian alphabet was not strictly based on phonological principles, but involved experimentation with new signs for allophones, such as <g> or <y> (Gérard 2005: 26, 58). The sounds [j] and [ð] are distinct enough for the Lydian scribes to attempt to reflect this distinction, at least sporadically.

Naturally, this consideration alone is not sufficient to refute Oreshko’s hypothesis, as long as other combinatorial data would support it. This does not, however, appear to be the case. If a phoneme hidden behind <d> were a glide, one would expect it to participate in the same type of synchronic alternations as the labial glide <w>. In the case of the latter, its combinatorial behaviour is sufficiently outlined in the paper under discussion: it includes phonologically

¹⁵ The proposed interpretation of *hūwayalli-* derives support from the divine epithet KUB 2.1 ii 25 [ŠA LA-BAR]NA *peran hūiyawaš* ^dLAMMA-*ri* ‘to the protective god of moving forward the [Labar]na’ = ‘to the protective god of helping the [Labar]na’.

¹⁶ Here and below in this section, the forms reflecting the alternative reading of <d> are enclosed within double quotation marks without being italicized. This is done in order to avoid any confusion with the readings accepted in this paper.

conditioned alternation between <u> and <w> in the same morpheme, e.g., 1sg.pret. *ko-w* vs. *kantor-u*, instances of synchronic contraction, e.g., *mruwa-* vs. *mru-* (Oreshko 2019: 210–211). No parallel changes can be observed in the case of <d>: this we find nom.-acc.sg.n. *mru-d* and *ciwar-d* (not **ciwari*) and not a single dropped <d> in a fairly common verbal ending *-i-d* (3sg.pres.).¹⁷ What we do have is the frequent alternation between <t> and <d> as allomorphs of the same morpheme, e.g., nom.sg.n. in LW 1.1 *eš-t mru-d* ‘this stele’ or 3sg.pres. in LW 24.9 *pasvsakvāki-d* ‘causes impurity(?)’ and LW 24.11 *in-t* ‘does’ occurring in parallel disjunctive clauses. Oreshko (2019) is aware of this difficulty but attempts to obviate it by treating the nominal endings *-t* and *-d* as synchronically suppletive (p. 197) and arguing that the verbal 3sg.pres. endings *-t* and *-d* have different historical origins (p. 227–228). The doubts that Lydian belongs to the Anatolian language group are expressed in context of discussing the origin of the verbal ending *-d* (“-j” according to Oreshko).

Within the context of the present essay, it is important to stress the last point: Oreshko’s phylogenetic stance is not based on the currently accepted decipherment of Lydian but represents a price that he is willing to pay for its revision. The co-occurrence of the 3sg.pres. allomorphs *-t* and *-d* is not only phonologically natural but also derives support from the cognate allomorph pairs *-ti/-di* in Lycian and *-tti/-ti* in Luwian cuneiform texts. The considerable efforts to prove this point were invested in Melchert 1992, while the full documentation of derivational verbal classes that do or do not trigger the lenition of 3sg.pres. verbal endings in Luwian, Lycian, and Lydian is now available in Sasseville 2020. Furthermore, I recently attempted to demonstrate the presence of the matching allomorphs *-taλ* and *-daλ* functioning as the mediopassive ending of 3sg.pres. (Yakubovich 2019a). While the current reconstruction of Lydian verbal morphology is not cast in stone, and its individual elements will most certainly continue to undergo revisions, I doubt that a controversial new reading of <d> represents a sufficient reason to give up its most basic premises. Quite to the contrary, the more challenge the proposed new reading poses for the mainstream morphological reconstruction and phylogenetic assumptions, the more stringent its evaluation should be.¹⁸

A separate problem concerns the reinterpretation of word-initial *d-* as “-j-”. While the etymological **d-* is devoiced into *t-* in the history of Lydian, the development **nd- > d-* was proposed for a number of morphemes, such as the verbal prefix *da-*, *dāv* ‘in, chez’ and *dum(v)* ‘furthermore’ (Yakubovich 2005: 79–83). Thus, Lyd. *da-* can be directly compared with the preverb *ñte* < **endo* in Lycian A, while *dāv* and *dum(v)* probably represent etymological compounds with *da-*.¹⁹ The development of prenasalized stops into plain voiced stops, as in the

¹⁷ For fairness sake, one should mention the contrast between *in-t* ‘does’ and *fa-din-t* ‘causes’ addressed below in this section. One may, however, doubt that the alternation between the root variant *in* and *din* was perceived in this case as synchronic.

¹⁸ To illustrate this general point, it might be appropriate to contrast the proposal in Oreshko 2019 with the New Readings of Anatolian hieroglyphs advanced in Hawkins, Morpurgo-Davies & Neumann 1974. While the initial impetus for the breakthrough in the decipherment of Luwian was the discovery of short biscriptal graffiti in the Urartian fortress of Altın-Tepe, the main effort of the three scholars consisted in demonstrating that the new values obtained by combinatorial means actually strengthen the previously assumed connection between Luwian and “Hieroglyphic Hittite”, and this demonstration played a decisive role for the positive reception of the New Readings.

¹⁹ The etymology of this group of forms helps explain why the Greek theonyms beginning with Δ- were borrowed into Lydian with the initial *l-* (e.g., Διμήτηρ vs. *lamētru-*). Presumably, at the time when the Greek divine names entered the Lydian language, the archetypes of Lyd. *da-* and the related forms were still pronounced with the initial **nd-*, and the voiced plosives were still proscribed word-initially, which made *l-* the optimal substitute of Greek *d-* at the time (cf. section 8 on another likely example of lambdacism in Lydian).

history of Modern Greek, is typologically trivial, and the use of the same grapheme <d> for the allophones [d-] and [-ð-], as in Spanish, does not strain common sense either. Even the lenition **nd- > *d- > [ð-]* would be a conceivable development, whether it reflected a synchronic constraint on word-initial voiced plosives the elimination of allophonic variation, but the change **nd- > /j-/* would be unusual indeed. Oreshko is naturally aware of this problem, but his reaction is simply claiming that “the origin and exact meaning of Lydian *da-* and *dāv* remain ... unclear” (Oreshko 2019: 203). Once again, we face the situation when the assumption of a new phonetic value leads to the reduction of the postulated cognate set.

Against such a background, it is natural to wonder what the positive arguments that support the revised reading of <d> are. Most interesting, in my opinion, is the hypothesis that this letter renders /j/ in personal names of foreign origin. Thus, the Iranian name *mitridašta-* attested in Lydian transmission obtains a cogent explanation as a reflex of **miθra-yaštā-* ‘Mithra-worshipper’ (Oreshko 2019: 219), while the same Phrygian(?) name is arguably attested as *sakarda-* and *Σαγάριος* in Lydian and Greek transmission respectively (Oreshko 2019: 223–224). I doubt, however, that these insightful comparisons preclude the phonetic realization of <d> as an interdental fricative. As long as the glide [j] was absent from the sound pattern of Lydian, the fricative [ð] may have functioned as its regular substitute in the lexicon of borrowed origin.²⁰

Another argument is the rarity of the fortition **j > /ð/*, which was already mentioned in this section. There is in principle no doubt about the possibility of such a sound change: indeed, Oreshko (2019: 225) explicitly acknowledges it in the instance of “*sfarja-*” = **sfarða- > [sfarda-]*. What he doubts is the availability of cross-linguistic parallels for the change **j > /ð/* across the board. It is worth, however, pointing out that Lydian does not implement such a fortition across the board either. As an example, let us consider the paradigm of the stem *tro(d)-(d)* ‘hand over (vel sim.)’, a cognate of Luwian (C) *tarawi-* ‘id.’. The 1sg.pret. form *trod-v* contrasts with the prefixed forms *fa-kan-tro-w* (1sg.pres.), *fa-tro-d* (3sg.pres.) *fa-tro-š* (2sg.pret.), and *fa-tro-l* (3sg.pret.), with the implication that the derivational suffix **-je/o-* drops without a trace in most members of the paradigm. Another instructive example is 3sg.pres. *in-t* ‘does’ contrasted with the prefixed derivative *fa-din-t* ‘one causes’. The Hittite root cognate of this verb is *yē-(mi)* ‘to do, make’, but the contraction **jV- > *ji- > i-* was apparently implemented in the history of Lydian, except for the prefixed form **fa-jin- > fa-din-*, where the glide was preserved or restored on a morpheme boundary (cf. Oreshko 2019: 207). These examples, the list of which can easily be continued, suggest that the fortition of **j* was in fact conditional, even if the precise description of its licensing conditions remains a task for the future.²¹ This validates the parallel with a similar conditioned change **j > /ð/*, which occurs in several environments in the history of Brittonic languages and is duly mentioned in Oreshko 2019: 194. Eska (2018/2019: 19–26) offers a sociolinguistic scenario accounting for such a change and adduces its additional instantiation in “most varieties of Fijian”.

²⁰ Incidentally, the perceived functional equivalence between the foreign glide /j/ and the Lydian fricative /ð/ may be responsible for the shape of the Lydian letter <d>, graphically <i> with an additional stroke (for which see Oreshko 2019: 216–217). While this argument is admittedly speculative, so are the attempts to base the reading of <d> on the graphic etymology of this sign, consisting of only two strokes.

²¹ I personally find not a single convincing example that could illustrate the change **j- > /ð-/* in word-initial position in Lydian. The LW 24.20 *dētv* ‘mobile property (acc.sg.)’, frequently cited as a reflex of the participle **jVnt-* ‘moving’, need in fact not be separated from the indeclinable form *dēt* (9x) < **endo-ndo* ‘inside (vel sim.)’ (cf. Yakubovich 2017a: 277–278). At the very least, the proponents of the participial origin of *dētv* should find additional examples illustrating the sound change **j- > /ð-/*. An example that in my view supports the disappearance of **j-* in Lydian is *ora-* ‘month’, to be compared with Luw. *ar(i)-* ‘time’, Greek *ώρα* ‘season, time period’, as well as Church Slavonic *ара* ‘spring’, English *year* and German *Jahr* ‘year’ (differently Oettinger 2021b).

Summing up, although the change $*j > /ð/$ is typologically uncommon, an attempt to restrict it to the environment after $/r/$ in the history of Lydian creates more problems than it solves. In particular, the attempts to dismiss the available Anatolian etymologies without suggesting better alternatives do not represent a convincing way of arguing for a new value of Lydian $\langle d \rangle$.

5. Palatalization of dentals

The Lydian language is assumed to feature two affricate sounds, corresponding to the graphemes $\langle \tau \rangle$ and $\langle c \rangle$, but their exact pronunciation remains *sub judice*. Gérard (2005: 75), reconstructs an asymmetrical pair of the voiceless alveolar-palatal affricate $\langle \tau \rangle = /tç/$ and the voiced alveolar affricate $\langle c \rangle = /dz/$. Yakubovich (2005: 77, n. 11) doubts that voicing constituted a distinctive feature of the Lydian affricates and tentatively suggests the interpretation of $\langle c \rangle$ as $\langle tš \rangle$ or $\langle tj \rangle$. Oreshko (2019: 208) interprets the contrast between $\langle c \rangle$ and $\langle \tau \rangle$ as that between the dental affricate $/ts/$ and the palatal affricate $/tç/$, each of them having voiced allophones. Finally, Kloekhorst (forthcoming) offers a new interpretation of $\langle c \rangle$ as the palatal stop $/c/$.

There is more consensus with regard to the historical origin of $\langle \tau \rangle$ and $\langle c \rangle$. On the one hand, the Lydian nominal/adjectival suffix $-\tau a-$ was analysed as a cognate of the Hittite adjectival suffix $-zzi-$ $\langle *tj \rangle$ (Gérard 2005: 87–88), while the cognate Luwian adjectival suffix $-zza-$ represents a closer formal match, and the Lycian A nominal suffix $-za-$ offers a typological parallel for the nominalization of the relevant derivatives (cf. Yakubovich 2013: 165, n. 16 et passim). In particular, it is worth noting Lyd. $pa\lambda-\tau a-$, presumably derived from $p(a)\lambda-$ ‘fore-’ and thus arguably meaning ‘foremost’,²² as well as a similarity between the Lydian title $arm-\tau a-$ and the Lycian A title $armanaza$, both presumably derived from Arma, the Anatolian Moon-god (Sasseville 2018: 130, n. 2). On the other hand, $\langle c \rangle$ apparently reflects palatalization of dental stops before $-i$ and $-u$ in several Lydian morphemes. Thus, Lyd. $tac(i)-$ ‘offering (vel sim.)’ has been explained as a reflex of PIE $*d^heh_1-ti-$ (derived from $*dheh_1$ ‘to put, place’), while the stem $da-cuwe-$ ‘to erect (vel sim.)’ was compared with Luw. (C) $duwa^{(i)}$ ‘to place, erect’ and Lyc. A $tuwe^{(ti)}$ ‘to erect’ (Gérard 2005: 59–60).²³

The above examples suffice to show the contrast between the two kinds of palatalization. In the instance of $*tj-$ yielding $\langle \tau \rangle$, which can also be called iotation, we are dealing with a sound change that finds close counterparts in Hittite, Luwian, and Lycian. In contrast, the palatalization yielding $\langle c \rangle$ appears to be restricted to Lydian in the morphemes constituting its scope. To be sure, the palatalization of dental plosives before $-i$ is known in Hittite, witness the 3sg.pres. verbal ending $-zi$ $\langle *ti \rangle$. Yet, the counterpart of this 3sg.pres. ending in Lydian is $-t/-d$, which presumably reflects the relative ordering of the Lydian second palatalization after the apocope. The palatalization of dental plosives before $-u$ finds a formal parallel in Palaic, where the stem $tāzzu-$ ‘to take’ was tentatively accounted for as a late reduplicated form of $*daw-/du-$ ‘to take’ \langle PIE $*deh_3w-$ (Melchert apud Sasseville 2019: 25, n. 13). I am not, however, aware of any Palaic and Lydian cognate pairs that would share palatalization before u , while Palaic $aš-du$ ‘let it be’ and Lyd. $tutra-$ ‘daughter’ suggests that the palatalization $*tu > cu$ was subject to

²² For the Lydian prefix $p(a)\lambda-$ as a cognate of Luw. $pari$ ‘away, forward’, see Yakubovich 2019a: 400.

²³ Another plausible instance of palatalization before u in Lydian is the noun $cu\lambda dalē-$ attested as dat.sg. $cu\lambda dalē\lambda$ in LW 27.3', which can be formally compared with Lyc. B $tulijele-$ ‘assembly’. Yet, given the fragmentary character of LW 27, this match naturally remains tentative.

additional yet unknown licencing conditions in both languages.²⁴ The natural implication of the discrepancies outlined above is that the origins of palatalization before /i/ and /u/ in Hittite, Palaic, and Lydian are mutually independent. This implies in turn a relative chronology, according to which the palatalization yielding <τ> and shared by Lydian and the other Anatolian languages is to be ordered before its language-specific counterpart yielding <c>.

Yet, not all the occurrences <τ> or <c> reflect palatalization or iotation. The inflectional forms *sfardēnt* ‘Sardians (nom.sg)’, presumably a syncopated form of **sfardēnt-iš*, *κατ-τadmē-* ‘decree’, presumably a noun with the prefix *kat-* derived from *šadmē-* ‘inscription, seal’, and *κατ-τirs* ‘they prescribed, decreed’, presumably a prefixed variant of *šers* with a similar meaning, all bear witness to the secondary <τ> arising through contraction on a morpheme boundary. All three pairs confirm the status of <τ> as an affricate, but it is remarkable that the merged fricative has post-alveolar articulation in each case.²⁵ In contrast, LW 3.2 *ardēc* appears to represent a singular subject on contextual grounds, and therefore can be interpreted as **ardēnt-s*.²⁶ This analysis speaks in favour of <c> being another affricate but differing from <τ> through its place of articulation.²⁷ If one accepts the phonetic transcriptions <s> = [s] and <š> = [ç], then the phonetic transcriptions <c> = [ts] and <τ> = [tç] appear to be the most natural solution for the matching affricate sounds.

There are several other considerations that yield indirect support to this new phonetic interpretation, or at least are compatible with it. Thus, the prefixed forms *ši-τēnit* and *ēn-τawlo-* can be contrasted with the base forms *cēnit* and *cawlo-* respectively (Sasseville 2020: 520). The prefix *ši-* contains the final *i*-vowel, while *ēn-* can be reconstructed as *en(i)* at the Proto-Anatolian level (Boroday & Yakubovich 2018: 8–11). This is an argument for treating the conditioned development of <c> into <τ> in a parallel fashion to the development of <s> into <š> after *i-*, e.g., in the nom.sg. endings of the common gender. The lexical etymologies that are compatible with the affricate interpretation of <c> were already addressed in section 2: this is *ca-* < **dh₁ské/o-* and *ce-ši-* < **dh₃ské/o-*. Although neither of the two can be regarded as assured, the simplification of consonant clusters yielding <c> remains the default assumption in both cases, since <c> cannot be explained via palatalization in either of them.

It is easy to see that the proposed solution (<c> = [ts], <τ> = [tç]) is situated between Gérard’s suggestion (<c> = /dz/, <τ> = /tç/) and Oreshko’s alternative (<c> = [ts], <τ> = [cç]). Gérard’s predilection for the voiced interpretation of <c> has to do with a number of etymologies where this phoneme goes back to the voiced stop, notably Lyd. *ciw-* ‘god’ < PIE **djew-/diw-* (Gérard 2005: 79). Yet, given that the Lydian palatalization yielding <c> is a language-specific development, nothing precludes dating it later than the devoicing (fortition) of word-initial stops, which represents a common Anatolian, albeit areal phenomenon. In fact, in the

²⁴ For the identification of the Lydian word for ‘daughter’, which presumably goes back to Proto-Anatolian **dugater*, see Schürr 2006: 1570–1572.

²⁵ The morphological analysis of *sfardēnt* is provided in Yakubovich 2017a: 272, where the pre-syncopated form is, however, reconstructed as **sfardēnt-is*. While acceptable for some early period, such a reconstruction is unlikely for the stage immediately before the syncope occurred, because the nominal ending **-is* automatically develops into *-iš* in Lydian (cf. section 2 above).

²⁶ While the stem *ardēnt-* may represent a derivative of *dēnt-* ‘mobile property’, the only morphological assumption that constitutes the prerequisite of the present analysis is that *ardēnt-* is a genuine consonantal stem, not the result of a secondary syncope.

²⁷ To this one may add that the shape of Lyd. <c>, graphically an upward arrow, is very similar to that of the Anatolian glyph L 376, which was originally use with the value <za/i>, i.e., for a syllable consisting of the affricate /ts/ followed by the vowels other than /u/. The same arrow-shaped sign is used for the letter <τ> in the Carian alphabet, where it is likewise interpreted as an affricate (Adiego 2007: 251).

instance of *cuwe-* ‘to erect (vel sim.)’, one probably has to reckon with an etymological *t-*: a semantically cogent derivation of Lycian A *tuwe-*⁽ⁱⁱ⁾ ‘to erect, place vertically’ from PIE **(s)teh₂u-* (García Ramón 2015: 120–124, cf. Kloekhorst 2022: 73, n. 41) must naturally be extended to the derivation of its Lydian cognate.²⁸ Against this background, Oreshko’s transcription <c> = [ts] clearly represents a step forward. As for Oreshko’s reconstruction of the palatal affricate <τ> = [cç], it is arguably prompted by perceived system pressure: the table in Oreshko 2019: 213 contains four other palatal consonants, but no palato-alveolars. I hope, however, to have shown above that in some cases <τ> reflects a merger of a coronal stop with the following fricative, which supports the traditional interpretation <τ> = [tç].

Lydian stands alone among the Anatolian languages with regard to the presence of two graphemes corresponding to two distinct affricate phonemes. It is, however, unclear whether this peculiarity is phonological or merely graphic. Thus, claims were made that the <za>/<zu>/<zi> series in Hittite may stand for the syllables with two different affricate sounds [ts] and [tʃ] (lately Patri 2019: 229–238). Whether or not there is substance behind such a hypothesis, the well-known facts of Slavic language evolution ostensibly show the potential for interplay between iotation and palatalizations proper for the extension of phonological inventory, including the rise of multiple affricates. Therefore, the development of affricates in Lydian cannot be regarded as typologically uncommon.

6. Luwic umlaut vs. Lydian syncope

The phenomenon that triggered paradigmatic vowel alternations in Lycian is variously called “umlaut” and “vowel harmony” in academic literature (cf. Hajnal 1995: 78–90, Sasseville 2014/2015: 111). Within the scope of a phonetic word, the Lycian front vowels *e* and *i* trigger the anticipatory fronting *a* > *e*, the back vowel *a* triggers the anticipatory backing *e* > *a*, while *u* underlyingly a back vowel but remains transparent to the palatal umlaut, which arguably implies the existence of two allophones, the back vowel [u] and the front vowel [y]. For example, Lyc. A *tese/i-* ‘oath, vow’ has the collective plural *tasa* (nom.-acc.), while Lyc. A *atra-*, *atla-* ‘person, self’ has dative singular forms *atli* and *etli*. The same processes play a role in the derivation, contrast the personal names *Sbikaza* and *Sbikezijēi*, and in the adaptation of loanwords: thus, the Greek personal name Ἀθηναγόρας is adapted into Lycian as *Tenagure* or *Tenegure*.²⁹ Anticipatory backing appears to be more ancient than anticipatory fronting and is implemented more consistently (Hajnal 1995: 90). The scope of anticipatory changes is potentially the whole phonetic word: thus, the possessive adjective *ehetehe/i-* is derived from *ahata-* ‘peace’, while the allomorph *ñta* ‘in’ is used instead of *ñte* in the phrasal verb *ñta ta-* ‘to put in’. The last peculiarity renders the Lycian changes under discussion more similar to the prototypical vowel harmony, as in Turkish, than to the prototypical umlaut, as in German. On the

²⁸ An independent combinatorial argument against the inherently voiced character of <c> in Lydian concerns the apparent accusative forms of the common gender endowed with the suffix *-c-*, namely *nivis(s)cv*, *qardołcv*, *kastałcv*, *laafcv*, *kafołcv*, *pitocv*, *tacv*, *intistcv*, *mursucv*, *porfcv* (cf. the discussion of them in the following section). Not all of these forms are provided with contextual translations or etymologies, but it is clear that they form a natural class. It seems highly unlikely that the suffix *-c-* was pronounced as a voiced affricate /dz/, on all of the above forms, including those where it is embedded in consonant clusters.

²⁹ The last example is of particular interest, since anticipatory fronting *a* > *e* is apparently implemented here before [y], the fronted variant of *u*. Another Lycian personal name that supports the fronting of *u* is *Xertubi* (the vowel *e* is not expected after *x*, unless triggered by umlaut). The analysis of *Tenagure* as a secondary variant of *Tenegure* in Hajnal 1995: 80 is hard to follow: other things being equal, Greek *α* is borrowed as *a* in Lycian.

other hand, many scholars reserve the term “vowel harmony” for the perseverative long-distance vowel assimilation, which prompts them to use “umlaut” for the matching anticipatory change. The latter are in the majority, and the term “umlaut” will accordingly be adopted for the Anatolian languages in the rest of this paper.

Although palatal umlaut has been primarily described with reference to Lycian A, there is no doubt that its traces are also preserved in the other Luwic languages. Thus, Lycian B *uwedre/i-* ‘all’ features nom.-acc.pl.n. *uwadra*, while the divine epithet *esēnēm̄la* has variants *esānām̄la* and *asānām̄la* in the Lycian B language. The Carian nouns *en* < **eni* < **annis* ‘mother’ and *ted* < **tedi* < **tadis* ‘father’ supply a clear indication of anticipatory fronting in the prehistoric period, while *otono* < **atono-* in Carian *otonosn* ‘Athenians’ apparently reflects anticipatory backing (Adiego 2007: 259). The situation in Luwian is more complicated. The difference between the front and back low vowels is not reflected in cuneiform orthography, but the earlier Anatolian hieroglyphic inscriptions (up to the mid-ninth century BCE) deploy the signs <a> and <á> in a way that is consistent with the distinction between the word-initial *e-* and *a-* in the cognate Lycian A forms, which suggests the distinction between Luwian /æ-/ and /a-/. In the majority of cases, the distribution between <a> and <á> is lexical, but the paradigmatic alternation is clearly attested in the first-person possessive pronoun, e.g., nom.sg.c. **a-mi-i-sa*, instr. **a-mi-ia-ti* but nom.-acc.pl.n. *á-ma* (Burgin 2016: 8–9). It seems reasonable to assume, as also does Burgin, that the origin of this variation has to do with the vowel quality of the second syllable, which is tantamount to considering this case together with that of Lyc. A *tese/i-* ‘oath, vow’ vs. *tasa* (coll.pl.).³⁰

In contrast, the Lydian language does not show any vowel alternations that can be described in terms of umlaut.³¹ The factor that plays a defining role for the evolution of Lydian vocalism is strong dynamic stress. As shown in Eichner 1987 and a number of other publications by Heiner Eichner, a number of Lydian vowels, notably *e*, *o*, *ē*, and *ā*, normally do not occur in a phonetic word more than once, and therefore their attestations are likely to correlate with the stressed syllables. The frequent correlates of unstressed morphemes are syncope and vowel reduction. As an example of the former phenomenon, one may consider the accusative singular morpheme *-v*, which frequently occurs outside the consonantal stems. Thus, *tac-v* ‘stele’, *kastaλc-v* ‘remains’, and similar stems ending in <c> require a historical vowel that caused the palatalization, which implies the reconstruction **tac-iv*, **kastaλc-iv* etc. for pre-Lydian. Unstressed vowel reduction can be illustrated with the variation among the endings *-ēv*, *-āv*, and *-av* in the genitive-dative plural. The first two endings characterize stressed morphemes, which correlates with the absence of stressed vowels in the respective stems. A tell-tale case is dat.sg. *porlλ* vs. dat.pl. *prwāv* ‘year’: the stress shift in the plural form causes the syncope of the root vowel (Yakubovich 2019b: 306–310). In contrast, the gen.-dat.pl. ending *-av* occurs in barytonic nouns and adjectives, as suggested in many cases by their stem vowels, e.g., *esav*, *sfardētav*, *sfēnav*.³²

³⁰ This brief discussion obviously does not exhaust the topic of the Luwian umlaut, which should and will be considered elsewhere in more detail. Although it is quite unlikely that the distinction between /æ-/ and /a-/ was limited to the word-initial position in Luwian, I did not attempt to reflect it in my Luwian transcription outside this paragraph, since such an unusual convention is likely to cause confusion unless backed up by detailed argumentation. At the same time, it is appropriate to mention that the proposed account is not quite new: some vowel assimilation rules resembling the umlaut have already been proposed for Luwian on the basis of hieroglyphic evidence in Melchert 2010: 155, albeit without adducing the Lycian comparative data.

³¹ In particular, this observation is relevant for section 2, since there were attempts to derive the Lydian pronoun *eš-* from the earlier **as(s)i* in terms of palatal umlaut.

³² There are also derivational pairs that serve to illustrate unstressed vowel reduction in Lydian: contrast *cēqra-* ‘(an installation)’ vs. the derivative *caqr-la-* ‘inhabitant of *cēqra-* (vel sim.)’ (Schürr 2011: 76). The rarity of such pairs has mainly to do with our poor knowledge of the Lydian lexicon.

There are reasons to think that the vocalic alternations of the sort addressed above represent a fairly recent and abrupt phenomenon in the history of the Lydian language. On the one hand, the double syncope in Lydian *qaλm(λ)u-* ‘king’ postdates the borrowing of this title from Luwic (pre-Carian?) **q^walija-muwa-*, lit. “(having) the strength of the army” (Valério & Yakubovich 2022). On the other hand, the syncope of stem-forming vowels sometimes results in the mechanical renewal of inflectional endings in the Lydian nominal system. A case that has been known long ago is that of gen.-dat.pl. *ešvav*, which represents an analogical formation disambiguating the earlier **e-šv < *e-šav* from the stem **e-š(a)-* ‘this’ (cf. Gérard 2005: 91 and the discussion in section 2 above).³³ Since the syncopated **ešv* ‘of/to these’ would be indistinguishable from the form of acc.sg.c., the productive gen.-dat.pl. ending *-av* was secondarily appended to the ambiguous form.

The recent work on the Lydian dating formulae was conducive to identifying many more cases of iterated inflection, which ultimately came into being as a compensation strategy for syncope in inflectional endings. Thus, in the instance of dat.sg. **poruλ > *porl > porlλ* ‘in the year’, the syncope of the stem-forming vowel **-u-* triggered the phonetic change of the dative ending **-λ* into **-l*, while the resulting lack of morphological transparency was remedied through the addition of another **-λ* (Yakubovich 2019b: 309).³⁴ The same type of iterated dative endings is attested in a number of additional cases, e.g., *nivislλ*, *ipsimlλ*, *mλimlλ*, *prafrlλ*, *qelλ-k*, which bear witness to the semi-productive character of paradigmatic restructuring driven by syncope (Yakubovich 2019b: 307). Additional instances of iterated inflection in the nominative forms will be addressed in the following section. While the reduction of unstressed vowels, including the stem-forming ones, is cross-linguistically common, the compensation strategy consisting in the iteration of inflectional endings is markedly less so. In particular, one may contrast the situations in Lycian A, where syncope, unlike umlaut, almost never leads to inner-paradigmatic variation (van de Kasteelen 2015: 25), and its usual compensation strategy is analogical levelling (van de Kasteelen 2015: 24–25, 34).

7. *i*-mutation

A salient peculiarity of the Luwic languages is the progressive merger between the thematic stems and *i*-stems, known as “*i*-mutation”. For example, the paradigm of the Late Luwian pronominal adjective *tanim(a/i)* ‘all, every’ features nom.sg.c. *tanimis*, nom.-acc.sg.n. *tanimanza*, nom.acc.pl.c. *taniminzi*, nom.-acc.pl.n. *tanima* and instr. *tanimadi*. This paradigm fragment illustrates the basic distributional pattern of the *i*-mutation in Luwic: the “mutated” stems are declined like *i*-stems in the nominative and accusative cases of the common gender (both singular and plural) but behave like *a*-stems elsewhere. To this one must add that the Luwian language eliminated the thematic stems (reflexes of Proto-Indo-European *o*-stems) as a class, and all of them have possibly passed to the mutation stems.

³³ The syncope **ešv < *ešav* is irregular on face value, since in other cases the gen.-dat.pl. ending *-av < *-ōn* is preserved in unstressed syllables (cf. the following section). A way to account for this exceptional syncope is to assume that the deictic prefix *e-* was attached to gen.-dat.pl. **šāv* when vowel length was no longer a contrastive feature of Lydian phonology (cf. section 2).

³⁴ I follow the traditional connection between dat.sg. in *-λ* and the adverbial suffix *-li*, which is seen e.g. in Lyc. A *ebeli* ‘there’ and *teli* ‘where’. The grammaticization of this suffix in Lydian may have represented a response to the early apocope of the inherited datives in *-i*. I cannot follow Sasseville 2021 in his attempt to treat this morpheme as a cognate of the Luwian instrumental ending *-adi*, since the 3sg.pres. verbal forms ending in **-adi* show very different reflexes in the Lydian language. I am likewise skeptical with regard to the development **-j > -λ* postulated in Kloekhorst 2012 (see Yakubovich 2019a: 399–400).

The situation with “i-mutation” in Lydian is apparently not identical. While some of its nuances were addressed in recent publications, this evidence has not yet been summarized. First, the Lydian language preserves the inherited class of thematic stems in the common gender, which was lost in Luwian through the spread of mutation stems. The paradigm under discussion is restricted to the oxytonic stems, and its peculiar endings are acc.sg.c. and gen.-dat.pl. in $-\tilde{e}v$, e.g. nom.sg.c. *tawsas* vs. acc.sg.c. *tawsēv* ‘powerful’ or nom.sg.c. *aλas* vs. dat.pl. *aλēv* ‘other’ (Hajnal 2004: 189).³⁵ While acc.sg.c. in $-\tilde{e}v$ can be explained as a regular reflex of $*-óm$, gen.-dat.pl. in $-\tilde{e}v$ is presumably analogical in origin (cf. the regular sound change $*-óm > -āv$ in *prwāv*). It is unlikely that $-\tilde{e}v$ could be extended from acc.sg.c. to gen.-dat.pl. via simple analogical levelling, but given a class featuring both acc.sg.c. and gen.-dat.pl. $-\tilde{a}v$ (presumably the reflexes of oxytonic \tilde{a} -stems), the extension of $-\tilde{e}v$ could be conceived as a proportional analogy. Yet another paradigm supporting this analogical scenario consisted of the reflexes of barytonic o - and \tilde{a} -stems and featured acc.sg.c. and gen.-dat.pl. in $-av$.³⁶

The second peculiarity, which to an extent complements the first one, is revealed in Sasseville 2017. All mutation stems in Lydian are synchronically barytonic, judging by the gen.-dat.pl. ending $-av$ and the syncopes affecting this group. For example, nom.sg. *sfardēti(š)* ‘Sardian’ (LW 22.13 *sfardēti>k*) correlates with syncopated nom.pl. *sfardēti(š) > sfardēnt* and dat.pl. *sfardētav*. This implies a synchronic complementary distribution between the thematic stems and mutation stems.

Third, as argued in Yakubovich 2019b, the endings that are typical of the mutated stems are secondarily appended to the syncopated endings in Lydian as a means of their morphological renewal. This strategy, which results in the surface doubling of inflectional morphemes, appears to have no parallel in the other Anatolian languages. For example, *wissiš* < $*wiss$ < $*wisu-s$ ‘just (vel sim.)’ can be contrasted with the inherited nom.-acc.pl.n. *ni-wisw-a* ‘injustice (vel sim.)’, where the stem-forming vowel of the stem $*wisu-$ is still preserved as a glide. This example illustrates how the iteration of inflectional endings can encroach upon the domain of barytonic u -stems, even though this does not lead to the complete elimination of this class (contrast the loanword *lamētru-* ‘Demeter’). The same strategy, however, is not limited to a particular stem type. Thus, the adjective *ipsimva-* ‘Ephesian’ (acc.sg.c. *ipšimvav*) apparently underwent syncope *ipsimvas* > *ipsims* in nom.sg.c., which was followed by morphological renewal yielding $*ipsimsiš$ and then assimilation to $*ipsimšiš$ (Yakubovich 2019b: 308 pace Gérard 2005: 87). The sole limitation of the mechanism under discussion is that it normally affected the barytonic stems (only unstressed vowels can be syncopated).

Forth, the Lydian adjectival stems with “i-mutation” are also declined like i -stems in nom.-acc.sg.n. (cf. Sasseville 2017: 133–134). The largest group of forms illustrating this phenomenon are the possessive adjectives in $-l(i)-$, e.g., LW 2.3–4 *akzad karolid šapλalid* ‘it belongs

³⁵ The distribution of stressed and syncopated vowels across Lydian nominal paradigms suggests that most of them had column accent, e.g., can be characterized as either oxytonic or barytonic, although the contrast between dat.sg. *porlλ* vs. dat.pl. *prwāv* reveals a rare case of a mobile paradigm in the Lydian word for ‘year’ (cf. the preceding section).

³⁶ A different scenario, advocated in Hajnal 2004: 192–194, assumes the neutralization of long and short vowels in closed syllables in Lydian, which would imply the derivation of both acc.sg.c. and gen.-dat.pl. in $-\tilde{e}v$ by sound law. The price of such a reconstruction is high: one has to assume that the nominal ending $-\tilde{a}v$ represents a result of secondary contraction, and the whole class characterized by this ending is innovative (i.e. there were no $*eh_2$ -stems in proto-Anatolian, while the \tilde{a} -stems in the Luwian languages and Lydian represent independent innovations). A counterexample of which Ivo Hajnal could yet not be aware is dat.pl. *prwāv*, which belongs to the archaic mobile paradigm of a u -stem (cf. the previous footnote) and is therefore quite unlikely to have been influenced by the \tilde{a} -stems.

to Karo son of Šapla'. Yet, this morphological pattern is also attested elsewhere, e.g., LW 5.2–3 *ak tesastid šiwāmlid mλola* 'the right (one) is the *mλola*-object of Šiwami-' or LW 22.5–6 *ak=ms aλidad wiswid kaττιων* 'we approved for them a good *aλida*-.³⁷ The contrast between the noun *mλola* and the dependent adjective *tesastid*, or the noun *aλidad* and the dependent adjective *wiswid*, should suffice to illustrate the scope of this innovation. The ending *-id* was presumably introduced through the proportional analogy *-as/-ad = -iš/x → x = -id* in lieu of the inherited zero ending.

Summing up the previous observations, one could argue that the phenomena that are commonly subsumed under Lydian "i-mutation" cannot be reduced to a single morphological change but reflect a set of formally related changes, which varied in scope and motivation. Given that the short unstressed vowels are in principle all liable to syncope in Lydian, one could alternatively argue that the similarities to Luwic *i*-mutation are restricted to the secondary restitution of Lydian stem-forming vowels. If so, then the Luwian influence on Lydian mutation stems could be reinterpreted as a contact-linguistic phenomenon (see further the concluding section).³⁸

8. Verbal inflection

Oettinger (1978) conjectured the position of Lydian within the Anatolian family based, to a large extent, on several characteristic verbal endings. The Lydian 1sg.pres. ending *-u/-w* matches the Luwian ending *-wi* and the Lycian A ending *-u*. This is a clear common innovation of Lydian and the Luwian languages vis-à-vis the state of affairs in Hittite, where two distinct conjugation patterns are characterized by the 1sg.pres. endings *-mi* and *-(h)hi*. The uniform "non-Hittite" 1sg.pres. ending **-wi* presumably represents an analogical formation, built on the model of the 1pl.pres. ending **-weni*. In the instance of 1sg.pret., Lydian and the Luwian languages innovated in two opposite directions, even though they share the trend toward eliminating the formal opposition between the two conjugations. The Lydian ending *-v* generalized the inflectional marker of the *mi*-conjugation (cf. Hitt. 1sg.pret. *-un*), while Luwian (C) *-(h)ha* and Lycian A *-xa* continue the respective marker of the *hi*-conjugation. The last isogloss represents a clear dividing line between Lydian and the Luwian languages (as conventionally understood), which reflects two innovations in the opposite directions.

The purpose of this section is to address two Lydian endings that can be regarded as more archaic than their counterparts in the Luwian group. The first one is *-riš, -rs*, which had long been regarded as a participial suffix but was identified as the marker of 3pl.pret. in Melchert 2004: 147, n. 14. This suggestion is accepted on contextual grounds in Gérard 2005: 104, but the forms in *-riš, -rs* are still considered there as etymological participles with the copulae omitted.³⁹

³⁷ The neuter noun *mλola* '(a type of memorial object)' comes as a surprise against the background of *a*-stems normally associated with the common gender in the Lydian language. Given that the *ē*-vowel is reduced to *a* in unstressed position, the simplest solution is to analyze *mλola* as a neuter barytonic *n*-stem (the Indo-European morphological class exemplified by Gk. σῆμα 'mark, sign'). Contrast Lyd. *šadmē* 'inscription, seal' as an oxytonic *n*-stem of the common gender. Pace Gérard 2005: 83, the parallel between *mλola* and *anlola* 'burial complex (vel sim.)' would be deceptive, since *mλola* is accompanied by singular attributes and thus cannot represent a collective plural noun.

³⁸ As such, it could be compared to the similarity between Luwian and Lydian possessive adjectives (Gérard 2005: 84), which precludes a genetic explanation in view of the different origins of the respective possessive suffixes but probably reflects a tendency toward double case marking in the Anatolian linguistic area (Luraghi 2008).

³⁹ Gérard (2005: 104) also postulates the existence of a related ending *-rst* but comes short of assigning a semantic interpretation to this morpheme. In my opinion, none of its two alleged attestations are compelling.

A new way to the historical understanding of this morpheme was opened in Gusmani 2010, where it was compared with the Gathic Avestan 3pl. pluperfect marker (Y. 32.11 *cikōit-arəš* ‘they had appeared’) as well as the third plural ending *-rəš* of the Younger Avestan aorist optative, namely 3pl. *daiθ-iiā-rəš* from *dā* ‘to give, put’, 3pl. *hu-iiā-rəš* from *hu* ‘to press’ (?), 3pl. *jam-iiā-rəš* (besides *jam-iiq-n*) from *gam* ‘to go’, 3pl. *bu-iiā-rəš* besides *bu-iiq-n* from *baw* ‘to be(come)’, and possibly 3pl. *h-iiā-rəš* from *ah* ‘to be’, if the emendation is correct. It is worth noting that the Avestan language preserves the contrast between the 3pl. perfect ending **-r* or **-er* as in *ād-arə* ‘they have said’, *cāxr-arə* ‘they have made’ and the 3pl. pluperfect/precative ending **-rəš*, as in the forms cited above in this paragraph.

The situation in Hittite requires special comments. The Hittite endings of the *hi*-conjugation are generally acknowledged to represent the historical counterparts of the Indo-Iranian inflectional morphemes appearing in the perfect system. On functional grounds, we expect a match between the Avestan 3pl. pluperfect ending and the Hittite 3pl.pret., but the relevant Hittite ending is *-er* / *-ēr*. One might be tempted to entertain a formal comparison with Avestan 3pl.perf. of the type *ād-arə*, but an alternative possibility would be assuming compensatory lengthening in the original ending **-rs* / **-ers*.⁴⁰ The last solution, offered in Jasanoff 2003, § 24, received a direct confirmation through the identification of the Lydian 3pl.pret. ending *-riš*, *-rs*. According to the tentative suggestion of Gérard 2005: 103–104, the Lydian allomorph *-riš* reflects a secondary anaptyxis in the word-final consonant cluster; the comparison with Avestan and Hittite fleshes out this hypothesis. A distributional peculiarity of Hittite *-er* / *-ēr* is that this ending is not restricted to the verbs of the *hi*-conjugation, where it is etymologically at home, but generalized to all the verbal forms of 3pl.pret. This development reflects, of course, the mutual influence of the two Hittite conjugations, which lost whatever functional distinctions they had shown at the Indo-Anatolian stage. Its reverse is attested in 3pl.pres., where the ending *-anzi* spread from the *mi*-conjugation across the board: this is why the Avestan inflected forms of the type *ād-arə* simply have no formal matches in Hittite. Crucially for our discussion, Hittite shows traces of both *nt*-endings and *r*-endings in the third person plural, and the situation in Lydian was presumably the same (cf. the 3pl.pres. form LW 22.13 *taqtul-āt*, Gérard 2005: 100–101).

Turning to the Luwic languages, we observe here a degree of formal merger between the two Anatolian conjugations, which is stronger than in Hittite. The only paradigmatic form where the two conjugations are contrasted in Luwian (and possibly in Lycian) is 3sg.pres., while the endings of 3pl.pret. show a uniform pattern: *-anta* in Luwian and *-ēte* in Lycian A. For a possible origin of these two endings, which are obviously cognate with one another, see Yoshida 1993: 30 with ref; for our present purposes, it would suffice to acknowledge that they continue in some way the 3pl.pret. inflectional ending of the *mi*-conjugation. Nowhere in the Luwic branch does one find traces of 3pl.pret. in **-rs* / **-ers*, which clearly represents a negative innovation of this subgroup vis-à-vis the situation in Lydian or Hittite (cf. Kloekhorst 2022: 72, n. 36).

The second ending that is relevant for this discussion is 3sg.pret. *-l*. For a long time, it was analysed as a former suffix of a periphrastic formation, comparable to the participial suffixes

LW 23.1 *dacuwerst*, arguably occurring in clause-initial position, can be interpreted as 3pl.pret. in *-rs* and the Wackernagel clitic =*t* (e.g., *dacuwers=t*). The case of LW 23.22 *piferst* is simpler: this form belongs to the apodosis of a curse formula and therefore must feature the 3sg.pres. ending *-t* attached to the stem *pifers-*. Differently Euler and Sasseville 2019: 131, n. 22.

⁴⁰ One reason that can be advanced for such a reconstruction is the matching 3sg.pret ending *-š*, typical of the Hittite *hi*-conjugation. Cf. Kümmel 2018: 239: “Both Anatolian and Indo-Iranian appear to presuppose an ending set sg. **-s* / pl. **-rs* / **-ēr* besides sg. **-e* / pl. **-(e)r*, the former being connected to non-present usage”.

attested in Classical Armenian (*-eal*) and Old Church Slavic (*-лѣ*). Although still treated as mainstream in Gérard 2005: 102, this hypothesis lost much of its allure after the demonstration that the matching 3pl.pret. ending *-riš*, *-rs* has nothing to do with a periphrastic construction. I am not aware of any parallels for a finite verbal form giving way to periphrasis in the third person singular but not in the third person plural. Yet, an obvious difficulty to tracing *-l* back to a Proto-Anatolian verbal ending is the absence of comparable third person singular endings in the other Anatolian languages.

An attempt to resolve this difficulty was undertaken in Yakubovich 2005: 86–87, where 3sg.pret. *-l* was derived from the Anatolian verbal ending *-t* having the same function on the assumption of a lambdacism that occurred in the history of Lydian. A “functional necessity to differentiate Lyd. 3 sg./pl. prs. *-t/-d* from Lyd. 3 sg./pl. prt. *-l*” was supposed to play a role in this process. Unfortunately, the licensing conditions of Lydian lambdacism were not precisely defined in that paper, while the other parallels adduced there for the same phenomenon in Lydian are all open to doubt.⁴¹ The next attempt to account for the same Lydian ending through lambdacism (via the intermediate stage of flapping) was undertaken in Sasseville 2021: 642–644, where one spots a renewed effort to describe the history of the relevant morphemes in terms of functional differentiation. In particular, it is suggested that “the preterit tense is recharacterized by generalizing the flap from the lenited *mi*-conjugation across all stem classes”. In contrast, in the present tense “the flap did not go through but ... the dental fricative has in fact been restored”.

The evaluation of this reconstruction requires some additional comments. The Lydian 3sg.pres. ending *-t/-d* features two allomorphs that are distributed according to the rules of Proto-Anatolian lenition (Gérard 2005: 99–100). The Lydian 3sg.pres. ending *-l* shows no comparable contrasts but presumably reflects lambdacism, which can be described as an advanced stage of lenition. In contrast, both Luwian and Lycian A feature show the contrast between the fortis and lenis endings in both the present and the preterit of the *mi*-conjugation (Luw. 3sg.pret. *-tti/-di*, 3sg.pret. *-tta/-da*; Lyc. A 3sg.pres. *-ti/-di*, 3sg.pret. *-te/-de*). Since all the word-final short vowels drop in the Lydian language, assuming a Luwic-type system for pre-Lydian entails a potential for the merger between 3sg.pres. and 3sg.pret. in further history of the language. Therefore, one could argue that a sequence of two separate changes was implemented in the history of Lydian in order to avoid undesirable ambiguity. On the one hand, the advanced stage of the lenition was generalized in the preterit, while the more archaic pronunciation of the lenited consonant was retained in the present tense.⁴² On the other hand, the morphological distribution between the fortis and lenis variants was levelled in 3sg.pret. but not in 3sg.pres. While such an analogical conspiracy is not out of the question, a historical scenario that does not feature any preventive analogies should be given preference *ceteris paribus*.

It is indeed possible to account for the Lydian changes in terms of sound laws if one starts with a different system, namely 3sg.pres. **-ti/-di* and 3sg.pret. **-d*. The third person preterit ending without a final vowel is indeed attested in Hittite, and judging by the Indo-European comparative data, it is more archaic than its Luwic counterpart. There is no indication that the laws of Proto-Anatolian lenition were applied to word-final consonants, while the Lydian

⁴¹ The comparison between Lyd. *arlil(i)*- ‘household member (vel sim.)’ and Luw. (H) *atr(i)*- ‘person, self’ was explicitly withdrawn in Yakubovich 2017b: 16, n. 15. For *antola* as a rare dissimilated variant of *anolola* ‘memorial’, see Yakubovich 2019a: 405.

⁴² Technically speaking, such a change must be conceived as a result of interaction between the two dialects or registers. For example, one could claim that the standard pronunciation of 3sg.pret. was borrowed at some point from the low register (basilect) of Lydian.

nominal inflexion, e.g., *qid* ‘what’, *mrud* ‘stele’, suggests that the default realization of the inherited word-final coronal stop was voiced/lenis. The only additional step that is required to arrive at the attested distribution is the advanced lenition (lambdacism) $*-d > -l$ in clause-final position, which predates the apocope. The standard reconstruction of the Proto-Anatolian syntax implies the unmarked SOV word order, and despite many instances of right dislocation, the verb-final word order remains the most common syntactic pattern in the Lydian language (Rizza 2013: 93).⁴³ Therefore, it is only natural that the Lydian verbal ending of 3sg.pret. generalized the variant with lambdacism, while the nominal endings of nom.-acc.sg.n. retained the variant without it.⁴⁴

The proposed alternative comes virtually at a zero cost. Since the 3pl.pret. ending *-riš*, *-rs* represents a Lydian archaism that is not shared by the Luwic languages, it seems only natural to extend the same analysis to the 3sg.pret. ending *-l*. Although the Lydian lambdacism bears a degree of resemblance to rhotacism/flapping in Late Luwian, in that both phonetic processes reflect further weakening of the lenis dental obstruents, the trivial character of both changes is compatible with treating them as independent innovations, while the restricted licensing conditions of the Lydian lambdacism advocated in this section support the same conclusion.⁴⁵

9. Verbal derivation

A recent dissertation devoted to the study of verbal derivation in Luwian, Lycian, and Lydian is now published as Sasseville 2020. It reflects a significant progress in the synchronic study of the languages involved, since most of the relevant verbal forms are now assigned to the derivational classes. Furthermore, Sasseville has demonstrated that the majority of verbal classes reconstructed for the Luwic languages and Lydian correspond to one another, while additional matches to the respective derivational types are found in Hittite. This analysis vindicates the distribution between the lenited and non-lenited verbal endings as an archaism that is common to Lydian and the languages of the Luwic branch (cf. section 4). More controversial, in my opinion, is the author’s contention that the morphology of verbal derivation in Luwic and Lydian displays non-trivial common innovations vis-à-vis Hittite. In what follows I intend to go over the evidence for such innovations and highlight its inconclusive character.

The summary of the author’s claims that are potentially relevant for refining Anatolian phylogeny can be found in table 82 (Sasseville 2020: 552). First, it is observed that the Hittite *hi*-conjugation verbs in *-axx-* correspond to the verbs in $*-ā-$ in both Luwic and Lydian, which are both endowed with the endings of the historical *mi*-conjugation. In order to evaluate the significance of this parallel, it is important to keep in mind that although both the Luwic lan-

⁴³ As an illustration of this syntactic generalization, see the analysis of LW 22 in Yakubovich 2017a: 267. If one subtracts the obvious instances of right dislocation, only 3 out of 16 clauses of this inscription deviate from verb-final word order.

⁴⁴ For an additional instance of lambdacism on Lydian loanwords from Greek, compare section 4. In this case the change is limited to word-initial position, where $*d-$ was proscribed in pre-Lydian.

⁴⁵ See n. 34 above for my criticism of Sasseville’s attempt to explain the Lydian dat.sg. ending *-λ* as a result of lambdacism. Given that *-n-* is attested many times in intervocalic position in Lydian, I am equally skeptical regarding the comparison between the Luwian infinitive in *-una* and the Lydian infinitive in *-l*, offered in Sasseville 2021: 644. More promising, in my opinion, would be the comparison between the Lydian infinitive marker *-l* and the Luwian abstract suffix *-ar* (as in *wassar* (H) ‘favour’, *dupadupar-ša* (C) ‘striking, affliction’), although given a limited number of the Luwian forms endowed with such a suffix, this suggestion remains very tentative. Yet another possibility is mentioned in Yakubovich 2017a: 274–275, n. 10.

guages and Lydian display the tendency toward the merger between *mi*- and *hi*-conjugations, they manifest it to varying extents. In Lydian the merger is completed, while Luwian still shows difference between the “*mi*-conjugation” endings *-tti*, *-di* and the “*hi*-conjugation” ending *-i* in 3sg.pres. (the situation in Lycian is less clear). Therefore, only in the instance of Hittite vs. Luwian can one be sure that the derivational class under discussion underwent a conjugation shift, whereas the situation in Lydian can be described as a mechanical result of the merger between the two conjugations. As for the development $*-áx-ti > *-\acute{a}-ti$, it presumably reflects a sound law: the laryngeal disappears before a dental stop (Sasseville 2020: 71). There is no exact way of knowing where this sound change took place in the common ancestor of Luwian and Lydian or separately in both languages, but the fact that it was not followed by the Anatolian lenition $*-\acute{a}-ti > **-\acute{a}-di$ tips the scales in favour of the latter possibility. Summing up, although the evolution of the morphological class under discussion indeed yields the same result in Lydian and the Luwic group, there are arguments for a parallel innovation.

Second, the author suggests that Proto-Anatolian verbs in $*-áx-je/o-$ yield verbs in *-aizzi/-ānzi* in Hittite and verbs in $*-\acute{a}-di/*-\acute{a}-nti$ in the ancestor dialect of both Luwic and Lydian.⁴⁶ I submit that the synchronic Lydian data fail to provide sufficient support for the proposed interpretation. While the Lydian corpus contains several 3sg.pres. forms in *-ad* (*fa-pad*, *fa-ši-tawad*, *iš-follad*, *pitad*, *ši-lawad*, possibly also *ē-t-gratad*, *tarptad*, *kiptad*), there is not a single 3pl.pres. in $**-\acute{a}it$ attested in the same corpus. Sasseville (2020: 79) attributes this gap to chance, but the matching 3pl.pres. forms may have simply ended in *-at*, in which case they were formally indistinguishable from the 3pl.pres. forms of the *áx*-class verbs. In the absence of paradigmatic pairs, we are simply not sure where a given 3pl.pres. form in *-at* reflects the *-at/-at* class (suffix $*-áx-$) or the *-ad/-at* class (suffix $*-áx-je/o-$). The existence of the *-ad/-at* class derives support from the isomorphic Lydian stems in *-id/-it* and *-od/-ot*. If this analysis holds, then the Lydian verbs in *-ad/-at* occupy an intermediate position between the matching Hittite class in *aizzi/-ānzi* and the matching Luwian class in *-adi/-ainti*.

Third, David Sasseville stresses the functional difference between the Hittite reflexes of the Indo-European $*-éje/o-$ stems, which are few in number and restricted to the deverbatives, and their counterparts in Luwic and Lydian, which are far more frequent and can also function as denominatives. This is indeed a significant distinction, but it is by no means clear that the Hittite distribution reflects a more archaic state of affairs, because the reflexes of the denominative transitive verbs in $*-éje/o-$ are also productive in several Indo-European branches, for example, in Indo-Iranian, Greek, Germanic, and Balto-Slavic. If one assumes that these are parallel innovations (cf. the discussion in Sasseville 2020: 253–254), it becomes very easy to claim that Luwic and Lydian have likewise independently extended the function of their $*-éje/o-$ verbs.

Fourth, the same scholar maintains that Anatolian stems in $*-jé/jó-$ have given up their ablaut in Proto-Luwic and generalized the *e*-grade, i.e., $*-jé-$. He adds that “the Lydian data is less clear, so we cannot prove that it had the same innovation as Luwian and Lycian, but so far nothing speaks against it” (Sasseville 2020: 551). Using such an argument for phylogenetic purposes would naturally render the discussion circular.

Finally, the class of Lydian verbs in *-od/-ot* (e.g., *tro(d)*^(d) ‘to hand over’) is tentatively equated with the Luwian verbs in */-au-/* or */-u-/* in Sasseville 2020: 551 (even though this consideration is introduced as carrying less weight than the previous ones). The author could not yet have been aware of the segmentation of the Luwian 1pl.pret. ending */-unta/* and 1pl.impv.

⁴⁶ Here and below in this section, the forms divided by slashes refer to the 3sg.pres and 3pl.pres endings (+ thematic vowels) belonging to the same paradigm.

ending /-untu/, the evidence for which was presented in Melchert & Yakubovich 2022. As a result of this morphological discovery, the majority of forms assembled in the problematic class of the Luwian verbs in /-au-/ or /-u-/ can be re-assigned to other stems. For example, the Luwian form *na-ak-ku-uš-ša-a-ú-un-ta* (C), interpreted as 3pl.pret. /nakkussau-nta/ in Sasseville 2020: 194, can be segmented as 3pl.pret. /nakkussa-unta/ under the new analysis, which is conducive to assigning the relevant verb to the class of *a(i)*-stems (Proto-Anatolian suffix chain **-áx-je/o-*).⁴⁷ The elimination of the Luwian stems in /-au-/ or /-u-/ admittedly leaves a large group of Lydian stems in *-od/-ot* in need of a historical explanation: whatever it is, the rise of this productive class apparently represents an innovation that is not shared by the Luwic group.

The critical remarks of this section need not be taken as an indication that the Lydian language lacks any innovations in verbal stem formation with suggestive counterparts in the Luwic languages. The Luwic and Lydian verbal morphology undoubtedly shared the general vector of development, as can be ostensibly seen from their similar but not identical handling of the inherited opposition between the *mi-* and *hi-* conjugations. I submit, however, that none of the observed convergent developments in this domain are specific enough to warrant the intermediate Luwic-Lydian stage in the reconstruction of the Anatolian verbal system.

10. Clause-initial particles

A common feature of many Anatolian languages is the presence of clause-initial particles, to which the Wackernagel clitics are typically appended. Such particles serve the goal of textual cohesion, functioning as either strong sequencers (markers of subsequent or consequent events) or weak sequencers (indicators that the events follow each other in a natural way). In the instance of Hittite, the most common clause-initial particle is *nu*, even though *ta* and *šu* are also widely attested in Old Hittite, and the semantic difference between the three particles is understood only partially (Luraghi and Inglese 2018).⁴⁸ In the Palaic language, the clause-initial particle *nu*, which appears to represent a strong sequencer with the additive nuance ‘then, furthermore’, co-occurs with the clause-initial particle *a*, which functions as a weak sequencer.

A non-trivial similarity between the Luwian and Lydian languages consists in the cognate sets of clause-initial particles *a*, *pa* (Luwian) and *ak*, *fak* (Lydian).⁴⁹ The relevant Luwian evidence is addressed in considerable detail in Sadykova 2019; it is limited to the cuneiform texts, because the particle *pa* disappeared in Late Luwian. The particle *a* appears as weak sequencer:

⁴⁷ The remainder of the Luwian verbs booked under the stems in /-au-/ or /-u-/ are likewise amenable to alternative interpretations. For example, *malhu-* (C) ‘to crush’ and *talku-* (C) ‘to flatten’ are both amenable to interpretations as root stems ending in labiovelars, even though /-w-/ may represent a historical suffix in both cases. As for the sequence *nu-ú-tu-*, *nu-du-* in KUB 35.113, this is probably not at all a verbal stem but a sequence of Palaic particles *nu* ≠ *du* (there is no proof that KUB 35.113 contains a Luwian text as opposed to Palaic).

⁴⁸ One of the typical functions of Hittite *nu* is marking the boundary between topic and comment in pragmatic configurations that span more than one clause (Widmer 2009). This appears to be a paradigmatic case of *nu* functioning as a strong sequencer.

⁴⁹ The relationship between Luw. *a* and Lyd. *ak* is commonly acknowledged. The comparison between *pa* and *fak* was offered in Carruba 1959: 34 but not universally followed. I am not aware of any attempts to compare the particles under discussion that would be backed by their semantic study. A step backward was an attempt to plead for the etymological relationship between the clause-initial particle *pa* and the contrastive clitic *≠pa* in Luwian cuneiform texts (cf. Yakubovich 2010: 62).

it links the Luwian clauses within larger textual units but does not order or organize the underlying events and therefore is usually left without translation. In contrast, the particle *pa* may mark the sequence of events, e.g., KUB 35.103 iii 4-6 ‘Let them lift and remove this child. Then (*pa*) let them put him to his mother’s breast’, or the cause-and-effect relationship, e.g., KBo 12.100 obv. 12–13 ‘(Goddess Kamrusepa [looked from the] ...*ed* [sky]. Then (*pa*) she saw it’. This functional range is compatible with defining *pa* as a strong sequencer. In many instances, however, the effect of a situation is expressed by a modal sentence, e.g., KUB 35.54 ii 42–45 ‘Here are heaven and earth. Then (*pa*), as heaven does not become earth and earth does not become heaven, may this offering likewise not become [...]’. The last passage is to be understood in its ritual context: the presentation of the models of heaven and earth provides a pretext for a homeopathic magic incantation. Yet, the correlation between the inferences and modal statements need not be culturally specific: in ordinary life, many of our attempts to reason logically represent motivated requests, e.g., ‘It’s cold here, close the window!’.

Turning to the situation in Lydian, there is a consensus that the final consonant of *ak* and *fak* goes back to the clitic particle *≠k* ‘and’, which is also attested in Lydian (Gusmani 1964: 54, 119, cf. section 3).⁵⁰ This naturally facilitates the comparison between the Lydian particles and their proposed Luwian cognates. As for the distribution between Lyd. *ak* and *fak*, it has been acknowledged that the occurrences of the latter particle cluster in the apodoses of the curse formulae (Gusmani 1964: 118). Thus, LW 4b 2-5 features the following sentence: *ak≠mλ≠t qiš fēnšlipid fak≠mλ≠t qλdāns artymu≠k wcpaqēnt* ‘Whoever causes damage to it, may (the god) Qλdāns and Artemis trample on him!’. This pattern cannot be called accidental, since there are no curse formulae in the Lydian corpus where *fak* would appear at the beginning of the protasis or *ak* would head the apodosis. In comparative terms, it appears to be perfectly compatible with the Luwian distribution: by definition, the apodosis of a conditional sentence addresses the consequences of the events mentioned in its protasis, and therefore the particle at the beginning of such clauses could be categorized as a strong sequencer.

Yet, the direct projection of the functions of Luwian particles upon Lydian is likely to be misleading.⁵¹ One of the consequences of the Lydian apocope (cf. the previous section) is the loss of formal distinctions between the present indicative and imperative forms in the third person. Thus, *wcpaqēnt* of the previous citation formally continues the indicative form ‘they strike’ as well as its imperative counterpart ‘may they strike’. One may, however, doubt that the Lydian language lost any ways of expressing modal distinctions: if morphology was no longer capable of it, the functional load was probably transferred to syntax. The only element that could convey the optative modality in the Lydian curse formulae was the same particle *fak*, while its obligatory use in this context strengthens the hypothesis that it was grammaticalized as a modal marker and can be translated into English as ‘may’. This assumption does not in any way contradict either the comparison between Luw. *pa* and Lyd. *fak* or the semantic reconstruction of *fak* as a strong sequencer: its reanalysis within Lydian was presumably facilitated by the frequency of modal clauses in the apodoses of conditional sentences and other contexts favouring the use of strong sequencers.

The evaluation of this hypothesis naturally depends on the interpretation of the contexts other than curse formulae featuring the use of *fak*. Although our poor knowledge of Lydian

⁵⁰ One reason why *fak* cannot be synchronically analyzed as a morpheme combination ***fa≠k* is the presence of the clause-initial particle *fa* in Lydian, which is etymologically unrelated to *fak* and must be analyzed as a pre-verb *fa-* detached from the verb in certain dependent clauses (cf. Carruba 1959: 34–35).

⁵¹ The final part of this section summarizes a part of the presentation ‘The Lydian Particle *fak* in Curse Formulae and Beyond’, held jointly with Anna Sadykova at the conference *Beyond all Boundaries: Anatolia in the 1st Millennium BC* (Ascona, Switzerland, June 2018).

lexicon complicates the understanding of many passages, the modal interpretation imposes itself in LW 10.16-18 *fak=um ān iš-lodaλ alarmn kastaλcv kud=nak ēnas amās* ‘May one honour my remains/grave just as [one does] the ancestors of mine’ (see Yakubovich 2019a for the detailed interpretation of this context). Another noteworthy passage is LW 3.3 *ak qiš qišred fak=as ši-lawad* ‘Whoever acts as a caretaker, may he be reverent’ (Yakubovich 2019a: 405), where the modal interpretation is also beyond question, but the connection between the two clauses hardly qualifies as strong sequence.

A challenge to the translation of *fak* as ‘may’ comes from those passages that contain verbal forms in *-l*, to be formally interpreted as either infinitives or 3pl.pret. The best-understood among them is LW 22.3-4 *mλimns alidad wiswid katτirs fak sfardēta=k ān katwvēl ān=ad fēntašēnav* ‘The *mλimna*-clan (Mermnads?) accepted the *alida-* as just, (it is) for the Sardeans and *fēntašēna*-group to acknowledge it, too’. Since the predicate *katwvē-* ‘to acknowledge (vel sim.)’ cannot be linked to an animate singular noun capable of acting as its nominative subject, one must accept the infinitival interpretation of *katwvēl* (Yakubovich 2017a: 274). The translation given above implies that the infinitives accompanied by *fak* can be further combined with oblique-case agents to form final clauses or independent modal clauses. The function of *fak* as head of a final clause would be well compatible with its reconstruction as a strong sequencer, while the extension of a modal particle *fak* to infinitival clauses would also be a trivial matter. Further speculations on this topic should probably be postponed to the point when other constructions of ‘*fak* + infinitive’ are adequately understood, but one can already now say that this group of examples is unlikely to undermine the comparison between the Luwian and Lydian clause-initial particles.

11. Conclusions

The new findings addressed in the previous sections naturally bear upon the discussion about the genetic and areal connections of the Lydian language. To begin with the negative result, they do not appear to add any weight to the hypothesis that Lydian represents an outlier within the Anatolian group of languages or does not belong to this group. Any support for such a claim would have to offer new isoglosses that unite all the Anatolian languages except for Lydian or to provide exclusive links between Lydian and non-Anatolian Indo-European languages. One result of recent research was rather the opposite: the Lydian reflexes of the “laryngeals” turn out to be similar to those found in the other Anatolian languages, and distinct from what is attested elsewhere in Indo-European (section 3). The etymology linking the Lydian proximal deictic pronoun to its Anatolian counterpart removes one more obstacle to treating Lydian as a typical Anatolian language (section 2). In contrast, questioning the participation of Lydian in Proto-Anatolian lenition is not based on an alternative proposal about the distribution of fortis and lenis stops in the history of Lydian. Rather, these doubts are introduced as a background for narrowing down the empirical base in the discussion of a new controversial reading of the Lydian letter <d> (section 4). Therefore, from the purely methodological perspective, they are more relevant for evaluating this new reading than for refining Lydian phylogeny.

Nor did recent research yield arguments for clustering Lydian and Hittite within the Anatolian group. The isoglosses shared between these two languages but not observed in the Luwic group must either represent common archaisms (e.g., 3pl.pret. in **-rs/*-ers*, section 8) or must be evaluated as homoplasies (e.g., palatalization **ti > /tsi/*, section 5). Now, as before, it seems necessary to treat Hittite as an outlier within the Anatolian group of languages. This

does not, however, preclude the secondary changes that are common to all the members of this group and reflect areal convergence. Here one may mention the devoicing of stops in word-initial position, which constitutes a well-known feature of the Anatolian linguistic area and is briefly addressed in section 5.

The new evidence pertaining to the relationship between Lydian and the Luwic group is less straightforward. To be sure, some of these changes can also be explained as homoplasies: this holds, in particular, for the merger between the *mi*- and *hi*-conjugations, which yielded different results in Luwo-Lycian and Lydian, or the Luwian rhotacism/flapping vs. Lydian lambdacism (section 6). In other instances, one might suspect common archaisms: this is, for example, the case of the cognate word-initial particles functioning as strong and weak sequencers in Luwian and Lydian (section 10). Just as the strong sequencer *pa* disappeared in Late Luwian, so this may have been the situation in both Hittite and Palaic too, while Hittite bears witness to the later generalization of *nu* at the expense of *a*. At the same time, the Lydian development $*k > \check{s}$ (section 2), if correctly identified, is certainly an innovation, and there are no structural reasons to treat it as homoplastic vis-à-vis a similar assibilation of palato-velar stops in the history of the Luwic languages.

Given that the Lydian-speaking area was geographically adjacent to the territories populated by the Luwic speech communities, and sometimes overlapped with them, one might legitimately wonder whether some of the Luwic-Lydian isoglosses might be due to secondary contacts. Such an explanation appears to impose itself in the instance of *i*-mutation (section 7). On the one hand, the proliferation of *i*-stems in select groups of cases is peculiar enough to argue against the hypothesis of accidental similarity, on the other hand, its lexical distribution in Lydian and the Luwic languages does not match. Thus, Luw. *tad(i)-*, Lyc. A *tedē/i-*, Car. *ted* ‘father’ contrasts with Lyd. *taada-* ‘id.’ (Kloekhorst 2022: 74), while Luw. *ann(i)-*, Lyc. A *ēne/i-*, Car. *en* ‘mother’ contrasts with Luw. *ēna-* ‘id.’. In fact, the majority of the innovative “mutated” endings attested in Lydian represent secondary accretions, as a result of either doubling the syncopated endings or deriving possessive adjectives. If so, one can treat the relevant inflectional morphemes as Luwic calques, which must have arisen at the time when the Luwic influence upon Lydian was particularly strong.

Another instance where one should probably assume areal diffusion is aphaeresis in preverbs and postpositions, as was mentioned in section 4. Thus, the Lydian preverb *da-* represents a counterpart of *ñte* in Lycian A and both go back to Proto-Anatolian **endo*, while the Lydian postposition *dāv* can be compared with Carian postposition *den*, and both continue Anatolian **endo-en* (Yakubovich 2020b: 304). Yet, the Luwian forms *a-an-ta*, *a-an-da* (C) plead for the absence of aphaeresis in the matching preverb. Therefore, the initial vowel probably disappeared in the morpheme under discussion only in those Anatolian languages that were spoken in the western part of Asia Minor, perhaps in connection with the fusion between the preverb and the verbal forms.⁵²

These steps made, several other changes in the history of Lydian can also be reinterpreted as areal features. This holds, for example, for the assibilation $*k > \check{s}$ vis-à-vis $*k > /ts/$ in Luwian and $*k > s$ in Lycian and Carian (section 2). One may adduce here a parallel with the Indo-European *satəm* languages: while the *satəm/centum* distinction is usually not used nowadays for defining subgroups, it is still appropriate to regard it as an areal isogloss. Furthermore, although the similarities in verbal derivation treated in section 9 are not specific enough to de-

⁵² This areal configuration does not really change if one follows Kloekhorst 2008a: 185 in adopting the reconstruction **h₁ndo* instead of **endo*. One could assume that **n* was processed as a syllabic consonant among the Luwians but failed to syllabify in the west of Asia Minor, but this difference would still cut across the Luwic group.

fine a genetic node, some of them may well bear witness to convergent evolution. The relevant contact-induced changes do not contradict the existence of the categorical innovations that separate the Luwic verbal system from its Lydian counterpart, such as the generalization of particular endings of 1sg.pret, 3sg.pret, and 3pl.pret in the Luwic languages (section 8).

It would be, however, unfair to state that the observed difference between Lydian and the Luwic languages is mainly due to the evolution of the latter group. The two innovations of Lydian treated in this paper are not only unusual for the languages of Ancient Anatolia but also typologically rare in general. This is the fortition $*j > [\delta]$ (section 4) and the strong syncope leading to the iteration of the syncopated inflectional endings (section 6). Both changes appear to have taken place relatively recently in the history of Lydian: if one follows the traditional readings, /j/ is still absent in the language of Lydian inscriptions, while the morphological system created by the iteration of inflectional endings is baroque to the point of being inherently unstable (cf. section 6). One possibility to account for both changes is to assume an abrupt language shift in the history of Lydian. If /j/ was absent in the source language and the shift was rapid, this could explain the substitution of this phoneme by its closest available equivalent in the course of imperfect language learning (cf. the substitution of /j/ by $[\delta]$ in recent loanwords into Lydian). The renewal of inflectional endings would likewise make sense in the context of imperfect language learning, when the syncopated case markers were no longer perceived as such by the next generation of Lydian speakers. Although the scenario of language shift would remain no more than theory unless substantiated by the relevant historical evidence, it seems important to stress the availability of a hypothesis that provides a uniform explanation for both postulated changes whose only common feature is their typological oddity.

As stated in the introduction, the set of topics highlighted in this paper is rather random, being essentially based on the domains of recent advances in Lydian linguistics. Nevertheless, I hope to have demonstrated that even such a limited dataset is conducive to progressing the discussion of the place of Lydian among the Anatolian languages.

References

- Adiego, Ignacio X. 2007. *The Carian Language*. Leiden: Brill.
- Beekes, Robert S. 2003. Luwians and Lydians. *Kadmos* 42: 47–49.
- Beekes, Robert S. 2010. *Etymological Dictionary of Greek* (with the assistance of Lucien van Beek). Leiden: Brill.
- Boroday, Sergey, Ilya Yakubovich. 2018. Hittite local adverbs in comparative perspective. In: Elisabeth Rieken (ed.). *100 Jahre Entzifferung des Hethitischen: Morphosyntaktische Kategorien in Sprachgeschichte und Forschung. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 23. September 2015 in Marburg*: 1–22. Wiesbaden: Reichert.
- Burgin, James. 2016. Graphical Origins of ‘Initial-A-Final’ in Hieroglyphic Luwian. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici* 2, 2016: 7–32.
- Carruba, Onofrio. 1959. Studi sul nome, sui preverbi e sulle particelle in lidio. *Quaderni dell’Istituto di glottologia dell’Università di Bologna* 4: 13–43.
- Dale, Alexander. 2015. Walwet and Kukalim. *Kadmos* 54: 151–166.
- Eichner, Heiner. 1987. Die Entdeckung des lydischen Akzents. *Bibliotheca Orientalis* 44: 79–88.
- Eska, Joseph F. 2018/2019. Grounding Celtic Diachronic Phonology I. *Die Sprache* 53(1): 17–32.
- Euler, Katrin, David Sasseville. 2019. Die Identität des lydischen $Q\lambda d\tilde{a}ns$ und seine kulturgeschichtlichen Folgen. *Kadmos* 58: 125–156.
- García Ramón, José Luis. 2015. Licio, Griego, Indoeuropeo: I. Lic. *epññēne/i-* ‘hermano menor’, lat. *opiter*, aaa. *aftero*, IE $*h_{1}op(i)-$ ‘después, detrás’. II. Lic. *tuue-* ‘poner (en pie)’, IE $*(s)teh_{2}u-$. III. Lic. Malija *hrixuuama-* ‘Malia supervisora’ (: Atena $\epsilon\pi\acute{\iota}\sigma\kappa\omicron\pi\omicron\varsigma$, $\epsilon\pi\acute{\iota}\eta\rho\alpha\nu\omicron\varsigma$, $\epsilon\pi\acute{\iota}\kappa\omicron\upsilon\omicron\varsigma$), hit. *šēr huuai-*, hom. $\epsilon\pi\text{-}\omicron\upsilon\nu\iota\omicron\varsigma$. In: Emmanuel Dupraz, Wojciech Sowa (eds.). *Genres épigraphiques et langues d’attestation fragmentaire dans l’espace méditerranéen. Acte du colloque de Rouen, 25.-27.06.2012*: 165–176. Rouen: Presses universitaires du Rouen et du Havre.

- García Ramón, José Luis. 2016. Vedic *indrotá-* in the Ancient Near East and the shift of PIE **h₂eu_h₁-* ‘run’ → Core IE ‘help, favor’. In: Dieter Gunkel et al. (eds.). *Sahasram Ati Srajas: Indo-Iranian and Indo-European Studies in Honor of Stephanie W. Jamison*: 64–81. Ann Arbor: Beech Stave.
- Garnier, Romain, Benoît Sagot. 2020. New results on a centum substratum in Greek: The Lydian connection. In: Romain Garnier (ed.). *Loanwords and Substrata: Proceedings of the Colloquium Held in Limoges (5th-7th June, 2018)*: 169–200. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Goedegebuure, Petra. 2010. The Luwian Adverbs of Place and Manner. In: Itamar Singer (ed.). *Ipamati kistamati pari tumatimis: Luwian and Hittite Studies presented to J. David Hawkins on the occasion of his 70th birthday*: 76–94. Tel-Aviv: Institute of Archaeology.
- Goedegebuure, Petra. 2014. *The Hittite Demonstratives: Studies in Deixis, Topic, and Focus*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Gérard, Raphaël. 2004. Quelques remarques autour de **y > lydien d*. *Res Antiquae* 1: 125–131.
- Gérard, Raphaël. 2005. *Phonétique et morphologie de la langue lydienne*. Louvain-la-Neuve: Peeters.
- Gusmani, Roberto. 1964. *Lydisches Wörterbuch, mit grammatischer Skizze und Inschriftensammlung*. Heidelberg: Winter.
- Gusmani, Roberto. 1965. Sulle consonanti del lidio. *Oriens Antiquus* 4: 203–210.
- Gusmani, Roberto. 1976–1977. Greco ΠΕΠΑΜΑΙ. *Incontri Linguistici* 3(2): 167–168.
- Gusmani, Roberto. 2010. Tracce anatoliche di una desinenza verbale indoeuropea. In: Ronald I. Kim et al. (eds.). *Ex Anatolia Lux. Anatolian and Indo-European Studies in honor of H. Craig Melchert on the occasion of his sixty-fifth birthday*: 68–84. Ann Arbor: Beech Stave.
- Hajnal, Ivo. 1995. *Der lykische Vokalismus*. Graz: Leykam.
- Hajnal, Ivo. 2004. Die lydischen *a*-Stämme. In: Adam Hyllested et al. (eds.). *Per Aspera ad Asteriskos. Studia Indogermanica in honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV*: 187–205. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck.
- Hawkins, J. David, Anna Morpurgo Davies, Günter Neumann. 1974. Hittite Hieroglyphs and Luwian: New Evidence for the Connection. *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen (Philologisch-historische Klasse)* 6: 145–197.
- Jasanoff, Jay. 2003. *Hittite and the Indo-European Verb*. Oxford University Press.
- Kassian, Alexei, Ilya Yakubovich. 2013. Anatolijskie jazyki. In: Andrej A. Kibrik, Jurij B. Koriakov (eds.). *Reliktovye indoevropskie jazyki Perednej i Centralnoj Azii*: 15–26. Moscow: Academia [in Russian with an English abstract].
- van de Kasteelen, Frank. 2015. *Syncope in Lycian*. MA Thesis, Leiden University.
- Kloekhorst, Alwin. 2008a. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden: Brill.
- Kloekhorst, Alwin. 2008b. Studies in Lydian and Carian Phonology and Morphology. *Kadmos* 47: 117–146.
- Kloekhorst, Alwin. 2012. The origin of the Lydian dat.sg ending *-λ*. *Kadmos* 51: 165–173.
- Kloekhorst, Alwin. 2022. Anatolian. In: Thomas Olander (ed.). *The Indo-European Language Family*: 63–82. Cambridge University Press.
- Kloekhorst, Alwin. Forthcoming. New interpretations in Lydian phonology. To appear in the proceedings of the 7th workshop *Luwic Dialects: Inheritance and Diffusion* held in Santiago de Compostela in February 2022.
- Kümmel, Martin J. 2018. Anatolisches und indogermanisches Verbum: Erbe und Neuerung. In: Elisabeth Rieken (ed.). *100 Jahre Entzifferung des Hethitischen: Morphosyntaktische Kategorien in Sprachgeschichte und Forschung. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 23. September 2015 in Marburg*: 239–257. Wiesbaden: Reichert.
- Laroche, Emmanuel. 1966. *Les Noms des Hittites*. Paris: Klincksieck.
- Luraghi, Silvia. 2008. Possessive Constructions in Anatolian, Hurrian, Urartian, and Armenian as evidence for Language Contact. In: Billie Jean Collins et al. (eds.). *Anatolian Interfaces: Hittites, Greeks, and Their Neighbours*: 143–151. Oxford: Oxbow.
- Luraghi, Silvia, Guglielmo Inglese. 2018. Trends in the development of sentence connectives in Hittite: Evidence from subordination. In: Elisabeth Rieken (ed.). *100 Jahre Entzifferung des Hethitischen. Morphosyntaktische Kategorien in Sprachgeschichte und Forschung. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 23. September 2015 in Marburg*: 259–275. Wiesbaden: Reichert.
- Melchert, H. Craig. 1992. The Third Person Present in Lydian. *Indogermanische Forschungen* 97: 31–54.
- Melchert, H. Craig. 1994. PIE **y > Lydian d*. In: Petr Vavroušek (ed.). *Iranian and Indo-European Studies. Memorial Volume of Otakar Klima*: 181–187. Prague: Enigma Corporation.
- Melchert, H. Craig. 2003a. The Dialectal Position of Lycian and Lydian with Anatolian. In: Mauro Giorgieri et al. (eds.). *Licia e Lidia prima dell’ellenizzazione. Atti del convegno internazionale (Roma, 11-12 ottobre 1999)*: 265–272. Rome: Consiglio Nazionale delle Ricerche.

- Melchert, H. Craig. 2003b. Language. In: H. Craig Melchert (ed.). *The Luwians*: 170–210. Leiden: Brill.
- Melchert, H. Craig. 2004. Second Thoughts on PIE *y and *h₂ in Lydian. In: Michel Mazoyer and Olivier Casabonne (eds.). *Mélanges offerts à Professeur René Lebrun, vol. 2, Studia Anatolica et Varia*: 139–150. Paris: Harmattan.
- Melchert, H. Craig. 2006. Medio-Passive Forms in Lydian? In: Raffaella Bombi et al. (eds.). *Studi Linguistici in onore di Roberto Gusmani*: 1161–1166. Alessandria: Orso.
- Melchert, H. Craig. 2009. Deictic Pronouns in Anatolian. In: Kazuhiko Yoshida, Brent Vine (eds.). *East and West: Papers in Indo-European Studies*: 151–161. Bremen: Hempen.
- Melchert, H. Craig. 2010. Spelling of Initial /A-/ in Hieroglyphic Luwian. In: Itamar Singer (ed.). *Ipamati kistamati pari tumatimis: Luwian and Hittite Studies presented to J. David Hawkins on the occasion of his 70th birthday*: 147–157. Tel-Aviv: Institute of Archaeology.
- Melchert, H. Craig. 2017. Anatolian. In: Mate Kapović (ed.). *The Indo-European Languages*: 171–201. London: Routledge.
- Melchert, H. Craig. 2020. Luwian. In: Rebecca Hasselbach-Andee (ed.). *A Companion to Ancient Near Eastern Languages*: 239–256. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell.
- Melchert, H. Craig, Ilya Yakubovich. 2022. New Luwian Verbal Endings of the First Person Plural. *Incontri Linguistici* 45: 11–30.
- Mouton, Alice, Ilya Yakubovich. 2019. Internal or External Evil: a Merism in Luwian Incantations. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 82/2: 209–31.
- Mouton, Alice, Ilya Yakubovich. 2021. Where did one speak luwili? Geographic and linguistic diversity of Luwian cuneiform texts. *Journal of Language Relationship* 19/1: 25–53.
- Nussbaum, Alan J. 2014. The PIE Proprietor and His Goods. In: H. Craig Melchert et al. (eds.). *Munus amicitiae Norbert Oettinger a collegis et amicis dicatum*: 228–254. Ann Arbor: Beech Stave.
- Oettinger, Norbert. 1978. Die Gliederung des anatolischen Sprachgebietes. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 92: 74–92.
- Oettinger, Norbert. 2021a. Language Contact between Lydian and Greek or The Origin of Lydian k. In: Michele Bianconi (ed.). *In Search of the Golden Fleece. Linguistic and Cultural Interactions between Greece and the Ancient Near East*: 116–130. Leiden: Brill.
- Oettinger, Norbert. 2021b. Überlegungen zum lydisch ora ‚Monat‘ und dem Vokal o. In: Annick Payne et al. (eds.). *Beyond All Boundaries: Anatolia in the First Millennium BC*: 467–475. Leuven: Peeters.
- Oettinger, Norbert. 2022. Οσογῶλλις als ‚Zeus Stratios‘ in Karien, lyk. *ese* und heth. *huwai-ⁱ/ hui-* ‚sich dahinbewegen‘. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 74(2): 61–72.
- Oreshko, Rostislav. 2019. Phonetic value of Lydian letter <d> revisited and development of PIE dentals in Lydian. *Wekvos* 4: 191–262.
- Poetto, Massimo. 1979. Lidio *kofu-*. *Incontri Linguistici* 5: 198–200.
- Rieken, Elisabeth. 2017. The dialectology of Anatolian. In: Matthias Fritz et al. (eds.). *Comparative Indo-European Linguistics. An International Handbook of Language Comparison and the Reconstruction of Indo-European*, vol. 1: 298–308. Berlin: De Gruyter.
- Rieken, Elisabeth, Ilya Yakubovich. 2020. Ein lydisches Schmuckstück. In: Matthias Fritz et al. (eds.). *Maiores Philologiae Pontes: Festschrift für Michael Meier-Brügger zum 70. Geburtstag*: 215–223. Ann Arbor: Beech Stave Press.
- Rizza, Alfredo. 2013. Lidijskij jazyk. In: Andrej A. Kibrik, Jurij B. Koriakov (eds.). *Reliktovye indoeuropejskie jazyki Perednej i Centralnoj Azii*: 75–97. Moscow: Academia [In Russian with an English abstract].
- Sadykova, Anna. 2019. *The particle pa- in contrast with other sentence particles in Luwian cuneiform texts*. MA Thesis: Marburg University.
- Sasseville, David. 2014/2015. Luwian and Lycian Agent Nouns in *-é-leh₂. *Die Sprache* 51(1): 105–124.
- Sasseville, David. 2017. The Lydian nominal paradigm of *i*-mutation. *Indo-European Linguistics* 5: 130–146.
- Sasseville, David. 2018. The Lydian word for ‘prosecutor’. *Kadmos* 57: 129–135.
- Sasseville, David. 2019. “To show” in Hittite and Palaic Rituals. *Altorientalische Forschungen* 46: 22–32.
- Sasseville, David. 2020. *Anatolian Verbal Stem Formation: Luwian, Lycian, and Lydian*. Leiden: Brill.
- Sasseville, David. 2021. Rhotacism in first-millennium Anatolia: Comparative Luwian and Lydian Phonology. In: Annick Payne et al. (eds.). *Beyond All Boundaries: Anatolia in the First Millennium BC*: 636–650. Leuven: Peeters.
- Schürr, Diether. 1997. Lydisches IV: Zur Grammatik der Inschrift Nr. 22 (Sardis). *Sprache* 39(2): 201–212.
- Schürr, Diether. 2006. Elf lydische Etymologien. In: Raffaella Bombi et al. (eds.). *Studi linguistici in onore di Roberto Gusmani*: 1569–1587. Alessandria: Dell’Orso.

- Schürr, Diether. 2011. Zwei lydische Götterbezeichnungen. *Incontri Linguistici* 34: 71–80.
- Valério, Miguel, Ilya Yakubovich. 2022. From ‘Foreman’ to ‘Warlord’: Royal Titles in Iron Age Western Anatolia. *Aula Orientalis* 40: 345–353.
- Widmer, Paul. 2004. Λυδία: Ein Toponym zwischen Orient und Okzident. *Historische Sprachforschung* 117(2): 197–203.
- Widmer, Paul. 2009. Hethitisch *nu* als Mittel der informationsstrukturellen und syntaktischen Verknüpfung. In: Elisabeth Rieken, Paul Widmer (eds.). *Pragmatische Kategorien*: 323–335. Wiesbaden: Reichert.
- Yakubovich, Ilya. 2005. Lydian Etymological Notes. *Historische Sprachforschung* 118: 75–91.
- Yakubovich, Ilya. 2010. *Sociolinguistics of the Luwian Language*. Leiden: Brill.
- Yakubovich, Ilya. 2013. The Degree of Comparison in Luwian. *Indogermanische Forschungen* 118: 155–168.
- Yakubovich, Ilya. 2017a. An Agreement between the Sardians and the Mermnads in the Lydian Language? *Indogermanische Forschungen* 122: 265–294.
- Yakubovich, Ilya. 2017b. The Luwian word for ‘place’ and its cognates. *Kadmos* 56: 1–27.
- Yakubovich, Ilya. 2019a. Showing Reverence in Lydian. In: Adam A. Catt et al. (eds.). *QAZZU warrai: Anatolian and Indo-European Studies in Honor of Kazuhiko Yoshida*: 399–409. Ann Arbor: Beech Stave Press.
- Yakubovich, Ilya. 2019b. The Lydian Dating Formulae. In: Ignasi-Xavier Adiego et al. (eds.). *Luwic Dialects and Anatolian: Inheritance and Diffusion*: 299–316. Barcelona: Universitat de Barcelona.
- Yakubovich, Ilya. 2020. Hittite. In: Rebecca Hasselbach-Andee (ed.). *A Companion to Ancient Near Eastern Languages*: 221–237. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell.
- Yoshida, Kazuhiko. 1993. Notes on the Prehistory of Preterit Verbal Endings in Anatolian. *Historische Sprachforschung* 106: 26–35.
- Zehnder, Thomas. 2010. *Die hethitischen Frauennamen: Katalog und Interpretation*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Zgusta, Ladislav. 1964. *Kleinasiatische Personennamen*. Prague: Czechoslovak Academy of Sciences.

И. С. Якубович. Статус лидийского среди анатолийских языков под призмой недавних исследований

Лидийский язык традиционно относят к анатолийской группе индоевропейской языковой семьи, но его дальнейшие генетические и ареальные связи остаются дискуссионными. В недавних работах, посвященных новым интерпретациям отдельных аспектов лидийской грамматики, содержатся противоречащие друг другу гипотезы относительно классификации данного языка с ограниченным корпусом. Одни ученые подчеркивают его изолированный характер в анатолийской группе, или даже сомневаются в его принадлежности к данной группе, тогда как другие рассматривают возможность отнести его к лувической подгруппе анатолийских языков, что сделало бы его ближайшим родственником лувийского, лидийского, миллийского и карийского. Целью настоящего исследования является оценка данных гипотез на основе интегрированного подхода к последним исследованиям по структуре лидийского языка. Произведенный обзор позволяет заключить, что попытки отделить лувийский от анатолийской группы основаны не на новых изоглоссах, а на исключительно на попытках подвергнуть сомнению некоторые из ранее предложенных сопоставлений. Напротив, некоторые из предложенных изоглосс, связывающих лидийский с лувическими языками, являются вполне убедительными, однако это не означает принадлежности лидийского языка к лувической группе, поскольку интерпретация данных изоглосс как результата ареальной диффузии остается предпочтительной.

Ключевые слова: лидийский язык; анатолийские языки; лувические языки; филогенез; гомоплазия; ареальная диффузия.

Ударение в языках парачи и ормури в связи с афганским и его значение для иранской реконструкции¹

В статье рассматриваются проблемы соотношения акцентуационных систем пушту, парачи и ормури и их отношение к исходной праиранской системе акцентуации. Исследования материала афганского языка (пушту) показали, что система ударения в нем сохраняет следы индоиранского состояния, то есть окситонированные именные и глагольные основы пушту соответствуют окситонированным и баритонированным основам в ведийском и в праиранском. В данной работе учитывается имеющийся материал парачи и ормури, который можно напрямую сравнить с материалом пушту. В результате сравнения устанавливается, что акцентуационные системы пушту, ормури и парачи определенно указывают на историческую идентичность акцентуации, хотя отдельные лексемы в изучаемых языках образованы с помощью различных суффиксов.

Если учесть тот факт, что именно с рядом восточноиранских языков, сохраняющих следы исторического ударения, у ормури и парачи имеются многочисленные лексические и морфологические изоглоссы, можно считать схождение парачи и ормури с афганским в строении акцентологической системы дополнительным аргументом в пользу их восточноиранского происхождения.

Ключевые слова: парачи язык; ормури язык; пушту язык; ударение; ударение по контрасту; праиранский язык; древнеиндийский язык; праиндоевропейский язык.

Реконструкция праиранского ударения имеет долгую историю. В начале XX в. А. Мейе выдвинул гипотезу, согласно которой в древнеперсидском языке ударение в сущности напоминало ударение классического латинского, когда оно падало на второй слог от конца в том случае, если он был долгим, и на третий слог от конца, если он был кратким, а в дальнейшем конечные заударные слоги отпали (Meillet 1900: 256–257). Данное правило было расширено и применено к другим западноиранским и восточноиранским языкам учеником А. Мейе Р. Готьё (Gauthiot 1916, Gauthiot 1914–1923: 29–38) и поддерживалось в ряде работ Е. Куриловичем (Kuryłowicz 1958; Kuryłowicz 1964; Kuryłowicz 1975).

В 1920-е годы важные наблюдения были сделаны относительно истории ударения в осетинском (Абаев 1924) и согдийском, для которого П. Тедеско сформулировал «ритмический закон» (Tedesco 1926), в дальнейшем уточненный И. Гершевичем и Н. Симс-Вильямсом и в последнее время Л. Новаком (Gershevitch 1949; Gershevitch 1954; Sims-Williams 1984; Novák 2013). Закон заключается в том, что «в истории согдийского языка важную роль играл фактор тяжелых и легких основ: тяжелые основы, состоящие из слога с долгим гласным или с кратким, но закрытым двумя согласными, а также состоящие из нескольких слогов (длительность гласных в последнем случае нерелевантна), перетягивали на себя ударение, падавшее первоначально на флексию, т. е. на последние слоги; в словах с легкими основами этого не происходило» (Эдельман 1985: 75–76). Необходимо отметить, что время действия данного закона не может относиться к наиболее древней эпохе: согдийский отличается от близкородственного ягнобского тем, что в последнем не действует ритмический закон, и Л. Новак называет это одной из значительных отличий

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-112-50396.

тельных черт ягнобского по сравнению с согдийским, относя действие данного закона к III этапу развития согдийской системы акцентуации (Novák 2013: 76).

Но наиболее интересные результаты были получены в связи с изучением ряда живых восточноиранских языков, прежде всего афганского (пушту).

Как известно, афганский язык отличается от всех других иранских языков характером ударения, которое является силовым и разноместным (Грюнберг 1987: 38). Существует специальное монографическое исследование синхронного состояния ударения в пушту (Ве́йка 1969). Уже в 1942 г. Г. Моргенштерне предположил, что в пушту сохраняются рефлексy более древнего типа акцентуации, напоминающие в общих чертах систему, засвидетельствованную в ведийском языке (Morgenstierne 1942: 95–97); в том же году В. Хеннинг независимо отметил ряд случаев сохранения старого индоиранского ударения (идентичного по месту с ведийским) в различных языках западной и восточной групп (Henning 1942: 52–53).

По-настоящему убедительные и проработанные результаты были получены в 1970-х гг. В. А. Дыбо, который в публикации 1974 г. «Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской этимологии» по возможности полно описал именные основы афганского с точки зрения ударения (Дыбо 1974). На основании обширного материала автор пришел к выводу, что все именные основы могут быть поделены на баритонированные и окситонированные и место ударения в них совпадает с местом ведийского и праиндоевропейского ударения. Это касается и производных основ с суффиксом **-ka*, которые характеризуются ударением «по контрасту»; по формулировке автора, «непроизводные с точки зрения современного языка афганские имена на *-au* делятся на два акцентных типа: тип А с ударением на корне и тип В с ударением на основообразующем форманте. Сравнение показывает, что в тип А входят главным образом имена, образованные от индоиранских окситонированных основ, в тип В — имена, основанные от индоиранских баритонированных основ» (Дыбо 1974: 90). Аналогичным образом были устроены производные в ведийском языке (Дыбо 1974: 102–105). Кроме того, для индоиранской реконструкции именно афганское ударение имеет большое значение также потому, что в ряде случаев древнеиндийское ударение по месту отклоняется от индоиранского и праиндоевропейского (это касается прежде всего прилагательных и причастий), а афганское сохраняет следы более архаичной индоевропейской системы акцентуации (Дыбо 1974: 75–77). Во второй части обсуждаемой работы, опубликованной на 15 лет позже, В. А. Дыбо показал, что распределение ударения в системе презенса в афганском также указывает на изначальное различие баритонированных и окситонированных основ, а также на сложную и достаточно стройную систему акцентуации глагольных форм с энклитиками, в частности с *na* 'не' (Дыбо 1989). Кроме того, в 1972 году В. А. Дыбо кратко описал реликты разноместного ударения в языке йидга (Дыбо 1972: 43–44), а также в дардских языках дамели и ши́на (Дыбо 1972: 38–42). Более подробный разбор ударения в языке ши́на, а также дамели в сравнении с индоиранским и индоевропейским состоянием был позднее опубликован в статье Дыбо 2011.

Результаты работ В. А. Дыбо были в целом приняты советскими иранистами и послужили базой для акцентологических описаний афганского в таких работах, как Грюнберг 1987 и Грюнберг & Эдельман 1987; они широко цитируются при разборе соответствующей лексики в «Этимологическом словаре иранских языков» (ЭСИЯ). Помимо этого, в свете новых данных проблема была еще раз рассмотрена Г. Моргенштерне (Morgenstierne 1973; Morgenstierne 1983) с привлечением дополнительного материала.

Предпринимались попытки описать афганское ударение и его историю другим образом. Л. Г. Герценберг предложил рассматривать афганское ударение в рамках кон-

цепции, напоминающей применявшиеся ранее для описания исторического развития акцентуации в древнеперсидском и особенно в согдийском: автор постулировал различие тяжелых и легких основ в восточноиранском и полагал, что в истории пушту в двухсложных основах ударение перемещалось на конечный тяжелый слог в том случае, если первый был кратким, и оставалось на тяжелом в том случае, если первый был тяжелым (Герценберг 1981; Дыбо 1990: 10–11). Но В. А. Дыбо отметил в критической статье, что «ритмическая концепция Герценберга» не выдерживает проверки фактами и оказывается избыточной «в связи с полной тождественностью системы афганского разноместного ударения ведической» (Дыбо 1990: 12). Также стоит еще раз отметить, что «ритмический закон» согдийского относительно позднего происхождения и не может быть проецирован на праиранский или правосточноиранский уровень², что является дополнительным аргументом против подобной гипотезы.

Дж. Ченг в своей статье, специально посвященной ударению в пушту, также частично отвергает объяснение, предложенное в серии работ В. А. Дыбо (Cheung 2009). Автор также критически рассматривает концепцию Л. Г. Герценберга, отмечая, что деление на тяжелые и легкие слоги, предложенное последним, выглядит произвольным (Cheung 2009: 111), и после рассмотрения материала предлагает свою достаточно сложную систему описания двух-, трех- и четырехсложных форм в афганском.

Согласно Дж. Ченгу, для двухсложных форм надо различать 4, а для трехсложных — 3 случая последовательности кратких и долгих слогов, что влияет на ударение:

1. Последовательность $\checkmark \checkmark$: *orá* ‘облако’ < **abrám*, *nar* ‘муж, мужчина, самец’ < **nára*-, *psá* ‘овца’ < **paśú*-.

2. Последовательность $\checkmark \checkmark$: *as* ‘конь’ < **áswa*-, *gwaǵ* ‘ухо’ < **gáuša*-, *nən* ‘сейчас’ < **nūnám*, *skam* < **skambá*-, прилагательные *mər* ‘мертвый’ (< **múrdu* < **mṛtú*) < **mṛtám* (sic!), *pəŋ* ‘полный’ (< **púrnu* < **pṛnú*) < **pṛnám* (sic!), *kuṛ* ‘глухой’ < **karná*-, *stər* ‘большой’ < **sturá*-, *um*, *om* ‘сырой’ < **āmá*-, *yaŋ*, *yow* ‘один’ < **aiwá*-, *žər* ‘быстрый’ < **ǰirá*-.

3. Последовательность $\checkmark \checkmark$: *mla* ‘поясница’ (< **melá*) < **máidyā*-, *niná* ‘поджаренное зерно’ (< **lená*) < **dānyā*-, *p(ə)lá* f., pl. *p(ə)lé* (< **pēlá*) ‘жила, нерв’ < **páidyā*-.

4. Последовательность $\checkmark \checkmark$: ср. *áspa* ‘лошадь, кобыла’ < **áswā*-, *lúma* < ‘силок, петля’ < **dāmā*-, *yaŋwá* ‘один’ < **aiwā*- и т. д.

В связи с этим формулируются три правила.

а. Старое ударение удерживается в словоформах с двумя легкими слогами.

б. Ударение падает на тяжелый слог в словоформах с одним тяжелым и одним легким слогом вне зависимости от места первоначального ударения (последовательности 2–3).

с. Старое ударение удерживается в словоформах с двумя тяжелыми слогами.

Для трехсложных словоформ:

1. Последовательность $\checkmark \checkmark \checkmark$: *bən* ‘одна из жен; жена многоженца по отношению к другим’ < **haráθni*-, *gúta* ‘палец’ < **anguštá*-, *ǰən* ‘девушка’ < **ka'níni*- (с промежуточными ступенями вида **nǰən* < **čnən*, ср. NEVP: 37).

2. Последовательность $\checkmark \checkmark \checkmark$: *dwólas* ‘двенадцать’ < **dwádaša*-, *zyaṛ*, *zyáṛa* ‘желтый’ < **zárita*-, **záritā*- (с предполагаемой ранней потерей второго слога).

3. Последовательность $\checkmark \checkmark \checkmark$: *awá* ‘семьдесят’ < **haptaiti*-, *calór* ‘четыре’ < **čaθwárah*.

Соответственно, на основании этих случаев выводится одно правило:

а. Ударение в трехсложных словах обычно падает на предпоследний слог, за исключением тех случаев, когда ударение изначально падало на сильный начальный слог (Cheung 2009: 117–118).

² Здесь следует отметить, что сама реконструкция правосточноиранского вряд ли возможна, поскольку есть сомнения в том, что восточноиранские языки восходят к одному праязыку (Korn 2016; Korn 2019).

При внешней привлекательности и схематичности правила, приведенные Дж. Ченгом, сопряжены со следующими проблемами.

Во-первых, невозможно согласиться с объяснением случая 2 для двусложных форм по следующим причинам. Трактовка первого слога в прилагательном *rāṇi* ‘полный’ (< **rūrnī* < **rūrnī*) < **rūrnāt* как тяжелого предполагает, что первый слог стал считаться долгим по положению после возникновения сочетания *-rC* (Cheung 2009: 114; Cheung 2011: 187). Но в таком случае праформа женского рода **rūrnā* неизбежно должна подчиняться правилу с. и реализовываться как #*rāṇā*, в то время как реальная форма — *rāṇa* ‘полная’; в то же время в женском роде ударение на последнем слоге имеют формы таких прилагательных, как *sur*, ж. р. *srā* ‘красный, алый; румяный’ и т.д. (Дыбо 1974: 81). Первоначальную акцентуацию показывают также кельто-италийские данные: ирл. *lán* ‘полный’, др.-валл. *laun*, валл. *llawn*, корн. *luen*, *leun*, *len*, брет. *leun* ‘полный’; лат. *plēnus* ‘полный’ < **pl̥h₁-no-* (Дыбо 2007: 15; Трофимов 2019: 343–344), соответственно, действие закона Хирта в праславянском³ не исключает реконструкцию с баритонезой. Можно привести также такие исключения, как *wāna* ~ *wīna* ‘дерево’ < **wānā-*, начальное ударение которого Дж. Ченгу приходится объяснять как результат аналогического переноса из композитов вроде *xa-wīna* ‘оливковое дерево’ (Cheung 2009: 115), что не кажется правдоподобным. Наконец, в афганском есть ряд форм вроде *cārmā* f. ‘сторона, граница’ < **čarmā* (NEVP: 18); *čāna* ‘наружная часть стены; защита’ < *kān(y)ā*? (NEVP: 20)⁴; *γāna* ‘паук, тарантул’ < **γārnyā* < **gārθn(i)yā*? (NEVP: 32); *rāṇa* ‘орошение, ирригация’ < **r̥šnā-* (NEVP: 63), *stārga* ‘глаз’ < **st̥r̥kā-* (NEVP: 77), которые, при всей неясности их индоиранских праформ, очевидно нарушают правило Дж. Ченга для слов вроде *mā* ‘поясница’ (< **melā*) < **māidyā*⁵.

На мой взгляд, поскольку все примеры, приводимые Дж. Ченгом для объяснения развития ударения в двусложных афганских формах, исчерпываются прилагательными и числительным *yaṭw*, *yo* < **aiwā-* ‘один’, можно думать о морфологическом объяснении. Парадигма прилагательных вроде *im*, *om* ‘сырой’ выглядит в пушту следующим образом: им. п. ед. ч. *im*, косв. п. *imá* < **āmāhya?*, мн. ч. *imá* < **āmāhah?* (Грюнберг & Эдельман 1987: 63). Можно думать, что значительная их часть утратила конечный зваракай⁶ в именительном падеже единственного числа, чтобы в парадигме продолжалось сохраняться различие между хотя бы двумя формами (хотя ср. *terá* ‘горький’ с полным совпадением всех трех форм). Вообще создается впечатление, что в пушту стандартные **a*-основы утратили окситонезу, а окситонированные имена на зваракай, приводимые в статье В. А. Дыбо, все содержат в праформе **i*, (*i*)*ya* или **u*, **wa*, имеют дублиеты в женском роде или являются *pluralia tantum*; более подробное обсуждение этой проблемы и список 14 перешедших в баритонезу окситонированных **a*-основ приводятся в (Трофимов 2022: 115–117).

³ Закон Хирта предполагает оттяжку ударения в балтийских и славянских языках в окситонированных основах на предударный слог с не чередующимся по аблауту гласным или слоговым сонорным и последующим ларингалом (в традиционной трактовке на предударный слог с долгим гласным); впервые сформулирован в работе Hirt 1895.

⁴ Даже если принять предположение Дж. Ченга о заимствовании данного слова из перс. *čmah* (или близкой формы Cheung 2011: 175, 202), оно не отменяет наличия большого количества других контрпримеров.

⁵ Дж. Ченг считает, что кластеры вида **rC*, **nC* и **CC* создают тяжелый слог, но при принятии его предположения неясно, почему кластеры **Cy* в приведенных примерах не делают того же. Кроме того, примеры с ударением на начальном слоге в словах вида *čāna* встречаются в большем количестве форм.

⁶ В пушту зваракай (афг. *zwarakáy* ~ *zwarəkáy*) — звук среднего ряда и среднего подъема, огубленное шва, отдельная фонема. Обозначается в графике пушту отдельной огласовкой, в латинской транслитерации как *ə*, а в кириллической часто как *ъ*.

Соответственно, в афганском многие изначально окситонированные прилагательные мужского рода утрачивают конечный гласный по контрасту с формами косвенных падежей и множественного числа и уподобляются преобладавшим односложным баритонированным прилагательным; то же касается и числительного 'один', в котором **ya-* происходит из дифтонга **ai-* с нерегулярными изменениями и косвенный падеж которого в мужском роде — *yawá* (Грюнберг-Эдельман 1987: 67). Из этого ряда выбивается только форма *nāp* 'сегодня', но и в данном случае др.-инд. *nīpā́t* 'сейчас, ныне' может как иметь вторичное ударение, ср. греч. *nūn* 'ныне, теперь', так и подчиняться общему правилу утраты окситонезы в **a*-основах.

Примеры из третьей группы вроде *mā* 'поясница' (< **melā*) < **māidyā-*, вопреки ожиданиям, не показывают следов первого тяжелого слога перед сочетанием согласных **-dy-*, что также наводит на мысль о том, что речь идет об исключениях другого рода.

Таким образом, модель, предложенная В. А. Дыбо, лучше отражает историческое афганское ударение и регулярно действует для двусложных форм: окситонированные и баритонированные основы пушту напрямую соотносятся с праязыковыми с незначительными поздними отклонениями от исходной модели.

Для трехсложных синкопированных форм утверждения Дж. Ченга могут быть в целом верны; впрочем, что наиболее важно, они не работают для производных на **-ka*, ср. афг. *zātau* 'зима' < **zīmaka-* и **pālay* 'пешеход' < **pādika* или **pādaka-* (Дыбо 1974: 90, 92), о которых автор вовсе не упоминает в связи со своим правилом, а ведь именно они показывают контрастную акцентировку и дополнительно выявляют тождество акцентуационных систем пушту и ведийского.

Соответственно, утверждение Дж. Ченга о том, что работа В. А. Дыбо 1970 года является «вряд ли чем-то большим, нежели списком форм пушту» (Cheung 2009: 109), является несправедливым: обращение к работам (Дыбо 1974; Дыбо 1989), вторая из которых даже не упоминается Дж. Ченгом, показывает, что они являются проработанным и наиболее адекватным описанием афганской акцентуации. Внимание, уделенное в них акцентуации производных основ и акцентуации глагольных форм презенса не только самих по себе, но и в энклитических группах, отчетливо показывает, что афганский сохраняет максимальное количество черт архаической праиранской акцентуации.

Определенную близость с афганским языком в отношении разноместного ударения среди иранских языков также демонстрируют языки ормури и парачи, два небольших иранских idioma, которые Г. Моргенштерне условно относил к «юго-восточным» иранским языкам (Morgenstierne 1926: 27–36; IFL-1: 8–13), отмечая, с одной стороны, особенности развития консонантизма, похожие на таковые в западноиранских языках (прежде всего переход **b*, **d*, **g* > *b*, *d*, *g*), и, с другой стороны, многочисленные лексические изоглоссы парачи и ормури с восточноиранскими языками, особенно с афганским, мунджанским, ваханским и шугнанским. Обзор особенностей парачи и ормури можно также найти в работах Kieffer 1989 и Kieffer 2009. В. А. Ефимов описывает ударение в ормури и парачи следующим образом: «Ударение в ормури разноместное, неподвижное, силовое. Разноместный (или свободный) характер ударения в именах и глаголах проявляется в том, что в двусложных словах оно может находиться на любом слоге, в трех- и четырехсложных, число которых значительно уступает одно- и двусложным, — на втором, третьем или четвертом слоге от начала слога» (Ефимов 1985: 35; Ефимов 1986: 107–108). «Ударение в парачи динамическое, свободное (разноместное), подвижное. В двусложных словах падает либо на первый, либо на второй от начала слова слог. В многосложных словах, численно уступающих одно- и двусложным, ударение тяготеет к концу слова: *wāšēnā* 'петух', *rhawāṭé* 'расческа', *kasāngānḍ* 'одеяло'» (Ефимов 2009: 29).

В. А. Ефимов описал разноместное ударение в ормури и парачи в основном по той же схеме, по которой В. А. Дыбо описал афганское ударение, в серии работ. Специально ударению глаголов в ормури посвящена его статья Ефимов 1979, глагольная и именная акцентуация описаны в работе Ефимов 1985; в расширенном виде эти обзоры представлены в его монографии, специально посвященной синхронному и диахроническому описанию языка ормури (Ефимов 1986), а также в описании ормури (Ефимов 1991). Наконец, небольшой обзор системы акцентуации в парачи помещен в обзоре данного языка в серии «Основы иранского языкознания» (Ефимов 1997: 469–474).

Несмотря на то, что В. А. Ефимов пользуется исследованиями В. А. Дыбо и его терминологией, в том числе отмечает случаи контрастной акцентировки, он в недостаточной степени приводит в своих работах и монографии соответствия между ормури / парачи и афганским (практически никогда), а также с другими новоиранскими языками (в основном в качестве параллели приводятся формы авестийского и среднеиранских языков). Здесь также стоит отметить, что В. А. Ефимов относил ормури и парачи к северо-западным иранским языкам, что приводит к тому, что он чаще цитирует курдские или белуджские формы, чем афганские или, например, мунджанские. Основные аргументы автора — развитие ряда фонем и сочетаний согласных, общих для ормури и парачи и северо-западных иранских языков. Это следующие особенности звукового развития:

- 1) Праир. **b-* > орм. *b-*;
- 2) Праир. **d-* > орм. *d-*;
- 3) Праир. **g-* > орм. *g-*;
- 4) Праир. **č-* > орм. *ž/z* (лог. *ž*, кан. *z*).

Далее автор упоминает отражение «древнеиранских **z/*d*, **s/*θ* и **sp* соответственно как орм. *z*, *s*, *sp*» и «отражение ир. **θr/*θr* как лог. *š*, кан. *š̄* (*ř*)» (Ефимов 1986: 9–10; Ефимов 2011: 6–7).

Такое положение вещей приводит к тому, что сопоставление акцентуационных систем афганского и ормури и парачи осложняется: необходимо искать этимологические соответствия и затем сопоставлять ударение в родственных формах. Оценить даже примерное количество соответствий в таких условиях представляется сложной задачей.

В одной из своих предыдущих работ (Трофимов 2018) я рассматривал возможность оценки места парачи и ормури среди иранских языков на основании сравнения аннотированных 110-словных списков Сводеша для ормури и парачи с реконструированным иранским прасписком и пришел к выводу, что эти языки однозначно показывают большую близость к восточноиранским языкам (или — лучше сказать — языкам, которые относят к восточным по традиционной классификации). Также были отмечены совпадения в месте ударения между несколькими основами афганского и ормури и парачи.

В работе Трофимов 2021 исследовалось ударение множественного числа именных основ парачи с формантом *-ān*. Удалось установить, что распределение ударных и безударных окончаний в целом соответствует праиранским баритонным и окситонным основам. В связи с этим данные парачи также приобретают особое значение для реконструкции праиранского ударения; далее в статье в тех основах, которые имеют окончание множественного числа *-ān*, эти формы указаны и обсуждаются.

В настоящей работе я представляю список соответствий между основами афганского языка, ормури и парачи с необходимыми комментариями, в основном следуя по порядку за материалом, изложенным в работах Дыбо 1974 и Дыбо 1989). Формы афганского были проверены частично по словарю Асланов 1966, частично по этимологическим словарям пушту (EVP; NEVP). В записи афганских форм я в основном слеую В. А. Дыбо. После афганской формы/форм приводятся формы канигурамского и логарского диа-

лектов ормури, а затем формы парачи в записи В. А. Ефимова (Е), Дж. Грирсона (G) и Г. Моргенштерне (M) при опоре в основном на описания IFL-1; Ефимов 1986; Ефимов 1997; Ефимов 2009; Grierson 1918. По возможности для этимологического отождествления основ привлекались данные ЭСИЯ, EVP, NEVP, Cheung 2007 и других этимологических исследований.

I. Имена

I.1. Barytona

I.1.1. *ā-основы

1. Афг. *wrāža* f. ‘блоха’ — орм. кан. Е *šʳrak*, мн. ч. *šʳračī*; парачи М *ruč* ‘блоха’ (Дыбо 1974: 72; Ефимов 1986: 156; IFL-1: 283, 409; ЭСИЯ 3: 79–80; NEVP: 89).

Индоевропейская праформа *(s)b^hlúseh₂-, реконструируется на основании греч. ψύλλα (< *b^hsúl-), лит. *blusà*, род. п. *blūsos* (2), праслав. *blъxá*, вин. п. *blъxó* ‘блоха’, причем греческие и балто-славянские данные указывают на баритонезу (Дыбо 1974: 72). Также восстаиваются различные видоизмененные праформы с различными метатезами вроде *pusl- на основании лат. *pūlex*, -icis и алб. *plesht* (IEW: 102). В данном случае возведение афганских форм к праир. *frúšā-, которого придерживается В. А. Дыбо для объяснения афг. *wrāža*, может быть недостаточно обосновано. Г. Моргенштерне отмечает параллельную форму из восточных диалектов *wrāžīye* и выводит ее из *frúšiyā (возможно, *frúšī + ā), соответственно, *wrāža* — *yā-основа, видоизмененная под влиянием рифмующегося *spāža* ‘вошь’ (NEVP: 89). Для парачи *ruč* наиболее ожидаемо видеть праформу *fru(šā)-čī- с конечным ударением по контрасту (особенно похоже язг. *f(ə)rəš* ‘блоха’), а ормури *šʳrak*, по всей видимости, продолжает праформу *frušaká- (ср. йидга *frīyo* < *frúši-kā*-) с ожидаемой контрастной акцентуацией *frúšā- > *frušāká- (ЭСИЯ 3: 80).

Таким образом, несмотря на различия в образовании основ, надежно устанавливается первоначальная праиранская баритонеза.

Интересно отметить, что данная основа ограничивается исключительно восточноиранскими языками, ср. (IFL-1: 12); соответственно, она может служить дополнительным аргументом в споре о месте парачи и ормури среди иранских языков.

2. Афг. *áspra* f. ‘лошадь’ — орм. кан. Е *yāsp*, G *yāsp*, f. Е *yáspa*; лог. Е *yāsp*, М *yāsp* ‘лошадь’; парачи Е *ōsp*, М *ōsp* ‘лошадь’, pl. Е *asp*, *ōsprān* и *asprān* (Дыбо 1974: 72; Ефимов 1986: 109; Ефимов 2009: 224; IFL-1: 236, 413; Grierson 1918: 82; ЭСИЯ 1: 243–244; NEVP: 10).

Ударение в индоевропейской праформе устанавливается на основании вед. *áśvā* ‘лошадь’, лит. *ašvà*, род. п. *āšvos* (2) ‘лошадь’ < и.-е. *h₁ék-weh₂- (IEW: 301–302).

Очевидно, основы мужского рода в ормури действительно обратно образованы от *yáspa* или испытали влияние данной основы, поскольку ожидаемым результатом было бы *áśva- > #(y)asp или #yesp с переходом *a > e после протетического y (Ефимов 1986: 133). Множественное число на -ān в парачи имеет ударение на этом элементе, ср. *ōsprān* и *asprān*, но это поздние вторичные образования по отношению к старой форме множественного числа с внутренней флексией (Ефимов 2009: 40).

3. Афг. *wála* f. ‘ива’ — парачи Е *γi*, М *γī* ‘ива’ (Дыбо 1974: 73; Ефимов 2009: 198; IFL-1: 255; NEVP: 87).

Авест. *vaēti* ‘ива’ < праир. *wāiti-; дальнейшие связи в индоевропейских языках указывают на колебание между дифтонгом и долгим *ī, ср. др.-инд. *veta*- m. ‘тростник’ и *ve*-

tasá- ‘ротанг’ с контрастным ударением; греч. ἰτέα ‘ива; щит из ивовых прутьев’, лат. *uītex*, *-icis*, прагерм. **wīpaz* ~ **wīpjō* или **wīþō*, ср. др.-в.-нем. *wīda* f. ‘ива’ (IEW: 1122). В греческом ударение не на корне, по всей видимости, из-за отклоняющегося характера основы (< **wītēwā* ?), но германские данные свидетельствуют о первоначальной баритонезе. Также на место изначального ударения может указывать лат. *uītex* ‘ива’ — в этом слове не происходит сокращение по закону Дыбо, подробнее о явлении (Дыбо 1961; Дыбо 2015).

Для парачи развитие является регулярным: начальный иранский **w-* дает *γ*, ср. *γaf-* ‘ткать’ < и.-е. **web^h-*; дифтонг **ai* стягивается в *i* (Ефимов 1997: 440, 457–458), а **-ti* падает в заударном положении.

4. Афг. диал. *stāna* (норм. вариант *stān*) f. ‘столб, колонна, подпорка’⁷ — орм. кан. Е *styun*, М *styōn* ‘колонна’; парачи М. *ustūn* ~ *estūn* ‘колонна’⁸ (Дыбо 1974: 73; Ефимов 1986: 78; ПФЛ-1: 236; NEVP: 76).

В древнеиндийском рассматриваемые слова имеют баритонированное соответствие *sthūñā-* f. ‘столб, колонна’, этимологически связываемое с др.-инд. *sthūrá-* ‘большой, крепкий’ и и.-е. **stū-* (< **steh₂-w-*), *w-*расширением или вариантом корня **steh₂-* ‘стоять’ (EWAia II: 768). Основа демонстрировала вариативность еще в праиранском, ср. авест. *stūna-* m. ~ *stunā-* f. ‘колонна; столб’. Ввиду диалектных афганских форм *stānye* и *stāni* более правдоподобна праформа **stūn(i)yā-* (NEVP: 76).

Анлаутное *u-* в парачи появилось в результате развития протетического гласного перед группой согласных **st-* с дальнейшей ассимиляцией, если только формы парачи не являются видоизмененным персидским заимствованием, ср. дари *sotun* ‘колонна’.

5. Афг. *wāna* ~ *wīna* f. ‘дерево’ — парачи Е *γan*, М *γān* ~ *γan* ‘дуб’ (Дыбо 1974: 73; Ефимов 2009: 197; ПФЛ-1: 256; NEVP: 88).

Иранская праформа **wāna-*, ср. др.-инд. *vānam* n. ‘лес, дерево’, авест. *vanā-* ‘дерево’ (EWAia II: 500). Интересно, что еще в Ригведе засвидетельствовано корневое имя *vān-* ‘деревянный сосуд, кадка’ с окситонезой в отдельных падежных формах (ср. instr. sg. *vanā*, gen. pl. *vanām*), но уже в авестийском нет его надежных следов, вопреки (Bartholomae 1904: 1353).

6. Афг. *gūta* f. ‘палец’, ванечи *nəgūt* — орм. кан. Е *ngušt* ‘палец’; лог. Е *angóxt*; парачи Е *γošt*, М *γušt* (Дыбо 1974: 73; Ефимов 1986: 126; Ефимов 2009: 198; ПФЛ-1: 257–258; ЭСИЯ 1: 169–170; NEVP: 28).

Реконструируется в виде **angúšta-* или **anguštá-*, ср. др.-инд. вед. *aṅguṣṭhá-* ‘палец’ и более поздняя форма *aṅgúṣṭha-* m. ‘палец; большой палец’ (BR-1: 58; EWAia I: 49). Передвижение ударения в древнеиндийском могло произойти из-за влияния таких похо-

⁷ В статье В. А. Дыбо, как это характерно и для литературного языка, объединены два омонима *stān* ‘игла, шило’ и *stān* ‘столб, колонна, подпорка’ (Дыбо 1974: 73), но первое скорее относится к другой праформе: **śūčānī-* (NEVP: 76).

⁸ В данном случае определенные сомнения вызывает слово, засвидетельствованное в парачи. Ефимов для сравнения с формой парачи приводит курд. *astú* ‘шея’ при параллельном образовании *ustu(n)*; наиболее вероятно, что автор при этом цитирует Абаева (Абаев I: 79), который, в свою очередь, приводит форму *astú* вслед за работой Houtum-Schindler 1884: 49. Тем не менее, прямым соответствием перс. *sutūn* ‘колонна’ и другим формам иранских языков, восходящих к **stūnā-*, курдское слово *astú* быть не может. В «Этимологическом словаре курдского языка» справедливо указывается, что курд. *stu* (*stū*, *stō*) ‘шея’, как и осет. *astæw* ‘поясница; середина’, *staw* ‘поясничная область’, восходит к др.-ир. корню **stū-*, **staw-* ‘стоять’, но образовано от другой основы, в отличие от *stūn* f. ‘столб; балка, переключатель; бревно’ < **stūnā-* (Цаболов 2010: 282–283).

Соответственно, нет достаточных оснований для того, чтобы вообще специально сблизать парачи М. *ustūn* ‘колонна’ с диал. курд. *astú* ~ *ustu(n)* ~ *istu* ‘шея’ и осет. *astæw* ‘поясница; середина’, *staw* ‘поясничная область’ (Абаев I: 78–79).

жих образований, как *aṅgúri-*, *aṅgúli-* f. ‘палец; большой палец’, производящее существительное — *áṅga-* ‘часть тела, член’. В афганском ударение переходит на второй слог с последнего по правилу Дж. Ченга для трехсложных основ (Cheung 2009: 118); такое же развитие наблюдается в ормури и парачи. Соответственно, в данном случае может идти речь о мнимой баритонезе, а в исходной праформе ударение, вероятно, стояло на конце слова.

7. Афг. *óša* f. ‘слеза’ — орм. кан. G *hēntscī*, M *hēncčī* ‘слезы’; M *yēscak*, pl. *yēscī* (Дыбо 1974: 73; Ефимов 1986: 84, 135; ПФЛ-1: 397; Grierson 1918: 62; ЭСИЯ 1: 241–243; NEVP: 12).

Приведенные формы родственны др.-инд. *ásru-* ‘слеза’.

Слово *óša* употребляется в восточных диалектах пушту; в западных используются формы *úška* ~ *óška*, также *woška* и *yeška* (NEVP: 12). Переход **a > o* в афганском происходит в данном случае перед *и-* следующего слога и группой согласных (Грюнберг & Эдельман 1987: 22; Cheung 2011: 173). Все эти формы восходят к **ásrukā-* с метатезой в **ársukā-*. То же касается и форм канигурамского диалекта ормури: *hēnc-* и *yēsc-* < **hōnc-* < **ōšk-* < **ársukā-* < **ásru-kā-* (ПФЛ-1: 336, 397; Ефимов 1986: 84). По правилу ударения производных на **-ka* «по контрасту» ожидалось бы **ásruká-*, соответственно, это одно из исключений как для пушту, так и для ормури. Как бы то ни было, примечательно, что афганский и ормури показывают совпадение по месту ударения, пусть и незакономерному.

8. Афг. *wáwra* f. ‘снег’ — орм. кан. E *γoš*; лог. E *γoš*, M *γōš* ‘снег’; парачи EM *γarp* ‘снег’ (Дыбо 1974: 74; Ефимов 1986: 126; Ефимов 2009: 197; ПФЛ-1: 257, 396; NEVP: 93).

И.-ир. **wáprā-* ~ **wapra-*, ср. др.-инд. *váprā-* f. ‘очаг’, *vápra-* m. ‘насыпь; земляное укрепление’ без убедительных внешних параллелей (EWAia II: 505).

9. Афг. вост. *lāra* f. ‘дорога’, в ряде диалектов *lyār* — орм. кан. E *rāy*, G *rāī*; лог. E *rāy*, M *rāī* ‘дорога’ (Дыбо 1974: 74; Ефимов 1986: 97; ПФЛ-1: 405; Grierson 1918: 73; ЭСИЯ 6: 389; NEVP: 44).

Праформа афганского слова — **ráθyā* или даже скорее **ráθī-* с переходом в **ā-*основу в ряде диалектов (NEVP: 44). Параллель из ормури может быть ранним заимствованием из дари, ср. дари *rāh* ‘дорога, путь’, но если она исконна, то поддерживает второй вариант реконструкции.

I.1.2. Прилагательные

10. Афг. *wáč*, f. *wáča* ‘сухой’ — орм. кан. E *wyok*, G *wyūk*; лог. E *wuk*, M *wōkā* ‘сухой’; парачи M *hušk* ~ E *hóškō*, M. *húšku* и M *ōškár* ‘сухой’ (Дыбо 1974: 74; Ефимов 1986: 127; Ефимов 2009: 202; Grierson 1918: 81; ПФЛ-1: 260, 411; ЭСИЯ 3: 387–390; NEVP: 86).

Баритонеза устанавливается на основании вед. *súška-* ‘сухой’; праир. **húška-*. Окончания более распространенных в парачи форм E *hóškō*, M. *húšku* выглядят как вторичное позднее наращение суффикса, ср. также приводимую Г. Моргенштерне форму *ōškār* ‘сухой’ < **huška-bara-* (?), как в язг. *wəḥkavúir* ‘старый дырявый сосуд, годный для переноски и хранения только сухих предметов’ (Соколова 1967: 87; ЭСИЯ 3: 388) или **huška-rá-* с вторичным суффиксальным наращением.

11. Афг. *ziár*, f. *ziára* ‘желтый’ — парачи M *zítō* ~ *zítu* ~ *zíta* ‘желтый’ (Дыбо 1974: 74; ПФЛ-1: 303; NEVP: 104).

Иранская праформа **zárita-*, ср. др.-инд. *hárīta-* ‘желтый; блестяще-желтый, белокурый’. В парачи не до конца ясна праформа. Очевидно, *zíta* является прямым продолжением **zárita-* и, вероятно, влияет на ударение *zítō* < **záritaka(hya)-*. В. А. Ефимов также реконструирует для парачи *zíta* праформу **zárita-* (Ефимов 1997: 472). Для обоих языков можно предполагать раннюю утрату второго слога.

12. Афг. *plán, plán, f. plána* ‘широкий, просторный’ — орм. кан. *G ran* ‘широкий’ (Дыбо 1974: 74; IFL-1: 404; Grierson 1918: 71; ESIF 6: 241–242; NEVP: 62).

Приведенные лексемы восходят к праир. **raθána-*, ср. авест. *paθana-* ‘широкий’. Праиранская основа **raθána-* соответствует, по мнению В. А. Дыбо, греч. *πατάνη f* ‘блюдо’ < ‘широкая’ (Дыбо 1974: 74). Впрочем, нельзя исключать вероятности субстратного происхождения данного греческого слова ввиду похожего по форме и значению *πέταχρον* ‘широкая плоская чаша’ (Furnée 1972: 149; Beekes 2010: 1157), что делает проблемным установление ударения в индоевропейской праформе.

13. Афг. *spín, f. spína* ‘белый’ — орм. кан. *E spilew, G spīw* ‘белый’; лог. *E spew, M spēw* ‘белый’ (Дыбо 1974: 74; Ефимов 1986: 127; IFL-1: 406; Grierson 1918: 75; NEVP: 75).

Иранская праформа **šwaitá-*. Основы не совпадают. Афганские формы восходят к **šwít-no-* ~ др.-инд. *śvitna-* ‘светлый, беловатый’, а формы языка ормури продолжают **šwaitá-* с характерным переходом в баритонезу у прилагательных, ср. реконструкцию В. А. Ефимова: «лог. *spew*, кан. *spew* (наряду со *spīw*) ‘белый’ < ир. **spáita* из более древнего **spaitá*» (Ефимов 1991: 255). Также в логарском диалекте ормури Р. Личем засвидетельствована форма *ispeuq* (Leech 1838: 51; IFL-1: 406).

14. Афг. *rún, f. rúna* ‘светлый, блестящий, сверкающий’ — орм. кан. *E ráwan, run, G rʷwan* ‘огонь’; лог. *E rówon, M rún*; парачи *E ríne, M rhínē* ‘свет, дневной свет; огонь’ (Дыбо 1974: 74; Ефимов 1986: 96–97; Ефимов 2009: 232; IFL-1: 284, 405; Grierson 1918: 74; ЭСИЯ 6: 420–421; NEVP: 70).

Праформа **ráuxšna-* < и.-е. **léuk̑sno-*, ср. греч. *λύχνος m.* ‘лампа, светильник’. В парачи и ормури произошла номинализация с семантическим сдвигом, характерная для этого прилагательного в индоевропейских языках. Окончание в парачи не очень ясно; вероятно, это следы **i-* или **ya-* основы. Отдельные формы в ормури показывают процесс постепенного стяжения двусложной основы в односложную, но изначальное место ударения устанавливается благодаря материалам В. А. Ефимова. Г. Дж. Раверти отмечает данное слово в логарском диалекте в виде *aroŋ* (Raverty 1864: 273).

15. Афг. *yaх, f. yáxa* ‘холодный’ — орм. лог. *M yaх* ‘лед; холодный, холодно’; парачи *M. íx* ‘лед’ (Дыбо 1974: 75; Ефимов 1986: 263; Ефимов 2009: 203; IFL-1: 237, 413; ЭСИЯ 1: 140–143).

Г. Моргенштерне считает орм. *yaх* ‘лед’ персидским заимствованием, по всей видимости, справедливо: закономерным развитием начального **y-* в ормури служит *ʒ-/z-*, ср. орм. ‘печень’ < **yāxr-* < **yākar-*; *za* ‘ятровь, жена брата мужа’ < **yātar-* (Ефимов 1986: 74).

При этом метатеза **aíxa* > **yaха* встречается в целом ряде иранских языков разных групп, так что внешнее сходство формы ормури с афганской не является определяющим.

16. Афг. *táš, f. táša* — орм. кан. *EG tusk* ‘пустой’ (Дыбо 1974: 75; Ефимов 1986: 128; IFL-1: 410; Grierson 1918: 78; NEVP: 84).

Орм. *tusk* восходит к производному **tús(y)aka-* с ударением, соответствующим др.-инд. *tucchyá-* по правилу контрастного ударения производных на **-ka*. Афганские же данные указывают на **túsyā-*. Согласно мнению В. А. Дыбо, изначальное место ударения сохраняет праславянское прилагательное **tǔšǔb* ‘тощий’ (Дыбо 1974: 75).

17. Афг. *stár, f. stára* ‘большой’ — орм. лог. *E stor, M ^ustur*; кан. *E stur, G st^r* ‘большой’ (Дыбо 1974: 75–76; Ефимов 1986: 75; IFL-1: 407; Grierson 1918: 78; NEVP: 76).

В описании Дж. Гирсона, а также в «Новом этимологическом словаре пушту» формы ормури считаются заимствованными из афганского, но они могут быть и исконными, поскольку соответствуют всем правилам исторической фонетики ормури (Ефимов 1986: 78).

I.1.3. Корневые имена⁹

18. Афг. *táx* m. ‘лицо; сторона, край; грань, лезвие’ ~ орм. кан. EG *tux*; лог. E *tox* ‘лицо; щека’; парачи E *tox*, M *tux*, pl. E *tóxáñ* ‘лицо’ ~ вед. *múkha-* ‘рот, лицо’ (Дыбо 1974: 77; Ефимов 1986: 88; Ефимов 2009: 218; PFL-1: 274, 401; Grierson 1918: 67; ЭСИЯ 5: 393–394; NEVP: 53).

С сомнением предполагается, что слово в ормури заимствовано из пушту, хотя соответствие в парачи при этом исконно (NEVP: 53); но ввиду дополнительного значения ‘щека’ предпочтительнее и формы ормури рассматривать в качестве унаследованных. Основа **muxa-* < **múk^ha-* является также важной лексической изоглоссой между ормури, парачи и афганским: кроме перечисленных языков соответствие усматривалось только в осет. *múk’ū/mok’o*, чаще мн. *mūk’ūtæ* ‘морда’, но это в лучшем случае контаминация **muxa-* с синонимичным субстратным словом из кавказских языков (Абаев II: 131).

19. Афг. m. *yáž* ‘медведь’ — орм. кан. EG *hiñs* ~ *hīrs*; лог. M *xirs* ‘медведь’; парачи *uḷ* ‘медведь’ (Дыбо 1974: 77; PFL-1: 237, 413; Grierson 1918: 67; ЭСИЯ 6: 459–461; NEVP: 100).

Праформа **ḷša-*, ср. др.-инд. *ṛkṣa-* ‘медведь’. И в парачи, и в ормури наблюдаются различные отклонения от праформы, возможно, вызванные табуированием, если эти слова являются унаследованными. Г. Моргенштерне считает заимствованиями формы *xirs* в логарском диалекте ормури и *uḷ* в парачи; при этом канигурамские формы, по его мнению, могут продолжать праиранскую праформу.

20. Афг. *xár* m. ‘осел’ — парачи E *kōr* ~ *kōr*, M *khōr* ‘осел’ (Дыбо 1974: 77; Ефимов 1986: 88; Ефимов 2009: 209; PFL-1: 265, 412; NEVP: 96).

Праформа **xára-*; ср. др.-инд. *khára-* ‘осел; мул’. За пределами индоиранской ветви соответствия надежно не засвидетельствованы. В пушту есть параллельная форма женского рода *xrā*, которую Дж. Ченг считает, в связи со своей теорией о характере афганского ударения, исконно баритонной (Cheung 2009: 119), но это невозможно доказать при отсутствии надежных родственных основ с фиксацией ударения.

21. Афг. *lór* m. ‘серп’ — орм. кан. E *dāš^r*; парачи M *dēš* (Дыбо 1974: 77; Ефимов 1986: 126–127; PFL-1: 251; ЭСИЯ 2: 440–441; NEVP: 44).

Основы в пушту и ормури являются продолжениями праформы **dātra-*, в парачи основа **dātrī-*; ср. др.-инд. *dātra-* ‘разновидность серпа или кривой нож’.

22. Афг. *wó* m. ‘ветер’ — парачи M *γā* ‘ветер’ (Дыбо 1974: 77; PFL-1: 255; NEVP: 86).

Праформа **wāta-*, ср. др.-инд. *vāta-* ‘ветер’. Стоит отметить, что для ванечи *wagá* и диалектной афганской формы *wága* в «Новом этимологическом словаре пушту» реконструируется **wāta-ka-ka-*; в ванечи может быть отражение **wāta-(ká-)* с ожидаемой окситонезой по правилу контрастной акцентовки (NEVP: 86).

23. Афг. *xúḷ* m. ‘сон’ — парачи E *xōt*, M *xōt* ‘сон’ (Дыбо 1974: 77; Ефимов 2009: 249; PFL-1: 299, 412; ESJ 3: 466–468; EVP: 96).

Праформа **hwárna-*, ср. др.-инд. *svárna-*, лит. *sārnas* (4) ‘сон; сновидение’. Несмотря на то, что афг. *xúḷ* приводится в работе В. А. Дыбо и в EVP как исконное под этой праформой, можно подозревать в нем персидское заимствование, ср. дари *xob* ‘сон’, класс. перс. *x^wāb*. Есть идея возводить *xúḷ* (*xob*) к **xwāra-* (Грюнберг-Эдельман 1987: 26).

24. Афг. *γwáž* m. ‘ухо’, в кандагарском диалекте также ‘шум’ — орм. кан. E *gou*, G *gōu*; лог. E *gou*, M *gōi*; парачи E *gi* M *gū*, мн. ч. M *guáñ* ‘ухо’ (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 126; Ефимов 2009: 196; PFL-1: 253, 394; Grierson 1918: 60; ЭСИЯ 3: 250–251; NEVP: 33).

⁹ В данном случае «корневые имена» служат условным названием обсуждаемых слов в языке пушту, принятое В. А. Дыбо в его статье (Дыбо 1974: 77); в историческом отношении это тематические основы.

Праир. **gáuiša-*, др.-инд. *ghóṣa-* ‘шум, крик, рев; шум, молва’. Формы парачи E *guš* ~ *gōš*, M *gōš* ~ *gūš* являются заимствованиями из персидского (IFL-1: 254). В. А. Ефимов приводит парадигму *gu*, мн. ч. *gúšān* для шутульского диалекта (Ефимов 2009: 196). Ударение множественного числа *guān* незакономерно; возможно, шутульский вариант *gúšān* представляет собой фонетическую перестройку незасвидетельствованного #*gúān* под воздействием форм дари с сохранением первоначального ударения (Трофимов 2021: 217).

25. Афг. *šrūn* m. ‘пастух’ — орм. кан. E *šwān*, G *šwān*; парачи E *howān*, M *xiwān* ‘пастух’ (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 76, 95; Ефимов 1997: 457; IFL-1: 301, 409; Grierson 1918: 77; ЭСИЯ 6: 227–228; NEVP: 79).

Праформа **pśu-rāna-*, ср. ср.-перс. раннее *šurān*, позднее *šubān* ‘пастух’ и т. д. (ЭСИЯ 6: 227).

26. Афг. *prāng* m. ‘леопард’ — парачи M *parōṅ* ~ *parōnd* ‘пантера’ (Дыбо 1974: 78; IFL-1: 281; ЭСИЯ 6: 174–176; EVP: 59; NEVP: 66).

В отношении ударения сравнивается др.-инд. *pr̥dāku-* ‘змея, тигр, барс, леопард’ (Дыбо 1974: 78; EWAla II: 163). В данном случае в иранских формах оно явно перемещается на второй слог, ср. правило для трехсложных слов в пушту, сформулированное Дж. Ченгом (Cheung 2009: 118). Соответствие между афганским и парачи затемнено.

27. Афг. *pu* m. ‘пуп’ — орм. лог. E *nāf*, M *nāf*, также лог. M *néfak* ‘пуп’ (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 75; IFL-1: 275, 402; ЭСИЯ 5: 532–536; EVP: 52; NEVP: 57).

Праформа **nāb^ha-*. Если считать, что орм. *néfak* ‘пуп’ < **nāb^hikā-*, то это слово имеет незакономерное начальное ударение. Можно было бы считать, что суффикс *-ak* является более поздним вторичным образованием, напрямую присоединившимся к основе *nāf*, но *e* с большой вероятностью указывает на умлаут, а вообще унаследованные прилагательные и причастия на **-ta-ka* в ормури сохраняют конечный *-k* (Ефимов 1991: 277–280).

28. Афг. *wlest* ~ *lwest* m. ‘пядь (мера длины)’ — орм. кан. E *zwast*, M *zbast*, *jbasp*; лог. M *ḷusp* < **witasti-* (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 135; IFL-1: 397; Ефимов 2011: 288; NEVP: 88).

Праир. **witásti-* < **witasti-* с перемещением акцента по правилу, работающему для основ с тремя слогами (Cheung 2009: 118).

29. Афг. *bən* f. ‘одна из жен (по отношению к другим — при многоженстве)’ — орм. кан. EG *wan* ‘одна из жен (многоженца); co-wife’ (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 137; IFL-1: 411; Grierson 1918: 81; ЭСИЯ 6: 252–254; EVP: 15; NEVP: 14).

Праформа **ha-pātnī-*, ср. др.-инд. *sa-pātnī-* ‘обладающая совместным супругом; одна из жен (по отношению к другой; соперница)’.

30. Афг. *sar* m. ‘голова’ — орм. кан. лог. EGM *sar* ‘голова’; парачи E *sō* ~ *sōr*, M *sōr* (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 137; Ефимов 2009: 236; IFL-1: 288, 407; Grierson 1918: 75; EVP: 69).

Праир. **śārah-*: авест. *sarah*, ср. др.-инд. *śiras-* ‘голова; верхняя часть, вершина, глава’. Дж. Грирсон полагает, что слово в ормури может быть заимствованием (Grierson 1918: 75), но унаследованная основа должна иметь точно такой же вид.

31. Афг. *nar*, *nār* m. ‘муж, мужчина, самец’ — парачи M *nērōk* ‘самец’ (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 141; Ефимов 2009: 220; IFL-1: 276–277, 402; ЭСИЯ 5: 475–477; EVP: 53; NEVP: 58).

Праформа **nāra-* (более раннее корневое имя *nār-*); в парачи закономерная окитонеза по правилу контрастного ударения **naryaká-*. Конечное *-k* в данном случае может быть вторичным поздним прибавлением суффикса — унаследованное **-aka* развивается в парачи в *o*; впрочем, на ударение данный факт не влияет.

32. Афг. *yōr* f. ‘жена брата мужа’ — орм. кан. E *za* ‘жена брата мужа’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 135–136; ЭСИЯ 4: 131–133; EVP: 46, 100; NEVP: 100).

Праформа **yātar-*, ср. др.-инд. *yātar-* ‘жена брата мужа’.

33. Афг. *ōr* m. ‘огонь, пожар’, ванеци *áwər* — парачи E *āṛ*, M *âṛ* ‘огонь’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 2009: 174; IFL-1: 235; ESIJ 1: 318–319; EVP: 12; NEVP: 9).

Праформа **ātr-*. В данном случае не до конца ясна непосредственная праформа для парачи: Г. Моргенштерне предполагал, что произошла метатеза **ātr- > *ārt-* (IFL-1: 235).

34. Афг. *nūt* m. ‘имя’ — орм. кан. E *nām* ‘имя’; лог. E *nām*, M *nām*, pl. E *ními* ‘имя’; парачи E *nām*, M *nām* (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 146; Ефимов 2009: 220; IFL-1: 276, 402; ЭСИЯ 5: 538–539; EVP: 52; NEVP: 57).

Праформа **nātan-* (**nātmā-*), ср. др.-инд. *nātan-* ‘имя’.

I.1.4. Числительные

Баритонированные числительные в афганском, ормури и парачи обычно совпадают по ударению и похожи по форме.

35. Афг. *dre*, диал. *drey*, *dray* ‘три’ — орм. кан. E *š’i*, G *š’ē*; лог. E *šo*, M *šō* ~ *šō*; парачи E *ši* ~ *šo* ~ *še*, M *šī* ~ *šū* ‘три’ (Ефимов 1986: 158; Ефимов 2009: 237; IFL-1: 289, 409; Grierson 1918: 77; NEVP: 22).

Праформа **tráyah*, ср. др.-инд. *tráyas* ‘три’.

36. Афг. *nā* ‘девять’ — орм. кан. E *na*, G *n^ah*; лог. E *no* ~ *nā*, M *nā*; парачи E *nō*, M *nō* ‘девять’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 222; IFL-1: 275, 401; Grierson 1918: 69; ЭСИЯ 5: 515–516; NEVP: 55).

Праформа **náwa-*, ср. др.-инд. *náva-* ‘девять’.

37. Афг. *lās* ‘десять’ — орм. лог. кан. EGM *das*; парачи E *dōs*, M *dōs* ‘десять’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 189; IFL-1: 251, 393; Grierson 1918: 57; ЭСИЯ 2: 375–376; NEVP: 45).

Праформа **dáśa-*; ср. др.-инд. *dáśa-* ‘десять’.

38. Афг. *dwōlas* ‘двенадцать’ — орм. кан. EG *dwās*, M *duàs*; лог. E *dwās*, M *dwās*; парачи E *dowās* ~ *duwās*, *d(o)hās*, M *dwās* ~ *duwās* ‘двенадцать’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 189; IFL-1: 252, 393; Grierson 1918: 58; ЭСИЯ 2: 482–483). Праформа **dwādaśa-*; ср. др.-инд. *dvādaśa-*, греч. *δώδεκα* ‘десять’. В парачи и ормури отклонение от праязыкового ударения.

39. Афг. *dyārlas* (< **draylas-*) ‘тринадцать’ — орм. кан. E *š’es*, G *š’ēs*; лог. E *šes*, M *šēs*; парачи E *šedōs*, M *šidōs* ‘тринадцать’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 237; IFL-1: 260, 409; Grierson 1918: 77; NEVP: 22).

Праформа **trídaśa-*; ср. др.-инд. *trídaśa-*. Форма парачи очевидным образом вторична и является более поздним композитом.

40. Афг. *cwārlas* ‘четырнадцать’ — орм. кан. E *carés*, G *tsarēs*, M *cáres* и *carés*; лог. E *carés*, M *carés*; парачи E *čadōs*, M *čadōs* (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 180; IFL-1: 244, 391; Grierson 1918: 80; ЭСИЯ 2: 243–244; NEVP: 18).

Праформа **čátwārdaśa-* или **čát/θrudaśa-*, ср. др.-инд. *cāturdaśa-* ‘четырнадцать’. Как и в случае с числительным ‘тринадцать’, в парачи представлено новообразование. То же относится и к формам ормури с конечным ударением¹⁰.

41. Афг. *nūnas* (вар. *nūlas*) ‘девятнадцать’ — орм. кан. E *anés*, G *unēs*; лог. E *nes* ~ *a-nés*, M *nēs*; парачи EM *nams* (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 160; Ефимов 2009: 219; IFL-1: 276, 403; Grierson 1918: 54; ЭСИЯ 5: 516–517; NEVP: 55).

Праформа **nāvadaśa*, ср. др.-инд. *nāvadaśa-*. Особенно ясно изначальная баритонеза видна в парачи.

¹⁰ Основы со значением ‘шестнадцать’ в этом отношении идентичны и поэтому не рассматриваются.

42. Афг. *-wīšt-* ‘двадцать’, в составе числительных от 21 до 29 — орм. кан. E *ǰistu, a-ǰistu*, G *ǰistū*, M *ǰistū*; лог. E *ǰistu*, M *ǰist ~ ǰistu*; парачи E *γošt*, M *γušt* ‘двадцать’ (Дыбо 1974: 79–80; Ефимов 1986: 160; Ефимов 2009: 198; Grierson 1918: 64; IFL-1: 258, 397).

Праформа **wīšati-*, ср. греч. гом. *ἑίκοσι*, дор. беот. фессал. *ῥικατι* < **εῤίκατι* ‘двадцать’. Наиболее отчетливо первоначальная баритонеза видна в ормури; конечный *-u* появился под влиянием других обозначений десятков.

43. Афг. *zār* ‘тысяча’ — орм. кан. EGM *zār*; лог. E *azār*, M *azār* (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 161; IFL-1: 388; Grierson 1918: 83; ЭСИЯ 3: 394–396; NEVP: 102).

Праформа **hažáhra-*, ср. др.-инд. *sahásra-* ‘тысяча’. Для логарского диалекта наиболее вероятно заимствование из персидского; однозначно заимствовано парачи E *hazâr*, M *hazâr* (Ефимов 2009: 200; IFL-1: 261).

Следы окситонезы в ормури и парачи прослеживаются хуже; так, В. А. Ефимов приводит целый ряд основ, утративших конечное ударение в ормури (Ефимов 1985: 49–50; Ефимов 1986: 127). Тем не менее, отдельные случаи сохранения окситонезы в именах, и особенно в числительных, в определенной степени отражают первоначальное состояние. Также важны баритонированные основы с акцентовкой «по контрасту».

I.2. Oxytona

I. 2. 1. *a*-основы женского рода

44. Афг. *špá f.* ‘ночь’ — орм. кан. E *šyo/šyu*, G *štw*; лог. E *šo*, M *šō* ‘ночь’ ~ парачи E *xawápn*, M *xawápn* ‘ночь’ (Дыбо 1974: 80; Ефимов 1986: 133; Ефимов 2009: 247; IFL-1: 301, 409; Grierson 1918: 76; NEVP: 79).

Праязыковая баритонеза согласно вед. *kšarā-* ‘ночь’. За пределами индоиранских языков это слово не имеет однозначных соответствий. Традиционно сравниваются с хетт. *išpant-* ‘ночь’, но данное решение сталкивается с определенными фонетическими проблемами (Трофимов 2014).

Это один из наиболее важных случаев тройного соответствия между афганским, ормури и парачи. В. А. Ефимов относит основу ормури к рефлексу старой окситонезы с некоторым сомнением (Ефимов 1986: 133). Для ормури следует предполагать фонетический переход **xšarā > *šawá > *šwa > *šwo > šyo/šyu*¹¹. В парачи *xawápn* < **xšarāpnat*, несколько отличается основа (образована от косвенного падежа).

I.2.2. Прилагательные

Прилагательные в парачи и ормури практически все поменяли унаследованную окситонезу на баритонезу. Это неудивительно, потому что и в пушту окситонеза наиболее надежно устанавливается только по формам женского рода при переходе форм мужского рода в прямом падеже в баритонезу. В ормури формы женского рода имеют конечный *-a*, но теряют ударение на этом форманте.

45. Афг. *ít*, f. *imá* ‘сырой, недоваренный; неспелый, незрелый’ — орм. кан. G *hām*, M *hām* ‘неспелый’; парачи E *xām*, M *hāmō* ‘сырой, незрелый’ (Дыбо 1974: 81; Ефимов 2009: 247; IFL-1: 323, 412; Grierson 1918: 62; ЭСИЯ 1: 309–310; NEVP: 8).

¹¹ По формулировке В. А. Ефимова, «**á > *á > o/u* по соседству с губным; *-y- < *w < *p*, ср. *w/y* в кан. *maryōk* ‘луна’» (Ефимов 1986: 133).

Праформа **āmá-*, ср. др.-инд. *āmá-* ‘сырой, незрелый’, греч. *ῥμός* ‘сырой, неспелый’. Если форма парачи *hámō* действительно древняя, она отражает закономерное **āmaka(hya)-* с контрастной акцентровкой.

46. Афг. *sur*, f. *srá* ‘красный, алый; румяный’ — орм. кан. E *sušʳ*, G *sūšʳ*; лог. E *suš*, M *sūš* ‘красный’; парачи E *sork*, *sórku* и *sórkhō*, M *surkh*, *súrku* и *surkhō* ‘красный’ (Дыбо 1974: 81; Ефимов 1986: 127; Ефимов 2009: 236; ИФЛ-1: 288, 408; Grierson 1918: 75; NEVP: 75).

Праформа **śuxrá-*, др.-инд. *śuklá-* ‘белый; светлый, чистый’. Окситонеза утрачена и в ормури, и в парачи. Ожидаемое ударение только в форме парачи *sórkhō* < **śuxraka(hya)-*, но ее значение уменьшается из-за засвидетельствованной Г. Моргенштерне *surkhō*.

47. Афг. *póx*, f. *paḥá* ‘сваренный, вареный, спелый, зрелый’ — орм. кан. EG *paḥak*; лог. E *póxok*, M *puxōk* ‘вареный; спелый’; парачи M *phōk* ‘вареный’ (Дыбо 1974: 81; Ефимов 1986: 126; ИФЛ-1: 278, 405; Grierson 1918: 70; ЭСИЯ 6: 99–109; NEVP: 67).

Праформа **paḥwá-* ‘вареный’, ср. др.-инд. *paḥwá-* ‘вареный; спелый, зрелый’, производное от **paḥ-* / **pač-* ‘готовить еду; печь, варить’. В парачи и ормури наблюдается баритонеза по контрасту, отклоняется только форма M *puxōk*; ударение причастий в ормури неясно. В парачи, возможно, добавлен поздний вторичный суффикс.

48. Афг. *sōr*, f. *saṛá* ‘холодный, прохладный’ — орм. кан. E *sāla*, G *sāl^a*; лог. E *sāla*, ‘холод, чувство холода’ (Дыбо 1974: 81; Ефимов 1986: 32; ИФЛ-1: 283, 409; Grierson 1918: 74; ЭСИЯ 3: 79–80; NEVP: 76).

Праформа **sartá-*; на окситонезу в праязыке указывает прерывистая интонация латышского *salts* ‘холодный’ (Дыбо 1974: 81–82).

На наш взгляд, это прилагательное важно для установления истории изначально окситонированных основ в языке ормури. В данном случае ударение становится накоренным, но при этом сохраняется конечный *-a < *-āh, очевидно, стоявший под ударением. Похожий процесс произошел, по всей видимости, с такими немногочисленными прилагательными, как афг. *spērá* ‘светло-серый; мутный, загрязненный’ < **świtrá-*, ср. др.-инд. *świtrá-* ‘белый’. Большинство прилагательных мужского рода в ормури теряет конечный ударный гласный.

49. Афг. *tōd* f. *tawdá* ‘теплый, горячий, жаркий’ — орм. кан. E *tok*, G *tōk*, M *tōk*; лог. E *tok* ‘горячий’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 66; ИФЛ-1: 410; Grierson 1918: 78; NEVP: 81).

Праформа **taftá-* (др.-инд. *taptá-* ‘нагретый, разгоряченный, жгучий’), в ормури закономерное **táftaka-* с контрастной акцентровкой.

50. Афг. *már*, f. *mṛá* ‘мертвый, умерший’ — орм. кан. E *múl(l)ak*, G. *mul-ak* ~ *mullak*, f. *malk*, лог. E *mól(l)ok*, M *múlluk* ‘умирать’ (формы причастия, образующие претеритную основу); парачи M *múṛō*, E *móru* ‘мертвый’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; ИФЛ-1: 273, 400; Grierson 1918: 68; ЭСИЯ 5: 210–211; NEVP: 51).

Праформой для парачи и ормури должно служить производное **mṛtaka-*, в котором закономерная баритонеза по контрасту к праязыковому **mṛtá-*, ср. др.-инд. *mṛtá-* ‘мертвый’. См. ниже как соответствия афг. *máray* ‘труп, мертвец’.

51. Афг. *tríx*, f. *tərxá* ‘горький, соленый’ — орм. кан. E *tēšʳ*, G *tēšʳ* ‘горький’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 86; ИФЛ-1: 283, 409; Grierson 1918: 79; ЭСИЯ 3: 79–80; NEVP: 83–84).

Др.-инд. *takrá-* ‘пахта, разбавленная водой’. Сопоставление с древнеиндийским словом иранских форм со значением ‘горький’ является традиционным (EWAia I: 611–612).

I.2.3. Имена на зваракай

52. Афг. *miryá*, *mərgá* m. ‘птица (часто хищная)’ ~ орм. кан. E *mirgá*, G *mirg^a*; лог. E *morgá*, M *mirga* ‘птица / маленькая птица / воробей’ ~ парачи E *morčé*, M *mirčé*, мн. ч.

morčēān (?) ‘воробей’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 127; Ефимов 2009: 218; ИФЛ-1: 273, 400; Grierson 1918: 68; ЭСИЯ 5: 379–384; NEVP: 51).

Праформа **mṛgá-*; ср. др.-инд. *mṛgá-* ‘дикое животное / дичь / олень, антилопа и т. д.’. Форма парачи явно имеет суффиксальное происхождение, скорее всего это **mṛga-či-ká-* с окситонезой, поскольку производное **mṛga-či-* должно было быть баритонированным, сравни обратное соотношение в *fruš(ā)-či-* ‘блоха’ < **frúšā-*. Соответственно, можно предположительно установить следующую словообразовательную цепочку: **mṛgá-* > **mṛga-či-* > **mṛga-či-ká-*. По-другому реконструируют эту основу и Г. Моргенштерне, и В. А. Ефимов, отдающие предпочтение реконструкции **mṛga-č-* (ИФЛ-1: 41, 273) и **mṛgá-čī-* (Ефимов 1997: 461). В пушту окончание *-á* является рефлексом **-áh* (Cheung 2009: 114); стоит думать, что в ормури такая же ситуация с рефлексом *-á* < **-áh*.

Форма множественного числа в парачи сомнительна: она не встречается в текстах, записанных и опубликованных В. А. Ефимовым, а в словаре к монографии «Язык парачи», где встречаются ошибки в ударении, записано как *morčē*, мн. ч. *-ān* (Ефимов 2009: 218). Признается исключением из правил ударения для парачи в (Трофимов 2021: 227), но может иметь ударение не на окончании по той причине, что основа заканчивается на гласный. В любом случае, фиксация формы вызывает сомнения.

53. Афг. *wāzā* m. ‘сажень; шаг коня’ — орм. кан. EG *bazar*; лог. Е М *bazar, bizar* ‘рука (от локтя до запястья)’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 83; ИФЛ-1: 390; Grierson 1918: 56; ЭСИЯ 2: 161–164; NEVP: 94).

Праформа **bāzū-*, ср. др.-инд. *bāhú-* ‘рука; предплечье; мера длины’ (но греч. *πῆχυς* ‘предплечье, рука; пехий, локоть (мера длины ок. 46 см.)’). Место ударения в ормури не засвидетельствовано; при этом может с сомнением реконструироваться производная форма **bāzura-* с сокращением корневого гласного (но ср. афг. *wazár* ‘крыло; рука от плеча до локтя’ < **wazaθra-* NEVP: 94). Афганское производное *ōzau* ‘плечевая кость’ будет разобрано ниже, в разделе, посвященном производным на **-ka*.

54. Афг. *ōwrá*, также *orá* и *wará*, диал. *awár* m. sg. и pl. ‘облако, тучка; бельмо’ — орм. кан. Е *ábər*; лог. Е *yewər*, М *yēwər* ‘облако’; парачи Е *a(y)ir*, М *áir*, pl. Е *a(y)irān* ‘облако, туча’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 127; Ефимов 2009: 173; ИФЛ-1: 235, 413; ЭСИЯ 1: 74–75; NEVP: 10).

В. А. Дыбо, как и Дж. Ченг (Cheung 2011: 199), сравнивает эти формы напрямую с др.-инд. *abrá-* ‘облако’, а Г. Моргенштерне считает, что формы, засвидетельствованные в пушту, восходят к **abryá-* (NEVP: 10), как и родственные слова в ормури и парачи. При этом в ормури произошел достаточно стандартный переход в баритонезу, а для парачи можно предполагать окситонезу, отразившуюся в конечном ударении слова в его засвидетельствованном облике. Промежуточные этапы развития в парачи могли быть следующими: **abrya-* > **a(w)rya-* > **a(w)yar* > *a(y)ir*; ср. переход **yā* > *i* в слове Е *ǰir* ‘тетива’ < **ǰiyā-ra-* ? (Ефимов 1997: 440). Других надежных примеров на развитие кластера **br* в парачи нет (ИФЛ-1: 42), но можно сравнить развитие **rb* > *r(w)* (ИФЛ-1: 36). Метатеза слогов, предполагаемая в данном случае, напоминает аналогичную той, что наблюдается в слове Е *ǰu*, М *ǰū* ‘один’, для которого предполагается фонетическое развитие **aiwa-* > **yawa-* > **yūwa-* > **yū* > *ǰu*.

Еще одной проблемой является форма множественного числа *a(y)irān* с незакономерной баритонезой; тот факт, что предполагаемое **á* не переходит в *ō*, показывает, что данная форма вторична и представляет собой позднюю перестройку (Трофимов 2021: 219).

55. Афг. *trá*, *tərá* m. ‘дядя со стороны отца’ — орм. кан. EG *tā* ‘дядя со стороны отца, брат отца’; парачи М *peté* ‘дядя со стороны отца’ (Дыбо 1974: 83; Ефимов 1986: 25; ИФЛ-1: 283, 318; ЭСИЯ 6: 305–306; NEVP: 83).

Праформа **pitṛvyá-*; ср. др.-инд. *pitṛvyá-* ‘брат отца, дядя’. Данные ормури и парачи также указывают на окситонезу. Детали фонетического развития в парачи не до конца ясны, но очевидно, что это унаследованное слово.

56. Афг. *wrará* m. ‘племянник’ — орм. кан. E *rāṣʳi-*, G *rāṣʳai* ‘племянник, сын брата’ и E *rāṣʳa-*, M *rāṣʳa* ‘племянница’ (Дыбо 1974: 83; Ефимов 1986: 125, 138; ИФЛ-1: 406; Grierson 1918: 73; ЭСИЯ 2: 180–181; NEVP: 91).

Праформа **brāṭṛvyá-*, ср. др.-инд. *bhrāṭṛvyá-* ‘племянник’. В данном случае данные афганского и ормури противоречат друг другу, но стоит иметь в виду, что наряду с др.-инд. *bhrāṭṛvyá-* ‘племянник’ есть основа *bhrāṭṛvyā-* ‘соперник’ (Дыбо 1974: 83); хотя логичнее предполагать поздний переход в баритонезу в слове с долгим гласным в первом слоге. Мнение Г. Моргенштерне о том, что данные слова представляют древние заимствования из пушту (ИФЛ-1: 329–330; NEVP: 91), не лишено почвы, поскольку окончание в том виде, в котором оно отмечено Дж. Грирсоном, указывает на афганское происхождение; также подозрительны фонетический переход **br- > r*, ср. орм. кан. *bras-* ‘гореть’ < **braṣya-*, *braz-* ‘жечь’ < **braž-* (ИФЛ-1: 356; Ефимов 1986: 65) и отсутствие соответствующей формы в логарском диалекте. С другой стороны, сама афганская форма не заканчивается на *-au*, а переход **br- > r* может быть обусловлен местом первоначального ударения. Как бы то ни было, это достаточно сомнительный случай.

57. Афг. *zrā* m. ‘сердце’ — орм. кан. E *zli*, G *zli*; лог. E *zle ~ zli*, M *zli*; парачи E *zor*, M *zur ~ zör* ‘сердце; душа’ (Дыбо 1974: 83; Ефимов 1986: 137; Ефимов 2009: 253; ИФЛ-1: 303, 413; Grierson 1918: 82; NEVP: 103).

В. А. Дыбо считает афганское слово прямым рефлексом праязыкового корневого имени *hṛd-* «с выравниванием по косвенным падежам». Но намного вероятнее, что приведенные формы пушту и ормури указывают на **zṛdīya-*, ср. греч. *καρδία* ‘сердце’, такое решение отмечается В. А. Ефимовым в его монографии про язык ормури (Ефимов 1986: 100, 132). Г. Моргенштерне и ранее В. А. Ефимов реконструировали **zṛdaya-* с переходом **aya- > i* (ср. авест. *zərədaya-* ‘сердце’) (ИФЛ-1: 325; Ефимов 1985: 48), но стоит отметить, что др.-инд. *hṛdaya-* ‘сердце’ указывает на баритонезу, а прилагательное *hṛdayuá-* ‘находящийся в сердце; лежащий на сердце (перен.)’, отмеченное в (BR-7: 1646; Mylius 1980: 581), вряд ли могло быть исходной точкой для образования базового слова ‘сердце’. Форма парачи же отражает корневое имя **zṛd-*.

58. Афг. *lewár* m. ‘брат мужа, деверь’ — парачи M *hīwar ~ hēwar*, *hīwar* ‘брат мужа, деверь’ (Дыбо 1974: 84; ИФЛ-1: 261; ЭСИЯ 2: 310–311; NEVP: 46).

Праформа **daywár-* или **ṭaywár*¹², ср. др.-инд. *devár-* ‘младший брат мужа, деверь’, греч. *δαῖρ* ‘брат мужа, деверь’. Это сопоставление сомнительно, потому что форма парачи неясна: начальный **d-* не должен переходить в *h-*, ударение засвидетельствовано только в одном месте (ИФЛ-1: 49); вероятно, это персидское заимствование, ср. каб. разг. дари (*h*)*ēvar* ‘деверь’ (ЭСИЯ 2: 310; NEVP: 46). Место ударения не совпадает, но в таком случае это не имеет большого значения.

59. Афг. *plār* m. ‘отец’ — орм. кан. E *pye ~ piyé*, G *piē*, лог. E *pe*, M *pē ~ pyē* ‘отец’ (Дыбо 1974: 84; Ефимов 1986: 136; ИФЛ-1: 403; ЭСИЯ 6: 303–305; NEVP: 62).

Праформа **pitár-* (им. п. **pitā*), ср. др.-инд. *pitár-*, им. п. *pitā* ‘отец’. Дж. Ченг возводит *plār* наряду с другими обозначениями близкой степени родства прямо к праязыковому вокативу *pítar* (Cheung 2011: 172), но это маловероятно из-за ударения.

¹² Предположение о возможном нерегулярном видоизменении под влиянием созвучного *lewá* ‘волк’ вполне могло иметь место (NEVP: 46).

I.2.4. Числительные

60. Афг. *yaŋ, yow*, gen. sg. *yaŋwá, f. yaŋwá* — парачи E *ži*, M *žǐ* ‘один’ (Дыбо 1974: 81; Ефимов 2009: 254; ПФЛ-1: 304; ЭСИЯ 1: 135–136; NEVP: 100).

Восходит к **aiwá-* с метатезой, ср. авест. *aēuua* ‘один’. В. А. Дыбо устанавливает праиранское место ударения на основании др.-инд. *evá-, evá* ‘так, только, именно, же’ и *evát* ‘так, таким образом’ (Дыбо 1974: 81). Форма парачи образовалась в результате перехода **aiwa-* > **yaŋwa-* > **yuŋwa-* > **yū* с дальнейшим закономерным переходом **y-* в *ž*. Этимология орм. лог. E *še* M *šē*, кан. E *sa*, M *sō*; ж. р. кан. E *sye* (Ефимов 1986: 158; ПФЛ-1: 407) сомнительна: Х. Бэйли возводил это числительное к праиранскому **aiwa-* наряду с хс. *śśau*, f. *śśā*, для чего необходимо предполагать фонетический переход типа **aiwa-* > **yuŋwa-* > **žū* > хс. *śśau*, орм. лог. E *še* M *šē*, кан. E *sa*, M *sō* с оглушением (Bailey 1979: 404; ЭСИЯ-1: 136). С другой стороны, формы ормури могут восходить и к основе дейктического местоимения **kyo-* (ПФЛ-1: 407). М. Кюммель на основании сравнения форм сакских языков и ормури реконструирует праиранскую основу **syá-* ‘один’, омонимичную указательному местоимению (Kümmel 2016); особенно интересен анализ автором форм ормури (Kümmel 2016: 182–183). По всей видимости, из всех иранских языков только пушту и, возможно, язгулямский, где засвидетельствовано *wū* ‘один (в атрибутивном употреблении)’ (ЭСИЯ-1: 135), сохраняют следы старого ударения.

61. Афг. *ōwá* ‘семь’ — орм. кан. E *wo*, G *hō*; лог. E *wo*, M *wō*; парачи E *hōt*, M *hōt* ‘семь’ (Дыбо 1974: 84; Ефимов 1986: 158; Ефимов 2009: 202; ПФЛ-1: 260, 411; Grierson 1918: 62; ЭСИЯ 3: 362–364; NEVP: 12).

Праформа **haftá-*, ср. др.-инд. *saptá-*, греч. *ἑπτά* ‘семь’. В парачи окситонеза однозначно утеряна. В ормури *o* < **afta-*, ср. орм. кан. лог. E *tok* ‘горячий’ < **táftaka-* (ПФЛ-1: 333; Ефимов 1986: 38–39). При этом начальный *h ~ w* может быть не рефлексом **h*, а вставным согласным на месте исчезнувшей группы согласных **ft*, соответственно, место праязыкового ударения могло быть на последнем слоге, а начальный слог **ha-* отпал (Ефимов 1986: 310–311).

62. Афг. *atá* ‘восемь’ — орм. кан. E *āšt*, G *hāšt*, M *hānšt*; лог. E *āxt*, M *āšt* ‘восемь’; парачи E *ōšt ~ ošt ~ hōšt*, M *ōšt ~ ošt* (Дыбо 1974: 84; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 224; ПФЛ-1: 236, 387; Grierson 1918: 63; ЭСИЯ 1: 248–249; NEVP: 11).

Праформа **aštá-*, ср. др.-инд. *aṣṭáu-*, греч. *ὀκτώ* ‘восемь’. В ормури и парачи наблюдается несоответствие ударения, окситонеза утеряна. Стоит отметить, что подобные закономерные с точки зрения акцентуации формы наблюдаются и в афганском: ср. литер. и диал. *at* ‘восемь’ (ЭСИЯ-1: 249).

63. Афг. *ōwálas* ‘семнадцать’ — орм. кан. E *awés*, G *awēs*, M *awés*; лог. E *awés*; парачи E *hatōs*, M *hattōs* ‘семнадцать’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 200; ПФЛ-1: 260, 388; Grierson 1918: 54; ЭСИЯ 3: 364–365).

Приведенные формы продолжают **haptádaša-*, ср. др.-инд. *saptádaša-* и авест. *haptadasa-* ‘семнадцать’. В ормури и парачи возможно передвижение ударения на предпоследний слог, **haptadáša-*, но возможна и полная потеря заударного слога *-da-* в праформе с закономерным праиранским ударением. Р. Лич отмечает в логарском диалекте вариант с начальным *h-*, записывая форму *haves* (Leech 1838: 729).

64. Афг. *atálas* ‘восемнадцать’ — орм. кан. E *aštés*, G *aštēs*; лог. E *axtes*, M *aštés*; парачи E *aštós ~ aštós*, M *aštōs ~ aštós* ‘восемнадцать’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 172; ПФЛ-1: 237, 388; Grierson 1918: 54; ЭСИЯ 3: 364–365).

Праформа **aštádaša-*, ср. др.-инд. *aṣṭádaša-*, авест. *aštadasa-*. Развитие в ормури и парачи аналогично тому, что в числительном ‘17’. Стоит отметить, что некоторые другие языки имеют подобные формы, ср. заза *haštēs* и осет. *aēstdæs ~ aēstæs* (ЭСИЯ-1: 250).

65. Афг. *pinjós* ~ *panjós* ‘пятьдесят’ — орм. кан. Е *panzāstu*, G *pandzāštū*; лог. Е *panzāxtu*, М *panjāstu*, ‘пятьдесят’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 160; ИФЛ-1: 327; Grierson 1918: 71; ЭСИЯ 6: 117–118).

Праформа **pančāsāt(a)-*, соответствует по ударению греч. *πεντήκοντα*, а не др.-инд. *pañcāśāt*, где, как полагает В. А. Дыбо, произошло выравнивание ударения по примеру других десятков (Дыбо 1974: 85). В парачи заимствование из персидского Е *penjā*, М *pinjā* (Ефимов 2009: 227; ИФЛ-1: 280).

66. Афг. *špetā* ‘шестьдесят’ - орм. кан. Е *šwēštu* ~ *šwištu*, G *šwaišti*; лог. Е *xóxtu*, М *šúštu*; парачи ЕМ *šast* ‘шестьдесят’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 160; Ефимов 2009: 237; ИФЛ-1: 291, 409; Grierson 1918: 77; NEVP: 80).

Праформа **xšwawšti-*, ср. др.-инд. *ṣaṣṭī* ‘шестьдесят’. В парачи и ормури произошла оттяжка ударения на первый слог под влиянием других числительных, на что указывает также замена конечного **i* на *u*.

67. Афг. *awuyā* ~ *ōwuyā*, *ōwiā* ‘семьдесят’ — орм. кан. Е *awāy*, G *awāi*, М *awāi*; лог. Е *awāy*, М *awāitu* ‘семьдесят’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 160–161; ИФЛ-1: 388; Grierson 1918: 54; ЭСИЯ 3: 365–366; NEVP: 12).

Праформа **haptāti* (с растяжением второго слога по аналогии с **aštāti*- ‘восемьдесят’), ср. др.-инд. *saptati*- ‘семьдесят’. И в пушту, и в ормури происходит переход ударения на предпоследний слог в трехсложной форме (Cheung 2009: 118), но окситонеза как таковая сохраняется (Ефимов 1986: 160–161); форма лог. М *awāitu* возникла под влиянием других числительных, обозначающих десятки (ИФЛ-1: 388). В парачи слово образуется другим образом.

68. Афг. *atyā* ‘восемьдесят’ — орм. кан. Е *aštāy*, G *haštāi*; лог. Е *aštāy* (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 161; ИФЛ-1: 391; Grierson 1918: 63; ЭСИЯ 1: 250–251; NEVP: 11).

Праформа **aštāti-*; ср. др.-инд. *aṣṭī-* ‘восемьдесят’. Иранская праформа перестроена под влиянием числительного **aštā-* ‘восемь’. Развитие аналогично тому, что наблюдается в числительном ‘70’. В парачи образовано другим образом.

69. Афг. *nwī*, *nīwī* ~ *nawā*, *nāwī* ‘девяносто’ — орм. кан. GM *nawī* ‘девяносто’; лог. Е *nawī*, М *nīwē* ‘девяносто’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 161; ИФЛ-1: 403; Grierson 1918: 70; ЭСИЯ 5: 518–519; NEVP: 11).

Праформа **nawāti-*, ср. др.-инд. *navati-* ‘девяносто’. Закономерный переход ударения на предпоследний слог **nawāti-* > **nawāti-* (Cheung 2009: 118). В. А. Ефимов считает, что засвидетельствованная им форма логарского диалекта *nawī* является закономерным рефлексом **nawāti-*, но не исключено, что праформу отражает именно вариант М *nīwē*, т. е. **-ati* > орм. лог. *e*, а не *i*¹³, а вторая форма — заимствование из пушту или возникло под его влиянием.

Можно видеть, что в парачи и ормури сохранились только отдельные следы окситонезы в именах, но числительные дают больший процент совпадений с первоначальным местом ударения.

II. Имена с суффиксом **-ka-*

II.1. Barytona (тип А)

По правилу контрастной акцентовки баритонированные имена с суффиксом **-ka-* образованы от основ с окситонезой.

¹³ Ср. окончание *-e* в 3 sg. praes. во всех четырех спряжениях, в связи с чем В. А. Ефимову приходится считать логарские окончания I и III спряжений аналогическими, что нельзя признать безусловно удачным решением (Ефимов 1991: 301–302).

70. Афг. *ózaŷ* m. ‘плечевая кость’ — орм. кан. EG *bazar*, M *bazar*, *bizar* ‘рука (от локтя до запястья)’ (Дыбо 1974: 90; Ефимов 1986: 83; IFL-1: 390; Grierson 1918: 56; ЭСИЯ 2: 161–164; NEVP: 94).

Праформа для афг. *ózaŷ* — **bázuka-* < **bázú-*. Индоиранское ударение устанавливается первоначально по др.-инд. *bāhuka-* ‘плывущий (руками)’, ударение засвидетельствовано у Панини: 4, 4, 7 (Дыбо 1974: 90), производному от др.-инд. *bāhú-* ‘рука’. Впрочем, это один из случаев несогласования ударения между древнеиндийским и греческим, ср. греч. *πῆχυς* ‘локоть; рука; предплечье’, но для праиндоиранского исходная окситонеза производящей основы выглядит бесспорной. Этимологическое соответствие из ормури восходит к **bázura-*, как и афг. *wazár-* ‘крыло; плечо’ с неясными искажениями или контаминацией с другой основой (возможно, **wažaθra-* от корня **waž-* ‘летать’ < ‘ехать’). Место ударения в ормури, так или иначе, точно не засвидетельствовано.

Пар. E *bāz* ~ *bázú*, M *bāzú* ‘рука (от локтя до плеча), плечо’ — заимствование из персидского (Ефимов 2009: 177; IFL-1: 244).

71. Афг. *zámay* m. ‘зима’ ~ орм. кан. E *zímak*; лог. E *zómok*, M *zémāk* ‘зима’ ~ парачи *zéma* (вариант *zematá*) ‘зима’ (Дыбо 1974: 90; Ефимов 1986: 128; Ефимов 2009: 252; IFL-1: 302, 409; NEVP: 102).

Праир. **zímaka-* при производящем **zímá-*, ср. авест. *zəmaKa-* ‘зимняя буря’, др.-инд. *himá-* ‘холодный; зима’. Возможно, рассматриваемые формы появились в результате прохождения через стадию с метатезой **zamika-*, на что могут указывать формы в парачи, где гласный *e* является результатом умлаута, ср. E *ger* ‘камень’ < **gari-*.

Одно из наиболее убедительных соответствий между всеми тремя языками, определенно указывающее на баритонезу. Вариант конечнослогового ударения в парачи, безусловно, вторичен (в этом отношении показательно, что В. А. Ефимов регистрирует только *zéma* для пачаганского и шутульского диалектов).

72. Афг. *máray* m. ‘труп, мертвец’ — формы причастия глагола *mr-* ‘умирать’ в ормури, образующие претеритную основу: кан. E *múl(l)ak*, G. *mul-ak* ~ *mullak*, f. *malk*, лог. E *mól(l)ok*, M *múlluk*; парачи M *múrō*, E *móru* ‘мертвый’; M *múrda*, E *morda* ‘покойник’ (Дыбо 1974: 90; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; IFL-1: 273, 400; Grierson 1918: 68; ЭСИЯ 5: 210–211; NEVP: 51).

Сравниваемые формы так или иначе продолжают праформу причастия **mṛtaka-* < **mṛtá-*, в древнеиндийском соответствиями являются *mṛtá-* ‘мертвый’ и *mṛtaka-* ‘умерший, труп’ с незасвидетельствованным ударением. В парачи M *múrda*, E *morda* ‘покойник’ заимствовано из персидского, но ударение, вероятно, под влиянием исконного M *múrō*, E *móru* ‘мертвый’ (это же относится и к варианту *múrda*, отмеченному Г. Моргенштерне).

При рассмотрении родственных форм в ряде индоевропейских языков можно найти указания на существование то ли другого варианта ударения, то ли параллельной баритонированной основы **mṛta-* со значением ‘убийство’, ср. прагерм. **múrpa-* ‘убийство’ (др.-англ. *mord*, др.-в.-нем. *mord* ‘убийство’) < **mṛto-* (Orel 2003: 277; Kroonen 2013: 378). С сомнением сюда же можно отнести греч. *βρότος* ‘кровь из раны, запекшаяся кровь’, в отношении семантики допустимо сравнить лат. *cruior* ‘кровь (вытекшая из раны); кровопролитие, убийство; кровь, капли крови’ (OLD: 462). Др.-инд. *mṛtá-* n. ‘смерть’ указывает при этом на окситонезу, но ударение в древнеиндийском существительном может быть вторичным под влиянием причастия *mṛtá-*.

73. Афг. *tázay*, ванечи *tárza* ‘томимый жаждой, жаждущий’ — в ормури формы причастий кан. EG *tatak*, f. E *totk*, G *tōtk* от *tr-* ‘пить’; прилагательное кан. E *trának*, G *tranak*; лог. E *trónok*, M *trúnuk* ‘испытывающий жажду’; парачи E *tan*, M *thân* ‘испытывающий жажду, желающий пить; жажда’, также M *tána*, *tan* ‘испытывающий жажду’ (Дыбо 1974:

90–91; Ефимов 1986: 129, 192; Ефимов 2009: 242; PFL-1: 293–294, 410; Grierson 1918: 79; NEVP: 81).

В. А. Дыбо реконструирует для праиндоевропейского **tṛ̥suka-* < **tṛ̥sú-*. Индоевропейские соответствия, указывающие на место ударения, — др.-инд. *tṛ̥ṣú-* ‘жадный, жаждущий’; прагерм. **purzu-* < **pursú-* (др.-в.-нем. *durri*, др.-сакс. *thurri*, др.-англ. *pyrre* «с перестройкой *u*-основы в основу на *-ja-*») (Дыбо 1974: 90–91). Наиболее близкое к *táḡay* образование — безусловно, орм. *tatak* < **tṛ̥štaka-*, однако ударение не засвидетельствовано. Косвенным свидетельством в пользу ударения *tátak* могут служить близкие по форме и значению прилагательные лог. *trónok*, кан. *trának* ‘испытывающий жажду, желающий пить’, восходящие к **tṛ̥šnaka-* или **táršnaka-* с дальнейшим видоизменением под влиянием глагола *tr-* ‘пить’ или ранней метатезой. Для праиранского причастия **tṛ̥štaka-* закономерным будет баритонное ударение по контрасту, ср. др.-инд. прич. *tṛ̥ṣṭá-* при глаголе *tṛ̥ṣyati* ‘испытывает жажду’. Форма парачи *tána*, как кажется, тоже указывает на **tṛ̥šnāk(ā)-* или **táršnā(kā)-* при Е *tan*, М *than* < **táršnā-* ‘жажда’ (в древнеиндийском *tṛ̥ṣṇā-* ‘жажда’, в авестийском — *taršna-* ‘жажда’).

74. Афг. *žáway* ‘живой’ — прямого соответствия нет, в парачи Е *jánō*, *jánu*, М *jánō* ‘живой’ (Дыбо 1974: 91; Ефимов 2009: 218; PFL-1: 262; ЭСИЯ 3: 210–211; NEVP: 51).

При том, что афг. *žáway* восходит к **jṛ̥waka-* < **jṛ̥wá-* (ср. др.-инд. *jṛ̥wá-* ‘живой, живущий; животворный’), праформа для парачи — **j(i)wāntaka(hya)-*. Место первоначального ударения в парачи теоретически могло быть на втором слоге, тогда это баритонеза **j(i)wān(t)aka-*. Для данной формы трудно определить закономерное ударение.

75. Афг. *stóray* m. ‘звезда’ — орм. кан. G *stirrak*; лог. Е *stešák* ‘звезда’; парачи Е *estéč* ~ *éstěč*, М *estěč*, мн. ч. *estěcán* и *éstěcán* ‘звезда’ (Дыбо 1974: 92; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; PFL-1: 236, 407; Grierson 1918: 75; NEVP: 77).

Для пушту устанавливается праформа **stáraka-*, имеющая точную древнеиндийскую параллель *táraka-* ‘звезда’. Если форма в парачи восходит к **stár-či-*, а формы ормури — к **stár-či-kā-*, тогда окситонеза в ормури не противостоит баритонезе, засвидетельствованной в афганском, а получена по правилу контрастного ударения от **stár-či-*. В данном случае сложность с определением закономерного ударения **stár-či-* вызывает неясность изначальной акцентуации ведийского корневого имени *stár-* ‘звезда’, от которого засвидетельствована только форма InstrPl *stṛ̥bhis*.

В. А. Дыбо отметил в своей работе большое количество афганских производных имен, но данный список можно расширить. Вот лишь некоторые примеры, в которых прослеживаются этимологические связи между основами афганского, ормури и парачи.

76. Афг. *wáḡay*, ванечи *wáḡay* m. ‘колос; гроздь’ — парачи М *uḡa* ‘колос’ (ЭСИЯ-1: 269–270; NEVP 86).

Праформа **áušaka-* ‘колос’. Можно предполагать, что данная основа связана с праир. *awš-* : *uš-* ‘ухо’ или названием для овса и других злаков, ср. лит. *avižà* (3) ‘овес’, праслав. **ovьsbь* ‘овес’, лат. *aiēna* ‘овес’ (ЭСИЯ-1: 269–270). И та, и другая этимология предполагают производность по отношению к изначальное окситонированному или с подвижным ударением имени (ср. лит. *ausis* (4) ‘ухо’). Место ударения в парачи не отмечено.

77. Афг. *wáḡay*, ванечи *wárža* ‘голодный’ — парачи М *ḡurča* ‘голодный’ (NEVP: 86–87).

Праформа **wṛ̥šaka-*; в западноиранских языках распространен вариант **wṛ̥šnaka-* (Klingenschmitt 2000: 208; Cathcart 2019: 13). В парачи ударение совпадает с афганским.

78. Афг. *wárgay* f. ‘почка’ — орм. кан. Е *ḡulkák* ‘почка’ (Ефимов 1986: 91; NEVP: 89).

Праформа **wṛ̥tkaka-* с контрастной баритонезой, ср. др.-инд. *wṛ̥kká-*, авест. *warəḡka-* ‘почка’, по всей видимости, от глагола **wert-* ‘поворачивать’ (EWAia II: 571–572). Форма ормури может указывать на незакономерную окситонезу **wṛ̥tkaká-* или же второй суф-

фикс **(a)ka-* присоединился к основе с конечным ударением **wrtká-* в более позднюю эпоху развития предка ормури, когда уже не действовало древнее правило акцентовки по контрасту.

II.2. Oxytona (Тип В)

По правилу контрастной акцентовки окситонированные имена с суффиксом **-ka-* образованы от основ с баритонезой.

Здесь следует особо отметить, поскольку В. А. Дыбо не комментирует этот аспект, а он важен для сопоставления между собой фактов пушту, ормури и парачи, что в афганском и при окситонезе происходит перенос ударения на предпоследний слог с дальнейшим усечением последнего слога **-ka* до *-y*. Похожие процессы наблюдаются также в парачи и ормури.

79. Афг. *trauáú* m. ‘раб, невольник’ — орм. кан. E *mrík*, G *mrīg* ~ *mrík*, pl. *mradzī* ‘раб, невольник, слуга’ (Дыбо 1974: 93; Ефимов 1986: 129; ЭСИЯ 5: 217–218; NEVP: 52).

Оба слова восходят к праформе **maryaká-* < **márya-*, ср. др.-инд. *márya-* ‘молодой мужчина; жених; молодой женатый мужчина’, авест. *ma'riia* ‘мужчина (дэвовское слово); лжец; негодяй, подлец’ и др.-инд. *maryaká-* ‘человечек’. Среди иранских соответствий стоит отметить др.-перс. *marika* ‘человек из свиты, подданный’, ср.-перс. *mylk'* /*mērag*/ ‘молодой человек, состоявшийся в обществе; муж’, бактр. *μαρηγο* [*marēg/γ*] ‘раб, слуга’ (ЭСИЯ 5: 217–218).

По всей видимости, данная основа в ормури претерпела следующие изменения: **maryaká-* > **mariká-* > **məríká-* > **mərík* > *mrík*. Переход ударения с третьего на второй слог с дальнейшим усечением последнего слога в основах на **-ka* стандартен для ормури (как и для парачи), но старое место ударения все равно надежно устанавливается благодаря синкопе первого слога.

Безусловно, подобное безупречное совпадение по форме и значению между ормури и афганским может заставлять подозревать древнее заимствование из афганского в ормури, но в свете всех имеющихся данных по многочисленным схождениям между языками¹⁴ это скорее древняя изоглосса, поддерживаемая важным бактрийским соответствием с аналогичным значением.

80. Афг. *nwasáy* m. ‘внук’ — парачи E *nawá*, M *nawá* ‘внук’ (Дыбо 1974: 94; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; ПФЛ-1: 273, 400; ЭСИЯ 5: 210–211; NEVP: 51).

В. А. Дыбо реконструирует **naptraká-*, но Д. И. Эдельман отмечает, что более вероятна реконструкция **napā(t)saká-*, в ее формулировке — «ном. **napāts* > **napās* с наращением суффикса *-aka*» (ЭСИЯ 5: 473). Относительно пар. *nawá* Г. Моргенштерне полагает, что это прямое продолжение праформы **nápāt-* с переносом ударения на тяжелый слог с долгим гласным, но возможно и отражение **napātaká-* или *napā(t)saká-*, соответственно, слова афганского и парачи могут быть продолжением одной праформы.

Парачи *net* ‘внучка’ является примечательным словом, отражающим древнее имя **naptí-* или **naptī-*, ср. др.-инд. *naptí-* ~ *naptī-*, авест. *naptī-* ‘дочь, племянница’; в других средне- и новоиранских языках его прямое продолжение не сохранилось.

Засвидетельствованные в ормури формы кан. M *nwasai* и лог. M *nwasái* ‘внук’ явно заимствованы из пушту (ПФЛ-1: 413; ЭСИЯ 5: 473).

81. Афг. *wráy* m. ‘ягненок’, f. *wráy* — парачи M *γarō* ‘ягненок, овца’, gen. sg. *γarwika* < **waraká-* (Дыбо 1974: 90; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; ПФЛ-1: 256; NEVP: 91).

¹⁴ В пользу унаследованного характера слова говорит также тот факт, что форма множественного числа устроена архаичным образом с аблаутом.

Окситонеза **waraká-* образована по правилу контрастного ударения от вед. *úrān-*, *úrāṇa-* ‘ягненок’ и продолжает более раннюю иранскую праформу **warnká-* (Hoffmann 1992: 791–792). Производное в парачи М *mogorúk* ‘овца’ (IFL-1: 271) может дополнительно указывать на происхождение от основы с суффиксом *-ka*, хотя неясно происхождение *r* в этой форме (< праир. **-rt-*, **-rd-* ?).

82. Афг. *axšáy* м. ‘шурин, зять’ — орм. кан. EG *xsir*; лог. М *xusúr* ‘свекор, тесть’; парачи М *xásur* ~ *xasúr* ‘свекор’ (Дыбо 1974: 94; Ефимов 1986: 146; IFL-1: 300, 413; Grierson 1918: 65; ЭСИЯ 3: 487–488; NEVP: 12).

Праформой для пушту должна служить **(ā)-hwaśruká-* или **(ā)-hwaśuryaká-* при производящей основе **hwásura-*, ср. др.-инд. *śváśura-* ‘свекор’, герм. **swéhuraz* ‘свекор’ (др.-в.-нем. *swehur*, др.-англ. *sweor*). Формы ормури и парачи являются заимствованиями, хотя и приведены в «Этимологическом словаре иранских языков» как исконные. Они не только фонетически напоминают соответствующее дари *xusur* ‘свекор’, но и имеют морфологические признаки, сопутствующие заимствованным словам: орм. *xōšāi* имеет суффикс афганского типа, а орм. *xsir* образует множественное число *xsiráni*, подобно таким очевидным заимствованиям, как *insān* ‘человек’, pl. *insānāni* (Ефимов 1986: 146).

83. Афг. *zyaráy* ‘желтый, бледный’, *zēṛáy* м. ‘желтуха (болезнь); желток яйца’ — парачи Е *zíta*, М *zītō* ~ *zítu* ~ *zíta* ‘желтый’ (Дыбо 1974: 95; Ефимов 1997: 472; IFL-1: 303; NEVP: 104).

Праформа **zaritaká-*, образованная от уже обсуждавшейся выше основы **záríta-*. В парачи *zíta* является прямым продолжением **záríta-* и, вероятно, влияет на ударение в форме *zītō* < **zaritaka(hya)-*.

Следует отметить, что и список окситонированных основ также может быть расширен, вот лишь один пример:

84. Афг. *māžáy*, ванечи *merža* м. ‘муравей’ — орм. кан. Е *marcōi*, GM *mārcōi* ‘муравей’; парачи М *mīčō* (Ефимов 1986: 70; IFL-1: 270, 400; Grierson 1918: 68; ЭСИЯ 5: 246–248; NEVP: 48).

В статье В. А. Дыбо данное слово не рассматривается, вероятно, в связи с тем, что этимология затемняется вторичным *-r-*. Праформа **marwičaká-*, ударение производящей основы проследить проблематично: др.-инд. *vamrá-* ‘муравей’ с метатезой (EWAia II: 507), при этом греч. *μύρμαξ* ‘муравей’ может указывать на баритонезу.

Форма логарского диалекта М *turčá* является заимствованием из персидского (IFL-1: 400).

В ормури и парачи есть также некоторое количество производных основ на **-ka*, указывающих на окситонезу, но не имеющих афганских соответствий. Например, можно отметить такие случаи:

Орм. кан. Е *wak*, лог. Е *wok*, ‘вода’ < **āwáka-* < **āpáka-*, производящее **ápa-*, ср. др.-инд. *ápa-* ‘вода’ наряду с корневым именем *áp-*;

Орм. лог. Е *daská* ‘шерстяная нить’ < ‘скрученная из десяти нитей’ < праир. **daśka-* ‘десятка’, уверенно возводится к праир. **daśaká-* < **dásá-* ‘десять’ и т. д. (Ефимов 1985: 53–56; Ефимов 1986: 129–131).

Приведенные данные показывают, что в парачи и ормури акцентуация имен на **-aka* сохранилась лучше, чем акцентуация непродуцированных основ.

III. Глаголы

Глаголы в ормури обнаруживают различие в акцентуации между окситонированными и баритонированными основами, рассмотренное специально в работе Ефимов

1979. Ударение глаголов в парачи устроено в соответствии с теми же принципами и исследуется в соответствующем разделе обзора Ефимов 1997. Следует отметить, что этимологических соответствий между глаголами и конкретными глагольными основами в афганском, ормури и парачи относительно немного. Далее будут рассмотрены только некоторые случаи — вопрос требует отдельного рассмотрения.

III.1. Баритонеза

85. Афг. *wúzi*, inf. *watál* ‘выходит, выступает’ < **vázäi* < *váza'ti* — орм. кан. Е $\gamma^wáz-$, G $\gamma waz-$; лог. Е $\gammaóz-$, М $\gammaüz-$ ‘падать’ (Дыбо 1989: 110; Ефимов 1986: 182, 187; IFL-1: 396–397; Grierson 1918: 61; NEVP: 94; Cheung 2007: 429–432).

Праформа **wázati*, ср. др.-инд. *váhati* I ‘везет, переправляет, ведет, приносит’.

86. Афг. *žáři*, inf. *žārál* ‘плачет’ < **žáräi* < **žára'ti* — парачи *jař-*, основа претерита *jaří-* ‘говорить’, 1 sg. aor. *jařém*, 3 sg. pret. *jaři* ~ *jaři* (Дыбо 1989: 110; Ефимов 2009: 204; IFL-1: 262–263; NEVP: 105; Cheung 2007: 106).

В. А. Дыбо сравнивал афганские формы с др.-инд. *járata* ‘звучит, кричит, зовет’. Дж. Ченг относит данный глагол с вопросом к корню **gard-*, что правдоподобно ввиду ретрофлексного *r* (Cheung 2007: 106), хотя его происхождение можно искать в претеритальной основе (NEVP: 105). В парачи ударение неясно, но отчетливо тяготеет к окситонезе. Таким образом, при общем происхождении глаголы пушту и парачи демонстрируют несоответствие в акцентровке.

87. Афг. *árwi* ~ *áwri*, inf. *awredál* ‘слышит’ < **árwäi* < **hárwa'ti* — парачи Е *harw-* : *harwí* ‘слышать’, 1 sg. aor. *hárwem* ~ *harwém* (Дыбо 1989: 112; Ефимов 2009: 204; IFL-1: 260; ЭСИЯ 2: 367–369; NEVP: 10; Cheung 2007: 129–130).

Авест. *hauruuati* ‘заботится, охраняет’. В парачи наблюдается колебание в ударении презентной основы. Интересно, что в тексте, записанном Г. Моргенштерне, отмечена форма *hárwē* ‘слышал’. Не исключено, что изначальной является именно баритонеза. Важная изоглосса между авестийским, афганским и парачи (ЭСИЯ 2: 367–369).

88. Афг. *wáli*, inf. *wištál* ‘бросает, ударяет, стреляет, поражает’ < **wáläi* < **wíd'ya'ti* — парачи Е $\gamma ošt-$, М $\gamma uh-$: $\gamma ušt-$ ‘бросать; класть, помещать’, 1 sg. aor. *γuhém* (Дыбо 1989: 113; Ефимов 2009: 199; IFL-1: 255; NEVP: 87).

Др.-инд. *vidhyati* ‘прокалывает, попадает, ранит, вредит’. В парачи незакономерная окситонеза.

Таким образом, между афганским и ормури и/или парачи прослеживается только одно надежное этимологическое соответствие с одинаковой акцентуацией: афг. *wúzi*, inf. *watál* ‘выходит, выступает’ — орм. лог. Е $\gammaóz-$, М $\gammaüz-$, кан. Е $\gamma^wáz-$, М γ^waz- ‘падать’.

При этом как в ормури, так и в парачи засвидетельствованы баритонированные основы иранского происхождения, например, орм. лог. кан. Е *zán-* ‘бить’, парачи Е *janem* ‘бить’ < **jánäi* < **jánati*; орм. лог. Е $\gamma óš-$, кан. Е γ^was- ‘говорить’ < **wáxšyati*; парачи Е $\gamma áf-$ ‘ткать’ < **wáfati* (Ефимов 1986: 179; Ефимов 1997: 473).

III.2. Окситонеза

89. Афг. *ždi*, inf. *kše-ždál*, *kše-šowál* < **ždí* < **arzái* < **harzáti* ‘кладет’ — орм. кан. Е $ž-$ ‘оставлять’; лог. Е $g-$ ‘класть’ (Дыбо 1989: 119–120; Ефимов 1986: 179; IFL-1: 394; Cheung 2007: 132–133).

Основы презенса являются окситонированными как в афганском, так и в ормури и представляют отличную параллель. Причастия в ормури имеют ожидаемую бари-

тонную акцентровку по контрасту: лог. Е *wótok*, М *wútuk*, кан. EGM *hatak* < **hr̥ztaka-* < **hr̥ztá-*.

Др.-инд. *srjāti* VI ‘освобождает, отпускает; позволяет, бросает; льет, проливает’.

90. Афг. *wrí*, inf. *wrál* ‘несет, уносит, переносит’ — орм. кан. лог. ЕМ *war-*, G *w^{ar}-* ‘нести’, претеритальная основа кан. Е *wúlak*, G *w^{al}ak*, лог. Е *wólok*, М *wúluk* ‘приносить’; парачи *bar-* : *boṛ-* ‘нести’, 1 sg. aor. Е *barém* (Дыбо 1989: 119–120; Ефимов 1986: 179; Ефимов 2009: 175; Ефимов 2011: 304; ПФЛ-1: 242, 411; Grierson 1918: 81; ЭСИЯ 2: 84–87; NEVP: 92; Cheung 2007: 132–133).

По мнению В. А. Дыбо, афганские данные указывают на перестройку атематической парадигмы типа др.-инд. 3 л. ед. ч. *bhárti*, 3 л. мн. ч. *bhránti* ‘нести’ с появлением вторичной нулевой ступени. Пушту и ормури показывают несовпадение основ: орм. *war-* восходит к **ā-bar-*, по всей видимости, с акцентуацией **ā-bárati*, свойственной для тематической основы I класса.

Парачи *bar-/boṛ-* также отражает, вопреки (Ефимов 1997: 473), колебание между баритонезой и окситонезой. Не исключено, что в истории и этого языка происходила замена атематического типа тематическим, которая в отдельных глаголах привела к сосуществованию двух типов основ, в данном случае **bárati* ~ **bárti*.

91. Афг. *kāṇéy* ‘делает’ (2 pl. imper. от *kawál* ‘делать’) — парачи *kan-* ‘делать’, ср. 1 sg. aor. *kaném* (Дыбо 1989: 122–123; Ефимов 2009: 206–207; ПФЛ-1: 266; ЭСИЯ-4: 246–251; NEVP: 40; Cheung 2007: 236–238).

Основа может быть сопоставлена с др.-инд. *kṛnóti* ‘делает’.

92. Афг. *kawí*, inf. *kawál* ‘делает, создает, творит’ < **karvái* < **karváti* — орм. кан. Е *k-* *kaw-* *kay-* ‘делать’; лог. Е *k-* (Дыбо 1989: 123; Ефимов 1986: 179; ПФЛ-1: 398; NEVP: 40).

Возможно, соотносится с локальным др.-инд. *karóti* (AV) ‘делает’. Данное сопоставление между пушту и ормури привлекает особое внимание: глагол ‘делать’ образован от одной основы, внутри иранских языков нет других соответствий, продолжающих праформу **karwáti*. Рассматриваемое соответствие может быть важной изоглоссой между ормури и афганским, если только формы ормури не заимствованы из пушту, а те, в свою очередь, — из индийских языков (ПФЛ-1: 398; Ефимов 1986: 193).

93. Афг. *larí*, inf. *larál* ‘имеет, владеет; хранит, сохраняет’ < **larái* < **daráyati* или **dāráyati* — орм. кан. лог. EGM *dar-* ‘иметь’, лог. 1 sg. aor. М *darím* ‘имею’; парачи Е *dēr-* ~ *dér-* ‘иметь’, 1 sg. aor. Е *dérem* (Дыбо 1989: 123–124; Ефимов 1986: 182; Ефимов 1997: 473; Ефимов 2009: 187; ПФЛ-1: 250, 393; Grierson 1918: 57; ЭСИЯ-2: 332–335; NEVP: 44; Cheung 2007: 57–59).

Праформа **dāráyati* подтверждается др.-инд. *dhāráyati* ‘держит, несет, сохраняет’. В парачи форма *dérem* < **dārayami* с вторичной баритонезой.

94. Афг. *lwaní*, inf. *lustál* ‘сыплет, рассыпает, посыпает; брызгает, разбрызгивает; опрыскивает’ < **dwanái* < **dwanáyati* — орм. кан. лог. EGM *ban-* 1 sg. aor. М *baním* ‘бросать’ (Дыбо 1989: 123–124; Ефимов 1986: 182; Ефимов 1997: 473; Ефимов 2009: 187; ПФЛ-1: 250, 393; Grierson 1918: 55; ЭСИЯ-2: 494–496; NEVP: 44; Cheung 2007: 83).

Сравнивается с авест. *dwaṇayati* ‘взлетать вверх’, возможно, с др.-инд. *dhvaṃsáyati* ‘сыплет, рассыпает, разбрасывает, рассеивает’ и др.-инд. *dhvasáyati* ‘брызгает, прыскает, моросит’ (Дыбо 1989: 124).

В ормури безударная основа IV класса, соответственно, она отражает окситонезу.

Данное сближение между ормури и афганским имеет дополнительное значение для уточнения места парачи и ормури среди иранских языков: надежные продолжения основы **dwan-* встречаются только в восточноиранских языках (ЭСИЯ 2: 494–495; Cheung 2007: 83). Кроме того, как отмечает В. А. Дыбо, только в афганском, ормури и, возможно, хотаносакском наблюдается рефлекс короткого *a* (Дыбо 1989: 124).

Наконец, только три бесприставочных глагола в афганском относятся В. А. Дыбо к типу с подвижным ударением (Дыбо 1989: 133–135). Один из них имеет соответствие в ормури и парачи.

Афг. *leži*, inf. *lažál*, *lašál* ‘грузит; посылает, отправляет, отправляет, направляет’, но ср. *aw leži ye* ‘и отправляет его’, *aw leži mi* ‘и отправляет меня’ < **leži* < **leži* < **darzáyati* — орм. кан. Е *daž-*, G *daž-yek* ‘грузить’; парачи Е *derz-*, 1 sg. aor. *derzém*, 1 sg. pret. *derzím* ‘погружать на спину’ (Дыбо 1989: 134–135; Ефимов 1986: 69; PFL-1: 251, 393; Grierson 1918: 58; ЭСИЯ 2: 365–367; Cheung 2007: 62–64).

Первоначальное место ударения наблюдается в древнеиндийском и в других индо-европейских языках не засвидетельствовано (Дыбо 1989: 135).

После данного обзора, который вовсе не претендует на полноту, можно констатировать, что в целом акцентуационные системы пушту, ормури и парачи определенно указывают на историческую идентичность акцентуации. Несовпадения между ормури и парачи и афганским встречаются (наиболее системный случай — переход двусложных имен в парачи и ормури в баритонезу из окситонезы), но в целом акцентные парадигмы в рассматриваемых языках сводимы к общему источнику.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в пушту, парачи и ормури зачастую представлены производные с различными суффиксами; однако правило контрастного ударения позволяет проследить исходную акцентуацию. Некоторые основы также испытывали влияние соседних языков, соответственно, спорен их статус как унаследованных.

Описанная ситуация, как представляется, позволяет упрочить вывод о генетическом положении ормури и парачи среди иранских языков. Безусловно, сам по себе факт сохранения в этих языках разноместного ударения ведийского типа, хотя и менее последовательного, чем в афганском, не может быть свидетельством в пользу генетической классификации, потому что является архаизмом, а не общей инновацией. Но сохранение осколков подобной акцентуационной системы разводит ормури и парачи с западными иранскими языками, утратившими ее на самом раннем этапе, и помещает в ряд восточноиранских языков, также в разной степени сохраняющих ее следы (пушту, мунджанский и йидга). Если учесть тот факт, что именно с этими же языками у ормури и парачи имеются многочисленные лексические и морфологические изоглоссы, можно считать сходение парачи и ормури с афганским дополнительным аргументом в пользу их восточноиранского происхождения¹⁵.

Литература

- Абаев, В. И. 1924. Об ударении в осетинском языке. *Доклады российской академии наук. Серия Б*: 152–155.
 Абаев, В. И. 1958–1995. *Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I: A-K; Т. II: L-R; Т. III: S-T; Т. IV: U-Z*. Москва / Ленинград: Издательство АН СССР.
 Асланов, М. Г. 1966. *Афганско-русский словарь (пушту)*. Москва: Советская энциклопедия.
 Герценберг, Л. Г. 1981. Об афганском ударении. *Иранское языкознание. Ежегодник 1980*. Москва: 48–56.

¹⁵ Я употребляю традиционные термины «западноиранские» и «восточноиранские» языки исключительно в целях удобства: А. Корн показала, что иранская общность должна члениваться не так, как предполагалось при традиционном подходе (Korn 2016; Korn 2019), а для древнейшей эпохи в истории иранских языков может иметь большее значение разделение на центральные и периферийные иранские диалекты. Соответственно, говоря о «восточноиранском» происхождении ормури и парачи, я подразумеваю их генетическую близость к ряду языков, относящихся в традиционной модели к восточноиранским.

- Грюнберг, А. Л. 1987. *Очерк грамматики афганского языка (пашто)*. Ленинград: Наука.
- Грюнберг, А. Л., Д. И. Эдельман. 1987. Афганский язык. В кн.: В. И. Абаев, М. Н. Боголюбов, В. С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа*: 6–154. Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1961. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. *Вопросы славянского языкознания* 5: 9–34.
- Дыбо, В. А. 1970. О рефлексах индоевропейского ударения в афганском. В кн.: *Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания*: 10–14. Москва: Институт языкознания АН СССР.
- Дыбо, В. А. 1972. О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках. В кн.: С. Б. Бернштейн (ред.). *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12–14 декабря): Предварительные материалы*: 38–44. Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1974. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. I. Именная акцентуация. В кн.: Т. М. Судник (ред.). *Балто-славянские исследования*: 67–105. Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1989. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. II. Глагольная акцентуация. В кн.: Н. И. Толстой (ред.). *Славянский и балканский фольклор. Прология: Сборник статей*: 106–147. Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1990. О ритмической концепции Л. Г. Герценберга в пуштунской акцентологии. В кн.: В. М. Гусалов (ред.). *Вопросы иранистики и алановедения (Научная конференция, посвященная 90-летию В. И. Абаева). Владикавказ, 18–20 октября 1990 г. Тезисы докладов*: 10–12. Владикавказ: Северо-Осетинский НИИ ИФЭ.
- Дыбо, В. А. 2007. Рефлексы индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках (в защиту концепции Х. Педерсена). В кн.: И. С. Смирнов (ред.). *Аспекты компаративистики* 2: 11–27. Москва: РГГУ.
- Дыбо, В. А. 2011. Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии. В кн.: Е. К. Молчанова (ред.). *Лексика, этимология, языковые контакты: к юбилею доктора филологических наук, профессора Д. И. Эдельмана*: 92–167. Москва: Тезаурус.
- Дыбо, В. А. 2016. Акцентная система пракельтского языка на фоне акцентных систем других северо-западных индоевропейских языков. *Вопросы языкового родства* 14: 29–57.
- Ефимов, В. А. 1976. Общие черты эволюции категории рода в иранских языках (на материале существительных и прилагательных). В кн.: В. С. Расторгуева (ред.) *Иранское языкознание: история, этимология, типология (к 75-летию проф. В.И. Абаева)*: 23–34. Москва: Наука.
- Ефимов, В. А. 1979. О некоторых архаических чертах морфологической структуры презенса в ормури. В кн.: *Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Душанбе. 12-15 ноября 1979 г.). Тезисы докладов и сообщений*. Москва: Издательство АН СССР.
- Ефимов, В. А. 1985. Ударение в языке ормури. *Индоиранское языкознание. Ежегодник 1981*. Москва: 31–64.
- Ефимов, В. А. 1986. *Язык ормури в синхронном и историческом освещении*. Москва: Наука.
- Ефимов, В. А. 1991. Ормури. В кн.: В. С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа I*: 247–315. Москва: Наука.
- Ефимов, В. А. 1997. Парачи. В кн.: В. А. Ефимов (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа II*: 419–560. Москва: Восточная литература РАН.
- Ефимов, В. А. 2009. *Язык парачи*. Москва: Восточная литература.
- Соколова, В. С. 1967. *Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение.
- Трофимов, А. А. 2014. К проблеме реконструкции и.-е. **kušep-* ‘ночь’. *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XIX*: 899–909.
- Трофимов, А. А. 2019. О рефлексах праиндоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни. *Вопросы языкового родства* 17: 341–348.
- Трофимов, А. А. 2021. Ударение множественного числа имен с показателем *-ān* в парачи и его связь с праиранской акцентуацией. *Вопросы языкового родства* 19: 210–231.
- Трофимов, А. А. 2022. Наблюдения над ударением в пушту, парачи и ормури. В кн.: *Сравнительно-историческое языкознание XIX–XXI вв. К 200-летию со дня рождения Августа Шлейхера (1821–1868): материалы XI Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23–25 ноября 2021 г.)*: 114–121. Москва: Издательство МГУ.
- Цаболов, Р. Л. 2010. *Этимологический словарь курдского языка Т. II. Н-З*. Москва: Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения.

- Эдельман, Д. И. 1985. К характеристике общеиранской акцентной системы. *Иранское языкознание. Ежегодник* 1981. Москва: 75–85.
- ЭСИЯ = Расторгуева В. С., Д. И. Эдельман. 2000-. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва: Восточная литература РАН.

References

- Abaev, Vasily I. 1924. Ob udarenii v osetinskom jazyke. *Doklady rossijskoj akademii nauk. Serija B*: 152–155.
- Abaev, Vasily I. 1958–1995. *Istoriko-étimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka*. Vol. I: A-K; Vol. II: L-R; Vol. III: S-T; Vol. IV: U-Z. Moskva / Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Aslanov, Martiros G. 1966. *Afgansko-russkij slovar (pushtu)*. Moskva: Sovetskaja énciklopedija.
- Bailey, Harold W. 1979. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge / London / New York / Melbourne: Cambridge University Press.
- Bartholomae, Christian. 1904. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag von Karl J. Truebner.
- Bečka, Jiří. 1969. *A Study in Pashto Stress (Dissertationes Orientales, 12)*. Prague: Oriental Institute in Academia.
- Beekes, Robert S. P. 2010. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden / Boston: Brill.
- BR = Böhtlingk, Otto, Rudolph Roth. 1855–1875. *Sanskrit Wörterbuch, herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von Otto Böhtlingk und Rudolph Roth*. 7 Bde. St.-Petersburg: Eggers.
- Cabолоv, Ruslan L. 2010. *Étimologičeskij slovar' kurdskogo jazyka*. Vol. II. N-Z. Moskva: Ros. akad. nauk. Institut Vostokovedenija.
- Cathart, Chundra A. 2022. Dialectal layers in West Iranian: a Hierarchical Dirichlet Process Approach to Linguistic Relationships. *Transactions of the Philological Society* 130: 1–31.
- Cheung, Johnny. 2007. *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden / Boston: Brill.
- Cheung, Johnny. 2009. Selected Pashto problems. I: The accent in Pashto. *Persica* 23: 109–121.
- Cheung, Johnny. 2011. Selected Pashto problems II. Historical phonology 1: On vocalism and etyma. *Iran and Caucasus* 15: 169–205.
- Dybo, Vladimir A. 1961. Sokrashčenie dolgot v kel'to-italijskix jazykax i ego znachenie dl'a balto-slav'anskoj i indoevropskoj akcentologii. *Voprosy slav'anskogo jazykoznanija* 5: 9–34.
- Dybo, Vladimir A. 1970. O refleksax indoevropskogo udarenija v afganskom. In: *Aktual'nyje voprosy iranistiki i sravnitel'nogo indoevropskogo jazykoznanija*: 10–14. Moskva: Institut jazykoznanija RAN / Nauka.
- Dybo Vladimir A. 1972. O refleksax indoevropskogo udarenija v indoiranskix jazykax. In: S. B. Bernshtein (ed.). *Konferencija po sravnitel'no-istoričeskoj grammatike indoevropskix jazykov (12–14 dekabr'a): Predvaritel'nye materialy*. Moskva: Nauka.
- Dybo, Vladimir A. 1974. Afganskoe udarenie i ego znachenie dl'a indoevropskoj i baltoslav'anskoj akcentologii. I. Imennaja akcentuacija. In: T. M. Sudnik (ed.). *Baltoslav'anskie issledovanija*: 67–105. Moskva: Nauka.
- Dybo, Vladimir A. 1989. Afganskoe udarenie i ego znachenie dl'a indoevropskoj i baltoslav'anskoj akcentologii. II. Glagol'naja akcentuacija. In: N. I. Tolstoj (ed.). *Slav'anskij i balkanskij fol'klor. Prosodija. Sbornik statej*: 106–147. Moskva: Nauka.
- Dybo, Vladimir A. 1990. O ritmičeskoj koncepcii L. G. Gercenberga v pushtunskoj akcentologii. In: V. M. Gusalov (ed.). *Voprosy iranistiki i alanovedenija (Nauchnaja konferencija, posv'ashčennaja 90-letiju V. I. Abaeva)*. Vladikavkaz, 18–20 okt'abr'a 1990 g. *Tezisy dokladov*: 10–12. Vladikavkaz: Severo-Osetinskij NII IFÉ.
- Dybo, Vladimir A. 2007. Refleksy indoevropskix slogovyx dolgix plavnyx i nosovyx v kel'to-italijskix jazykax (V zashchitu koncepcii H. Pedersena). In: I. S. Smirnov (ed.). *Aspekty komparativistiki* 2: 11–27. Moskva: RSUH Publishers.
- Dybo, Vladimir A. 2011. Drevneindijskij akcent v dardskom jazyke shina kak problema indoevropskoj akcentologii. In: E. K. Molchanova (ed.). *Leksika, étimologija, jazykovye kontakty: k jubileju doktora filologičeskix nauk, professora D. I. Édel'man*: 92–167. Moskva: Thesaurus.
- Dybo, Vladimir A. 2016. Akcentnaja sistema prakel'tskogo jazyka na fone akcentnyx sistem drugix severo-zapadnyx indoevropskix jazykov. *Journal of Language Relationship* 14: 29–57.
- Édel'man, Dzhoy I. 1985. K karakteristike obshčeiranskoj akcentnoj sistemy. *Iranskoe jazykoznanie. Ezhegodnik* 1981. Moskva: 75–85.

- Efimov, Valentin A. 1976. Obshchie cherty évol'ucii kategorii roda v iranskix jazykax (na materiale sushchestvitel'nyx i prilagatel'nyx). In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Iranskoe jazykoznanie: istorija, étimologija, tipologija (k 75-letiju prof. V. I. Abaeva)*: 23–34. Moskva: Nauka.
- Efimov, Valentin A. 1979. O nekotoryx arxaicheskix chertax morfoložičeskoj struktury prezensa v ormuri. In: *Soveshčanie po obshchim voprosam dialektologii i istorii jazyka (Dushanbe. 12-15 nojabr'a 1979 g.)*. Tezisy dokladov i soobshčenij. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Efimov, Valentin A. 1985. Udarenie v jazyke ormuri. *Indoiranskoe jazykoznanie. Ezhegodnik 1981*. Moskva: 31–64.
- Efimov, Valentin A. 1986. *Jazyk ormuri v sinxronnom i istoričeskom osvешčenii*. Moskva: Nauka.
- Efimov, Valentin A. 1991. Ormuri. In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Novoiranskije jazyki. Severo-zapadnaja grupa I*: 247–315. Moskva: Nauka.
- Efimov, Valentin A. 1997. Parachi. In: V. A. Efimov (ed.). *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Novoiranskije jazyki. Severo-zapadnaja grupa II*: 419–560. Moskva: Vostochnaja literatura RAN.
- Efimov, Valentin A. 2009. *Jazyk parachi*. Moskva: Vostochnaja literatura.
- Efimov, Valentin A. 2011. *The Ormuri language in Past and Present. English translation edited by Joan L. G. Baart. FLI language and culture series (Volume 6)*. Islamabad: Forum for Language Initiatives.
- ÉSIJa = Rastorgueva, Vera S., Dzhoy I. Édel'man. 2000-. *Étimologičeskij slovar' iranskix jazykov*. Moskva: Vostochnaja literatura RAN.
- EVP = Georg Morgenstierne. 1927. *An Etymological Vocabulary of Pashto*. Oslo: Jacob Dybwad.
- EWAia = Manfred Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoirischen. I–III Bde*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- Furnée, Edzard J. 1972. *Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen: mit einem Appendix über den Vokalismus*. The Hague / Paris: Mouton.
- Gauthiot, Robert. 1918. De l'accent d'intensité iranien. *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris* 20: 1–25.
- Gauthiot, Robert. 1914–1923. *Essai de grammaire sogdienne. I. Phonétique*. Paris: Paul Geuthner.
- Gercenberg, Leonard G. 1981. Ob afganskom udarenii. *Iranskoe Jazykoznanie. Ezhegodnik 1980*. Moskva: 48–56.
- Gershevitch, Ilya. 1949. Iranian notes. *Transactions of the Philological Society* 47: 61–68.
- Gershevitch, Ilya. 1954. *A Grammar of Manichean Sogdian*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Grjunberg, Aleksandr L. 1987. *Očerki grammatiki afganskogo jazyka (pashto)*. Leningrad: Nauka.
- Grjunberg, Aleksandr L., Dzhoy I. Édel'man. 1987. Afganskij jazyk. In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Novoiranskije jazyki: Vostochnaja grupa*: 6–154. Moskva: Nauka.
- Hallberg, Daniel G. 2004. *Sociolinguistic survey of Northern Pakistan. Volume 4. Pashto. Waneci. Ormuri*. 2nd edition. Islamabad: National Institute of Pakistan Studies, Quaid-i-Azam University and Summer Institute of Linguistics.
- Henning, Walter B. 1941. The disintegration of the Avestic studies. *Transactions of the Philological Society* 41: 40–56.
- Hirt, Hermann. 1895. *Der indogermanische Akzent*. Strassburg: Trübner.
- Hoffmann, Karl. 1992 (1982). *Vedica. Aufsätze zur Indoiranistik III*: 767–800.
- Houtum-Schindler, Albert. 1884. Beiträge zum kurdischen Wortschatze. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 38: 43–116.
- IEW = Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: French & European Publications.
- Kieffer, Charles M. 1989. Le parāčī, l'ōrmuī. In: Rüdiger Schmitt (ed.). *Compendium linguarum Iranicarum*: 445–455. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Kieffer, Charles M. 2009. Parachi. In: Gernot L. Windfuhr (ed.). *The Iranian languages*: 693–720. London / New York: Routledge.
- Klingenschmitt, Gert. 2000. Mittelpersisch. In: Bernhard Forssman, Robert Plath (eds.). *Indoirisch, Iranisch und die Indogermanistik. Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen*: 191–230. Wiesbaden: Reichert.
- Korn, Agnes. 2016. A partial tree of Central Iranian: A new look at Iranian subphyly. *Indogermanische Forschungen* 121: 401–434.
- Korn, Agnes. 2019. Isoglosses and subdivisions of Iranian. *Journal of Historical Linguistics* 9: 239–281.
- Kroonen, Guus. 2013. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden / Boston: Brill.
- Kümmel, Martin J. 2016. *syá- im Indoiranischen: Zahlwort und Demonstrativum? In: Andrew M. Bird, Jessica DeLisi, Mark Wenthe (eds.). *Tavet tat satyam. Studies in honor of Jared S. Klein on the occasion of his seventieth birthday*: 179–190. Ann Arbor / New York: Beech Stave Press.

- Kuryłowicz, Jerzy. 1958. *L'accentuation des langues indo-européennes*. Wrocław / Kraków: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Kuryłowicz, Jerzy. 1964. L'accentuation en vieil iranien. In: *Indo-Iranica. Mélanges présentés à Georg Morgenstierne à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire*: 103–107. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Kuryłowicz, Jerzy. 1975. L'accent du mot en v.-iranien. In: Jacques Duchesne-Guillemin, Pierre Lecoq, Jean Kellens (eds.). *Monumentum H. S. Nyberg. I*: 499–507. Téhéran-Liège: Bibliothèque Pahlavi.
- Leech, Robert. 1843 (1838). Epitome of the Grammars of the Brahuiky, the Balochky and Panjabi Languages: With Vocabularies of The Baraky, Pashi, Laghmani, Cashgari, Teerhai and Deer. *Journal of the Asiatic society of Bengal* 7: 711–732.
- Mayrhofer, Manfred. 1989. Vorgeschichte der iranischen Sprachen; Uriranisch. In: R. Schmitt (ed.). *Compendium linguarum Iranicarum*: 445–455. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Meillet, Antoine. 1900. La déclinaison et l'accent d'intensité en perse. *Journal Asiatique* 15: 254–277.
- Morgenstierne, Georg. 1926. *Report on a linguistic mission to Afghanistan*. Oslo: H. Aschehoug & Co.
- Morgenstierne, Georg. 1929. *Indo-Iranian frontier languages. Volume I. Parachi and Ormuri*. Oslo: H. Aschehoug & Co.
- Morgenstierne, Georg. 1942. Archaisms and innovations in Pashto Morphology. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap* 12: 88–114.
- Morgenstierne, Georg. 1973. Traces of Indo-European Accentuation in Pashto? *Norwegian Journal of Linguistics (formerly Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap)* 27: 61–65.
- Morgenstierne, Georg. 1974. *Etymological Vocabulary of the Shughni group*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Morgenstierne, Georg. 1983. Bemerkungen zum Wort-Akzent in den Gathas und im Paschto. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 42: 167–175.
- Mylius, Klaus. 1975. *Wörterbuch Sanskrit-Deutsch*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, VEB.
- NEVP = Georg Morgenstierne. 2003. *A new etymological vocabulary of Pashto by Georg Morgenstierne; compiled and edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and Nicholas Sims-Williams*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Novák, L'ubomír. 2013. *Problem of Archaism and Innovation in the Eastern Iranian Languages*. PhD. Diss. Charles University.
- OLD = Peter G. W. Glare. 1983. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford University Press.
- Orel, Vladimir E. 2003. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden: Brill.
- Raverty, Henry G. 1864. On the language of the Sí-áh-Pos'h Káfirs. *Journal of the Asiatic Society of Bengal* 33: 267–278.
- Sims-Williams, Nicholas. 1984. The Sogdian 'Rhythmic Law'. In: Wojciech Skalmowski, Alois van Tongerloo (eds.). *Middle Iranian Studies. Proceedings of the International Symposium organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 17th to the 20th of May 1982*: 203–215. Leuven: Peeters.
- Sokolova, Valentina S. 1967. *Geneticheskie otnoshenija jazgul'amskogo jazyka i shugnanskoj jazykovoj grupy*. Leningrad: Nauka. Leningr. otdelenie.
- Tedesco, Paul. 1926. Ostiranische Nominalflexion. *Zeitschrift für Indologie und Iranistik* II (4): 94–166.
- Trofimov, Artem A. 2014. K probleme rekonstrukcii i.-e. *k^{sep}- 'noch'. *Indoeuropejskoje jazykoznanie i klassicheskaja filologija-XIX*: 899–909.
- Trofimov, Artem A. 2018. On the place of Parachi and Ormuri among the Iranian languages according to the data of annotated Swadesh lists. *Journal of Language Relationship* 16: 277–292.
- Trofimov, Artem A. 2019. O refleksax praindoevropejskix dolgix slogovyx sonantov v latyni. *Journal of Language Relationship* 17: 341–348.
- Trofimov, Artem A. 2021. Udarenie mnozhestvennogo chisla imen s pokazatelem -án v parachi i ego svyaz' s prairanskoj akcentuaciej. *Journal of Language Relationship* 19: 210–231.
- Trofimov, Artem A. 2022. Nabl'udenija nad udareniem v pushtu, parachi i ormuri. In: *Sravnitel'no-istoricheskoe jazykoznanie XIX–XXI vv. K 200-letiyu so dnya rozhdenija Avgusta Shlejxera (1821–1868): materialy XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po sravnitel'no-istoricheskomu jazykoznaniju (MGU imeni M. V. Lomonosova, filologicheskij fakultet, 23–25 nojabrja 2021 g.)*: 114–121. Moskva: MSU Publishers.

Artem Trofimov. The accent in Parachi and Ormuri compared to Pashto and its significance for the reconstruction of Proto-Iranian

In this paper, I discuss the correlations between the accentuation systems of Pashto, Parachi and Ormuri and their relation to the original Proto-Iranian accentuation system. Studies of

the Afghan language (Pashto) material have shown that the Pashto stress system retains traces of the Indo-Iranian state, that is, the oxytonized nominal and verbal bases of Pashto correspond to the oxytonized and baritonized bases in Vedic and in Proto-Iranian. This work takes into account the available material of Parachi andOrmuri, which can be directly compared with the material of Pashto. As a result of the comparison, it is established that the accentuation systems of Pashto, Ormuri and Parachi are essentially identical from a historical perspective.

If we take into consideration that it is precisely with a number of Eastern Iranian languages, retaining traces of historical stress, that Ormuri and Parachi share numerous lexical and morphological isoglosses, we can count the similarities between Parachi, Ormuri, and Pashto in the structure of their accent systems as an additional argument in favor of their Eastern Iranian origin.

Keywords: Parachi language; Ormuri language; Pashto language; stress; contrast accentuation; Old Indian language; Proto-Iranian; Proto-Indo-European.